Е. И. БОРИЧЕВСКИЙ.

О природе эстетического суждения.

I.

К суждениям, притязающим на общезначимость, мы относим прежде всего так называемые теоретические суждения, т. е. высказывания об истинности или ложности чего-либо. Их об'ективность коренится в той принудительности, с какою доказанное положение не может быть отвергнуто никем, кто не отрицает законов человеческой мысли.

Об истине не только возможен, но и необходим спор. Пусть фактически в науке наблюдаются различные мнения, пусть каждая крупная культурная эпоха создает в ней свое направление и изменяет ее общий характер,—но наука, какою мы ее мыслим в ее завершенности, не допускает истинности об одном предмете двух противоположных мнений. Все высказанные на протяжении многовековой истории науки суждения когда-то должны быть надлежащим образом оценены: или отвергнуты или приняты, или перестроены так, чтобы войти в единую науку, свободную от противоречий, рисующуюся нам как венец человеческой мысли. Быть-может, и даже всего вероятнее, эта идеальная наука никогда не будет создана, но она остается той предельной точкой, к которой мы стремимся.

Иначе обстоит дело с суждениями эстетическими. Прежде всего бросается в глаза их удивительное разнообразие,—не только у людей различных эпох и культур, но даже среди людей сходных по своему образованию и социальному происхождению. Правда, это разнообразие само по себе еще ничего не говорит об отличии эстетических суждений от теоретических, ибо и в области научного познания мы наблюдаем тоже большое многообразие и противоречивость суждений и лишь относительно большую устойчивость их. Гораздо существеннее то, что наши эстетические разногласия не могут быть устранены при помощи определенных критериев в виде твердо установленных фактов и законов мысли.

Если к теоретическому суждению нас принуждают определенные нормы—нормы, формулируемые логикой и применяемые нами, хотя и неправильно, даже в тех случаях, когда мы ошибаемся, то к высказыванию эстетического суждения нас обыкновенно принуждает непосредственное впечатление, а не какие-либо доступные формулировке эстетические основания. Правда, в эпохи рационализма нередко бывало иначе. Когда Мерзляков плакал от наслаждения, читая пушкинскую поэму, и несмотря на это сдержанно относился к творчеству поэта, не соответствовавшему тем эстетическим нормам, которыми этот ученый привык руководствоваться, то его ошибка происходила оттого, что он логизировал природу эстетического и не доверял испытанному им художественному наслаждению. А между тем именно наслаждение есть, хотя и не единственная, как думают сторонники теории l'art pour l'art, но первая и ближайшая цель всякого искусства.

Бесспорно, что и теоретические суждения, осуществляя наше стремление к знанию, доставляют наслаждение. Скажем даже больше: к научным занятиям, так же как и к искусству, людей влечет особый мир интеллектуальных радостей. В радости познания мыслителю так естественно видеть величайшее счастье. И все же несомненно, что искусство есть мир, более существенно связанный с наслаждением, чем мир науки.

Пусть изучающий науку, а тем более творчески в ней работающий, имеет свои радости, но это несущественно ни для сделанного научного открытия, ни для изучаемой научной истины. Напротив, художественное произведение, создание которого не было связано с радостями и восторгами творчества, не может быть великим.

Еще в большей мере это верно относительно восприятия художественного произведения: до тех пор, пока произведение искусства не доставит нам наслаждения, мы поостережемся признать его художественность.

Итак, то обстоятельство, что усвоение, а тем более открытие истины может доставлять наслаждение, имеет значение для психологии познавания, но не для теории познания: правильность теоретического суждения не зависит от наших чувств. Напротив, в области искусства наслаждение есть не только психологический факт, не только сопутствующее явление, которое может быть, а может и отсутствовать, но есть существенный, имеющий решающее значение признак: кто не испытал наслаждения от художественного произведения, тот и не может утверждать его эстетической ценности.

Существенность элемента наслаждения заставляет признать родство эстетических суждений с гедоническими, с суждениями о приятном и неприятном. И прекрасным и приятным мы можем назвать лишь то, что нам нравится. И то, и другое есть дело вкуса. А так как «о вкусах не спорят», то не являются ли эстетические и гедонические суждения одинаково суб'ективными?

Дело опять-таки вовсе не в многообразии и разноречивости того или иного вида высказываний. Пожалуй, одобрительные суждения о многих приятных вещах вызывают меньше разногласий, чем иная научная истина. Существенно для гедонических ценностей то, что последней апелляцией для них является личный вкус, не поддающийся никакому осознанию и формулировке.

Напротив, о прекрасном мы спорим. Спор о том, вкусно ли такое-то блюдо, невозможен. Но о ценности художественных произведений мы спорим на каждом шагу. Борьба классов, поколений, отдельных индивидуальностей отражается в этих спорах. Мы говорим о плохом и хорошем вкусе. Развитие художественного вкуса ставим одной из задач социального воспитания. История искусства и литературы выделяет из бесконечного числа художественных произведений некоторые как особенно прекрасные, подвергая их тщательнейшему изучению. Хотя путь к познанию эстетических ценностей лежит через наслаждение, но оно не является окончательным, неподлежащим дальнейшему обсуждению критерием. В этом их отличие от гедонических ценностей.

Как известно, Тургенев в молодые годы восхищался псевдо-романтическими стихами Бенедиктова, но под влиянием Белинского понял лживый пафос этого глубоко-прозаического поэта *). Сопоставим этот факт с приведен-

*) Прочитав статью Белинского, направленную против Бенедиктова, Тургенев воспылал негодованием. „Но—странное дело, вспоминает Тургенев „и во время чтения, и после, к собственному моему изумлению и даже досаде, что-то во мне невольно соглашалось с «критиканом», находило его доводы убедительными... неотразимыми. Я стыдился этого, уже точно неожиданного впечатления, я старался заглушить в себе этот внутренний голос; в кругу приятелей я с большей еще резкостью отзывался о самом Белинском и об его статье....но в глубине души что-то продолжало шептать мне, что он был прав... Прошло несколько времени—и я уже не читал Бенедиктова“.
(И. С. Тургенев. Воспоминания о Белинском).

ным выше фактом из критической деятельности Мерзлякова. Если Мерзляков доверял больше всего усвоенному им эстетическому канону и сдержанно отнесся к Пушкину, то он логизировал свое эстетическое суждение. Но если бы Тургенев настаивал на испытываемом им от поэзии Бенедиктова наслаждении как на окончательном критерии и не хотел бы считаться с какими бы то ни было соображениями против художественной ценности понравившихся ему стихов на том основании, что «о вкусах не спорят», он впал бы в противоположную ошибку: он гедонизировал бы свое эстетическое суждение.

Итак, эстетическое суждение, подобно теоретическому, подлежит какому-то обсуждению, хотя не чисто-логическому, но в тоже время, подобно гедоническому, связано с наслаждением и личным вкусом. Выяснить природу эстетических суждений возможно, определив занимаемое ими промежуточное место между суждениями теоретическими и гедоническими.

II.

Проблема эстетического суждения была сделана предметом систематического исследования Кантом в его «Критике способности суждения».

Как суждение вкуса, эстетическое суждение, по мнению Канта, лишено всякого познавательного характера; не имея своей целью изучение об'екта, оно относится только к суб'екту, к его жизненному чувству и интересуется лишь тем удовольствием или неудовольствием, которое вызывает данный об'ект в суб'екте. Различение логических суждений, направленных на об'ект, и эстетических суждений, как имеющих отношение только к чувствам суб'екта, Кант выдерживает настолько строго, что даже выяснение того, какие свойства предмета вызывают в нас художественное наслаждение, есть, по его мнению, дело логического, но не эстетического суждения*).

Различие между логическими и эстетическими суждениями определяется не различием представлений, от которых они отправляются, а тем, берутся-ли эти представления со стороны своего познавательного содержания или со стороны своего отношения к нашему суб'ективному чувству**)

Чувство наслаждения, являясь основой эстетического суждения, роднит эстетику с гедоникой. Но гедоника всецело привязывает нас к приятному ощущению. К приятному мы питаем простую непосредственную склонность, мы просто наслаждаемся им и даже особенно не стремимся выразить свое одобрение в каком-либо суждении. Тот, кто стремится только к гедоническому наслаждению, по словам Канта, «охотно отказывается от всякого суждения»***).

Эстетическое наслаждение отправляется не от ощущения, а от созерцания и, в отличие от гедонического суждения, связано не с реальностью предмета, а лишь с его идеальным образом.

*) Таким образом определение, что нам нравится в об'екте, имеет с точки зрения Канта значение как бы некоторой логической пропедевтики к возможному эстетическому суждению. Если мы, разбираясь в художественном впечатлении, получаемом нами от какого-либо предмета, постараемся выделить в нем те свойства, которыми обусловлено эстетическое наслаждение, то мы получим только логическое, а никоим образом не эстетическое суждение. Последнее мы будем иметь лишь тогда, когда определив при помощи логического суждения те элементы, которыми вызвано наше эстетическое впечатление, покажем, как эти элементы преломились в нашей чувствующей индивидуальности.

**) Но было бы ошибочным понимать это отнесение представлений к суб'екту и его чувству в том смысле, что суб'ект относит к себе данные представления для того, чтобы при их помощи познавать самого себя. Нет, это отнесение, суб'ект совершает не к своему познавательному я, а к той непосредственной стороне своего существа, которую мы называем „жизненным чувством".

***) Immanuel Kant's Kritik der Urtheilskraft. Herausgegeben von Benno Erdmann. Hamburg 1884. S. 41.

Согласно формулировке комментатора Канта Когена, чувство приятного есть Empfindungsgefühl, чувство прекрасного—Vorstellungsgefühl *). Как Vorstellungsgefühl, эстетическое чувство не заинтересовано в действительном существовании предмета, оно безкорыстно, довольствуясь лишь одной видимостью. Созерцательный характер эстетического наслаждения, отличающий его от гедонического, дает Канту основание установить некоторое родство между эстетическим и логическим суждением.

«Говорящий о прекрасном», пишет Кант, „будет говорить так, как будто бы красота была свойством предмета, а его суждение было логическим (т. е. как будто бы оно есть познание через понятие об об‘екте); хотя это только эстетическое суждение и хотя оно заключает в себе только отношение представления о предмете к суб‘екту, но оно имеет сходство с логическим суждением, и именно в том, что можно предполагать его значимость для каждого“**). Но всеобщность эстетического суждения, в отличие от логической всеобщности, всегда основанной на понятиях, только суб‘ективна, т. е. она не имеет отношения ни к предметам, ни к об‘ективным понятиям, а лишь к нашему чувству наслаждения, вызываемому данным об‘ектом.

Этим устанавливается чрезвычайно важное для Канта различие между гедоническим и эстетическим суждением. Говоря о приятности предмета, мы не притязаем на то, чтобы наше суждение имело значение для других. Суждение о приятном имеет значимость лишь для отдельной личности. «По отношению к приятному», говорит Кант, „имеет полное значение то основоположение, что у каждого свой собственный вкус. Напротив, тот, кто называет нечто прекрасным, судит не только за себя, но и за каждого, и говорит тогда о красоте так, как если бы она была свойством вещи»***).

Характеристика эстетического суждения как вполне суб‘ективного и в то же время притязающего на общее значение приводит Канта к признанию его антиномичности.

Каждый имеет свой собственный вкус. Но в то же время прекрасное есть нечто большее, чем случайное суб‘ективное переживание. Можно ли о нем спорить? Кант различает понятия спорить и диспутировать. Спором он называет попытку путем взаимного противодействия суждений притти к соглашению; диспутирование есть один из видов спора,—именно тот, когда к истине надеются притти пользуясь логическим доказательством. Диспутирование возможно лишь тогда, когда основой суждения является об‘ективное понятие.

О прекрасном можно спорить, но нельзя диспутировать, т. е. можно иметь притязание на согласие других с высказываемым нами суждением, хотя правота этого притязания не может быть логически доказана. Это происходит потому, что в основе суждения о прекрасном лежит эстетическая идея. Эстетическая идея есть представление воображения, для которого нельзя найти адэкватного понятия. Она никогда не может быть логически продемонстрирована. Эстетическая идея неиз‘яснима по своей природе. Оттого невозможен и об‘ективный принцип вкуса, при помощи которого эстетическое суждение могло бы быть исследовано и доказано.

Антиномию эстетического суждения Кант разрешает следующим образом. Тезис должен быть формулирован так: эстетическое суждение не основывается на определенном понятии; антитезис:—эстетическое суждение основывается на неопределенном понятии, данном в творческом воображении, а не в рассудочном мышлении. Тогда установленная выше антиномия разрешается, и никакого противоречия не оказывается. Тем, что в основе эстетического переживания лежит идея, об‘ясняется наше желание и право спо-

*) Hermann Cohen. Kants Begründung der Aesthetik. Berlin 1889. S. 156—157.
**) Immanuel Kants Kritik der Urtheilskraft. S. 46.
***) Ibidem, S. 47.

рить, как если бы наше суждение было об'ективным; тем, что эта идея не поддается рассудочной демонстрации,—невозможность диспутировать о прекрасном.

Мысли Канта о природе эстетического суждения получили критическую, но в общем положительную оценку у Лотце, попытавшегося дать иное, более точное и углубленное определение тем особенностям эстетического суждения, которые Кант правильно подметил, но, по мнению Лотце, не всегда удачно формулировал*). Главную заслугу Канта в области эстетики Лотце видит в том, что исходным пунктом своего исследования он взял единственный независимый от всяких предпосылок факт: существование особого вида суждений, называющих нечто прекрасным, но без ясного отчета в том, что мы собственно обозначаем этим словом. Лотце ценит у Канта прежде всего то, что его эстетика является теорией эстетического суждения.

Но предложенное Кантом различение приятного и прекрасного не вполне удовлетворяет Лотце. По Канту чувство прекрасного, в отличие от чувства приятного, не заинтересовано в реальном бытии своего об'екта. По мнению Лотце, это определение ясно лишь в применении к пластической красоте природных форм и изобразительных искусств. Художественная форма здания может быть прекрасной независимо от того, выстроено ли оно или существует лишь в виде плана. Но к стихотворению кантовская формула, если и могла бы быть применена, то лишь в совсем другом смысле, именно в том, что красота стихотворения независима от реальности того, что в нем изображено. Но ведь красота стихотворения вообще не в содержании, а в изложении этого содержания.

Лотце предлагает посмотреть на кантовское различение приятного и прекрасного еще и с другой стороны. Приятное действует на нас своей физической реальностью. Воспоминание о приятном, как бы полно оно ни было, никогда не заменит нам его живого и непосредственного воздействия. Очарование прекрасного, напротив, большей частью находится в мысли и не нуждается в материальной действительности своего об'екта, как непременном условии. Предлагая такое понимание мысли Канта, Лотце находит, что и в этом случае Кант не вполне прав. Так красота музыки не дана во всей своей полноте, когда мы лишь представляем себе ряды звуков: мы хотим их слышать, мы хотим их непосредственного чувственного воздействия. Точно также воспоминание о картине не может нам вполне заменить ее зрительного восприятия. Но правота Канта в обоих приведенных случаях в том, что чувственные впечатления лишь помогают нам воспроизвести все многообразие представлений в их взаимной связи, являющееся истинной основой эстетического наслаждения, тогда как основой гедонического наслаждения является само чувственное раздражение. Ввиду этого Лотце предлагает кантовское определение приятного как того, что нравится внешним чувствам в ощущении, дополнить определением прекрасного как того, что нравится фантазии в созерцании**).

Второй заслугой Канта Лотце считает его отрицание возможности об'ективных критериев для эстетического суждения. В лице Канта, по его мнению, немецкая эстетика положила предел тому доктринерству, с которым романские народы хотели подчинить суждения о прекрасном твердо установленным канонам. Очевидно, Лотце имеет ввиду французский классицизм. Но ему кажется неясным, почему впечатления, связанные с эстетической способностью суждения, притязают на всеобщность, а впечатления, связанные с чувственностью, лишь индивидуальны, хотя мы как для эстетической способности суждения, так и для чувственности не только предполагаем, но и находим некоторые общие нормы их деятельности у всех ин-

*) H. Lotze. Geschichte der Aesthetik in Deutschland. München 1868.
**) Ibidem, s. 46.

дивидуумов. Если же говорить об индивидуальных отклонениях, то ведь они возможны как в той, так и в другой области. Различиям в чувственной восприимчивости, обусловливающим узко-личное значение гедонических суждений, могут соответствовать различия и в области внутреннего созерцания. Поэтому Лотце считает кантовское об'яснение притязания эстетических суждений на всеобщность неудовлетворительным. Но, по его мнению, у Канта есть другая мысль, нигде ясно не формулированная, но часто присутствующая между строк. Она состоит в следующем.

Когда обычное словоупотребление отделяет прекрасное от приятного как ценность более высокого порядка, то оно имеет ввиду не право на всеобщность у первого и его отсутствие у второго, но нечто иное. Приятное основано на чувственности, т. е. на пассивной восприимчивости. Прекрасное, напротив, связано с деятельностью наших душевных сил. Когда мы переживаем нечто прекрасное, мы чувствуем себя деятельными; соответствие получаемых впечатлений с условиями этой деятельности вызывает в нас наслаждение. На том, что прекрасное, в отличие от приятного, мы воспринимаем лишь становясь внутренне - активными, основана его высокая оценка, выражающаяся в притязании эстетического суждения на общее признание*).

Из философов нашего времени существенно новую формулировку учению Канта об эстетическом суждении дал Георг Зиммель**).

Определению эстетического наслаждения, как независимого от реального существования его об'екта, он дает следующее об'яснение. Расчленяющий рассудок, говорит Г. Зиммель, различает во всяком предмете с одной стороны сумму его свойств, с другой—тот факт, что обладающий этими свойствами предмет в действительности существует; мы можем отвлечься от этого факта и представить себе качественное содержание об'екта, вовсе не спрашивая о том, существует ли он как некая независимая от нашего представления реальность. Если же мы подымаем этот вопрос, если наши интересы и наше наслаждение зависит от чувственной данности и осязаемости предмета, то мы находимся уже вне эстетической области. «Для того чтобы мы могли жить в доме, обнять человека, укрыться под тень дерева и наслаждаться всем этим, нужно, чтобы эти явления реально существовали; но если одно лишь внутреннее созерцание этого дома, этого человека, этого дерева доставляет нам радость независимо от того, удостоверяют ли реальные отношения существование этих предметов;—если это счастие сохранится в своей неизменности даже и тогда, когда эти явления окажутся fata morgana и сохранят лишь свой чувственный образ; оставив нам только чистое содержание нашего созерцания, то тогда из различных возможностей наслаждаться миром выделится собственно эстетическая»***). В этом случае наслаждение вещью зависит лишь от ее созерцания и дано расстояние, на котором мы наслаждаемся предметом, его не касаясь. «Вот почему», говорит Г. Зиммель, «поэтическое значение стихотворения, совершенно не зависит от того, соответствует ли его содержанию какая-либо действительность или нет. Вот почему с этой точки зрения музыка—самое совершенное эстетическое явление, ибо в ней свобода от интереса к действительности доходит даже до невозможности подобного вопроса».****) Чувственное наслаждение всегда связано с независимой от нашего внутреннего мира реальностью. «Оно для нас ценно потому, что мы им наслаждаемся; прекрасным, наоборот, мы наслаждаемся потому, что оно ценно». Эстетически наслаждаясь, мы наслаждаемся не существованием вещи, которую признаем ценной, а ее

*) Ibidem, s 54.
**) Georg Simmel. Kant. Leipzig 1904.
***) Ibidem. S. 156.
****) Ibidem. S. 157.

свойствами и формами независимо от того, присуща ли им воспринимаемость бытия.

Психологическое основание для кантовского определения прекрасного Г. Зиммель видит в том, что красота обычно ставится в зависимость от зрения и слуха и исключает осязание, а между тем психологически именно осязание и есть чувство реальности, как бы мост к ней: только то, что мы можем схватить, кажется нам обладающим полной реальностью. Конечно, полотно и мрамор можно осязать, но ведь произведение искусства не есть этот материал подобно тому, как в состав стихотворения не входит бумага, на которой оно написано.

Положительно отнесся Г. Зиммель также и к кантовскому учению о всеобщности эстетических суждений. В основе эстетическог наслаждения лежит деятельность общих всем людям душевных сил. «Смутное ознание, что основные функции нашего духа, функции, которые общи всем нам, действуют здесь для самих себя», говорит Г. Зиммель, «вызывает в нас веру, что в эстетических суждениях мы не можем быть одиноки, что всякий другой человек высказал бы это же суждение, если бы ему удалось видеть об'ект таким, каким мы его видим *). Эстетический мир есть мир суб'ективных процессов, но он возвышается над различными случайностями чувственного удовольствия и имеет повидимому какую-то общечеловеческую основу. Вера в об'ективную ценность переживаемого нами эстетического наслаждения выражается в его притязании на выходящую за пределы нашей личности общезначимость.

Истолкование кантовского учения об эстетическом суждении в духе нормативистической школы неокантианства дает Ионас Кон **).

Когда Кант определяет эстетическое суждение как «всеобщее» или как «необходимое», то он имеет ввиду, по мнению Кона, отнюдь не эмпирическую всеобщность или необходимость; в этих терминах Кант выражает мысль, что эстетические ценности, подобно логическим и этическим и в отличие от гедонических, имеют характер требования. «Истинное положение не спрашивает о том, нравится оно мне или нет; я должен признать его, дабы не испытать упреков со стороны самого себя. Долг выступает с требованием, чтобы ему следовали, и когда я, несмотря на то, что знаю свой долг, поступаю противно ему, то я знаю, что я поступил вопреки своему долгу. Так и прекрасное, великое произведение искусства пред'являет мне притязания, чтобы я проникся им» ***). Доказать правомерность императивного момента в эстетических суждениях нельзя, но кто его отвергает, для того прекрасное совпадает с приятным: «искусство будет для него своего рода роскошью и относится к одной категории с изготовлением мягких кроватей и ремеслам парфюмера» ****). Кто не желает принять этих выводов, тот должен признать императивный характер эстетических суждений.

Борьба мнений в эстетической области не носит логического характера. Полем этой борьбы является история искусства. Хотя общие условия эстетической оценки могут быть установлены, но в каждом отдельном случае она зависит, в конце концов, от непосредственного переживания. Однако рассудочный отчет об основаниях, по которым что-либо нравится или не нравится, имеет существенное значение для образования эстетического вкуса *****).

Каждый начинает с того, что ценит ограниченный круг художественных произведений, но благодаря развитию эстетического вкуса этот круг постепенно расширяется. Особое значение И. Кон придает людям, умеющим сообщить свои впечатления другим и определить, что именно в произведении искусства кажется им значительным.

---

*) Ibidem, S. 168.
**) Ионас Кон. Общая эстетика М. 1921.
***) Ibidem, стр. 42.
****) Ibidem, стр. 45.
*****) Ibidem, стр. 49.

III.

Об эстетических суждениях мы спорим. Следовательно, какую то нормативность мы признаем в них. Определить ее можно, лишь установив, что представляет собой эстетический спор.

Если мой собеседник отрицает ценимое мною произведение искусства, то я могу показать ему, какие элементы этого произведения и в каком именно внутреннем взаимодействии производят на меня художественное впечатление. Я постараюсь, дав анализ произведения (логический элемент спора) и живо изобразив свое переживание (эмоциональный элемент спора), заставить собеседника взглянуть на произведение теми же глазами, какими вижу его я. Возражения собеседника могут быть направлены на мое понимание художественного произведения, на мой «вторично-творческий синтез». Собеседник может признать, что этот синтез произведен мною произвольно, я же буду доказывать, что его понимание данного произведения упускает из виду ряд ценнейших моментов. Спор, ведомый в этой плоскости, есть спор различных пониманий. Б. Христиансен думает, что именно в различии пониманий и коренится большинство различий в оценках художественных произведений. Мы не сходимся в оценке потому, что имеем перед собой различные эстетические об'екты, ибо различен произведенный нами «вторично-творческий синтез» *). Наш спор есть спор о правильном понимании.

Но ошибочно было бы думать, что наблюдаемое нами многообразие эстетических суждений об'ясняется лишь многообразием пониманий. Правда, начинаться всякий эстетический спор должен с выяснения понимания спорящими оцениваемого предмета; иными словами, нужно выяснить, не спорят ли они, различно конструируя произведение художника, в сущности о двух различных об'ектах.

Если этого нет, если расхождение коренится не в различии пониманий, тогда оно имеет несравненно более глубокий источник,—в различии требований, пред'являемых собеседниками к тому, что они признают эстетически-ценным.

На этой плоскости или, вернее сказать, на этой глубине спор неизмеримо труднее. Что называть эстетически-ценным, какие требования к нему пред'являть,—этот вопрос решается лишь в теснейшей связи с отношением к жизни вообще. Ролью эстетической ценности в системе других жизненных ценностей обусловливаются и те требования, которые к ней пред'являются. Но эти нормы, очевидно, будут убедительны лишь для людей, стоящих на почве общего миропонимания. Вот почему и значимость эстетических норм, в отличие от логических, обладающих действительной всеобщностью, ограничена пределами лишь той общественной группы, которая образует собой известное культурное единство.

Но даже в этих пределах эстетическая норма отличается по своей природе от нормы логической и этической. Основой эстетического суждения является чувство наслаждения. Но всякая норма заключает в себе элемент принудительности. Принудительное же наслаждение есть понятие абсурдное; это отметил еще Кант в одном примечании к тексту «Критики способности суждения» **). Быть может, он чувствовал, что его построения легко приводят к этому понятию, как это и случилось у Кона, внесшего в эстетическую ценность несвойственный ей момент этический.

Основой этики является идея известной обязанности. Напротив, эстетика открывает нам путь в мир наслаждения. Когда мы спорим о прекрасном, мы не пред'являем к собеседнику никаких требований; эстетическая ценность свободна как от логической принудительности, так и от этического

---

*) Б. Христиансен. Философия искусства. СПБ 1911, стр. 42—45.
**) Immanuel Kant's Kritik der Urtheilskraft, S. 43.

долженствования. Мы лишь хотим, чтобы наш душевно-ценный опыт стал достоянием других людей. Мы уверены, что ценность наших эмоций будет признана каждым, кому мы сумеем передать их. Но она не может быть передана путем логическим: эстетические суждения опираются на непосредственное переживание. Оттого задача эстетического спора—разрушить непосредственное переживание собеседника и указать путь к иному восприятию об'екта.

Лишь в одном, но очень частом случае суждение об искусстве может обладать нормативностью, эстетическому суждению как таковому, несвойственной: искусство не есть область одних лишь эстетических ценностей;—оно является сосудом, в котором человечество хранит многие ценности внеэстетического порядка: социальные, философские, даже чисто научные. *) Исторический или этнографический роман, философская или гражданская лирика оцениваются не только как явления эстетические. Поскольку они оцениваются с точки зрения других, внеэстетических ценностей, нормативность подобных суждений будет, конечно, иной, чем нормативность чисто-эстетических суждений.

В отличие от гедонических, эстетические переживания-глубоко-социальны. Если человек наслаждается чем-либо приятным, то захочет ли он поделиться своим удовольствием или даже просто рассказать о нем другим людям, зависит от его личных свойств,—его эгоизма, замкнутости, общительности, чувства симпатии и т. п. Напротив, эстетическое переживание, возникая как глубоко личное чувство, стремится, независимо от характера суб'екта, утвердить свою ценность, хочет распространиться, захватить других людей. Такова сама природа эстетического переживания. Только благодаря этой особенности искусство становится одним из значительнейших явлений социальной жизни.

Но на ряду с социальным мотивом имеет значение и чисто-индивидуальный мотив, характерный для всякого спора вообще. Когда мы спорим, мы как будто хотим лишь повлиять на образ мыслей других. Но, удачно доказав собеседнику свою мысль, мы еще больше убеждаемся в своей правоте, иногда в самом процессе спора находим новые доводы, новые более удачные формулировки своих мнений. Спор приобретает значение для нас лично. Мы начинаем лучше понимать самих себя. Особенно это справедливо относительно эстетического спора, ибо наши эстетические впечатления глубоко-иррациональны и их осознание представляет исключительные трудности.

Но здесь возникает вопрос, почему мы хотим познать, что в данном об'екте доставляет нам художественное наслаждение? Стремится ли к этому только наше познавательное я, устанавливающее причинную связь явлений, или этого хочет также и наше эстетическое я? Другими словами, представляет ли определение того, в чем именно состоит красота художественного произведения, лишь познавательный или также и эстетический интерес.

Существует мнение,**) что анализ прекрасного, уничтожая или уменьшая его таинственность, может лишь ослабить эстетическое впечатление, разрушить живую целостность художественного опыта. Если это так, то надо признать, что всякое желание понять прекрасное есть принесение в жертву нашего эстетического интереса интересу познавательному. Тогда стремление

---

*) Г. Зиммель, обсуждая теорию l'art pour l'art и находя в ней много достоинств, обвиняет ее в крайнем рационализме. Он проводит параллель между этой теорией и моральным учением Канта, поднявшего в своем крайнем ригоризме этическую ценность на такую высоту, что для нее оказались закрытыми все пути к жизни. Georg Simmel. Zur Philosophie der Kunst. Potsdam 1922 S 85.

**) Мюллер-Фрейенфельс считает теоретическое изучение поэзии необходимым для исследователя, но вредным для непосредственного наслаждения (R. Müller-Freienfels. Poetik. Leipzig, 1921, S 44) Но в другой книге тот же автор различает холодный александринизм, разрушающий чувство и заменяющий непосредственное художественное переживание его интеллектуальным суррогатом с одной стороны,—и стремление к большей осознанности переживания с другой стороны. (R. Müller-Freienfels. Psychologie der Kunst. Berlin 1922. B. I, S. 58).

осознать свои эстетические эмоции было бы свойственно лишь исследователям. Но та жадность, с которой люди прислушиваются ко всем попыткам об'яснения великих произведений искусства, показывает, что в данном случае эстетический интерес не только не приносится в жертву познавательному, но, напротив, познание помогает углубить и усилить эстетическое впечатление. Как ни опасна рационализация искусства, несомненно, что нам доставляют эстетическое наслаждение не только непосредственные переживания художественных ценностей, но и тонкие наблюдения над ними. Непосредственная оценка произведения искусства, выражаемая лишь словами одобрения или неодобрения, не удовлетворяет нас. Из этой неудовлетворенности выростает стремление превратить оценку в суждение, сохраняющее элемент оценки, но его осознающее и мотивирующее.

Искусствознание должно не только удовлетворить требования теоретического я причинным об'яснением явлений искусства и установлением господствующих в нихзакономерностей, но оно преследуетеще и другую—другую, конечно, лишь в логическом отвлечении—цель, эстетическую: указать путь к тем наслаждениям, которые таят в себе великие произведения искусства.

Стремление превратить эстетическое наслаждение из индивидуального в социальное приводит к попыткам приписать эстетическим суждениям некоторую об'ективность. Полной об'ективизации препятствует однако то, что от эстетических суждений мы требуем оригинальности—оригинальности в том смысле, в каком она не имеет места в области теоретических суждений. В мире познания оригинальность ценна лишь как нечто новое, движущее нас вперед. В науке оригинальные суждения ценны лишь в том случае, если они истинны. Но если они истинны, то они должны стать общепризнанными, т. е. должны перестать быть оригинальными. Напротив, в области эстетики мы требуем, чтобы красота природы или великих произведений искусства воспринималась бы по своему каждой эпохой, поколением, общественным классом, народом, социальной группой, каждым художественным течением, даже каждой индивидуальностью.

Об'ективности эстетическихсуждений этим требованием кладется известный предел. Всякая норма выявляет элемент над'индивидуального. В эстетической области норма как бы изменяет своей собственной природе: она требует, (и это требование носит над'индивидуальный характер) чтобы наши эстетические суждения были вполне индивидуальны, чтобы они характеризовали не только об ект, но выражали также и внутренний мир оценивающего, независимо от того будет ли этим оценивающим коллективная или единичная индивидуальность. Эта особенность, это требование, чтобы высказывающий суждение отразил бы в нем свой мир, связано с тем, что эстетическое суждение есть своего рода художественное творчество.

Природа воспринимающего предмет искусства и природа творящего художника в известном смысле тождественны. Поэтому требуя от художественного произведения оригинальности, мы требуем ее и от эстетического суждения. Мы не ищем раз навсегда установленного понимания Леонардо-да-Винчи, Гете или Бетховена; напротив, мы хотим, чтобы каждое поколение и даже каждая личность, обращаясь к этим художникам, воспринимали бы их по своему, видели бы своего' Леонардо-да-Винчи, читали бы своего Гете, слушали бы своего Бетховена.

Но если это так, то возможен ли какой-либо спор в области эстетических суждений? Ведь спор о Леонардо-да-Винчи, Гете и Бетховене, возможен лишь в том случае, если мы признаем какую то одну, истинную оценку этих художников,—оценку, достигнуть которой мы стремимся. Мы приходим здесь опять к той же антиномии, которой посвятил Кант свою диалектику эстетической способности суждения, хотя и перенесенной в иную плоскость. Мы должны признать оба логически друг друга исключающих положения,—именно, что каждый должен иметь своего Леонардо-да-Винчи, Гете и

Бетховена и что существует какое-то одно «истинное» понимание этих художников. *).

В зависимости от того, как разрешается эта антиномия, получается три вида эстетических суждений. К первому виду относятся суждения, в которых индивидуальный элемент проступает слабо и оценивающий стремится прежде всего установить «истинное» понимание искусства. Это может быть достигнуто или путем об'единения всего того об'ективно-ценного, что внесли в суждение о данном художнике или произведении искусства различные поколения, или путем имманентного изучения элементов художественного произведения, т. е. идеи, стиля и композиции в их взаимной обусловленности. Фантазия воспринимающего искусство в этом случае покорно следует воле художника. Такое суждение об искусстве наиболее наукоподобно, но зато лишено индивидуально-творческого художественного элемента. **)

Прямой противоположностью таким эстетическим суждениям являются суждения, в которых оценивающий не подчиняет своей творческой воли эстетическому об'екту, но пользуется им лишь как материалом для осознания своего я. К этому виду принадлежат также эстетические суждения о природе. Отличие красоты природы от красоты искусства состоит именно в том, что художественное произведение есть создание некоторой воли, организовавшей элементы искусства согласно определенной цели, хотя бы и иррациональной—тогда как в природе элементы красоты лишены телеологического единства и воспринимаются нами как нечто пассивное, как нечто, во что мы проицируем свой внутренний мир (Einfühlung). ***).

Тот, кто воспринимает искусство с таким же суб'ективизмом, как и природу, относится к нему импрессионистически. Он не чувствует воли организатора-художника, он не хочет замечать этой воли и сочетает отдельные элементы произведения, руководствуясь лишь своим творческим произволом. Этот тип эстетических суждений наименее выявляет нам истинный смысл произведений искусства и потому в своем чистом виде лишен научного значения. Зато эти суждения обладают такой творческой ценностью, которая заставляет их ставить наряду с произведениями искусства. ****).

---

*) Одним из проявлений этой антиномичности эстетического суждения является одновременное существование у одного и того же суб'екта двух типов эстетических оценок. Первый тип оценки касается об'ективного значения художника или произведения искусства. Другой тип оценки выделяет „любимые" произведения, хотя бы и уступающие по своему об'ективному значению другим- «великим». Особенно типична эта двойственность оценок в области лирики: наряду с поэтами, по нашему мнению, об'ективно значительными, мы выделяем поэтов, соответствующих нашей жизненной лирике.

Более тонко и менее уловимо сознанием раздвоение, вызванное тем, что оценивающий более пристрастен и восприимчив к какой-либо стороне художественной формы; когда, например, знаток живописи любит и остро воспринимает линию и мало чувствует краску или наоборот; или когда любитель поэзии чутко воспринимает и любит образную сторону слова и, напротив, слабо воспринимает ее музыкальную сторону; эта односторонность ведет к оценкам, справедливость которых легко может быть оспариваема. Очень часто ценитель и сам желает в своих оценках, притязающих на общее значение, преодолеть свойственную его восприятию односторонность и уравновесить свое первоначальное суждение оценкой также и тех элементов, которые ему более или менее чужды.

**) Вопрос о роли эстетического суждения в науке об искусстве и литературе служит темой отдельной статьи, являющейся продолжением настоящей.

***) Именно по этой причине суждения о красоте природы, как более суб'ективные, занимают промежуточное место между суждениями об эстетически-ценном в искусстве и чисто-гедоническими.

****) Мюллер—Фрейенфельс считает одним из замечательнейших парадоксов художественной жизни то, что часто совершенно неадэкзативные понимания искусства оказывались особенно творческими. Он указывает на истолкование античности немецкими классиками и средневекового искусства романтиками. Оба истолкования в об'ективном смысле совершенно не адэкватны, но именно благодаря этому оказались особенно плодотворными. (R. Müller—Freienfels. Psychologie der Kunst B. II s 249.

Третий тип эстетического суждения примиряет отрицающие друг друга положения установленной выше антиномии. Обе стороны эстетического суждения—научная и художественная—уравновешивают в нем друг друга. Одинаково далекий как от холодной рассудочности, так и от суб'ективной произвольности, он призван преодолевать неизбежную односторонность двух других типов.

И. Ю. МАРКОН.

Город Янболи.

В журнале А. Гейгера «Jüdische Zeitschrift für Wissenschaft und Leben (V Iahrgang, Breslau, 1867, S. 311) X.—И. Гурлянд опубликовал две надгробные надписи из открытых А. Фирковичем на караимском кладбище в Чуфут-Кале (в Крыму).

Приводя текст этих надписей Гурлянд говорит: .... «Die Firkowitsche Inschriftensammlung belehrt uns, dass einzelne Juden auch aus dem Lande Uz (Arabien?) und aus der Stadt ינבוילילס (Neapolis?) nach der Krim eingewandert sind. Wir theilen die 2 betreffenden Grabschriften aus Tschufut-Kale wollständig hier mit, und bemerken, das die erste aus dem Iahre 989 (ד״א תשמ״ט) und die zweite aus dem Iahre 1071 (ד״א תתל״א) datirt».

Впоследствии эти обе надписи были также напечатаны А. Фирковичем в его сочинении אבני זכרון (Сборник еврейских надписей на Крымском полуострове, Вильна 1872) под №№ 118 (р. 34) и 228 (р. 56).

О первой из этих надписей я подробно говорю в другом месте[1]).

Здесь я буду говорить о второй надписи, гласящей [2]):

וזאת
המצבה אשר הוצבה על קבר האיש[3]
ההולך[4] בדרך טובה אשר בא מק׳ק ינבולילס
לסחורה ולא שב בה ושמו כ״ר סימן טוב
נשמתו לעולם הבא ממשפחת רם בכ״ר
יהודה[5] צבע נפשו בגן עדן בנחת
ושובה[6] שנפטר בגזרת אלהא רבא
והלך לבית עולמו ברצון ואהבה
ביום א׳ בראש חדש ניסן נאסף וגוע
ובמחרתו יום ב׳ לקברו[7] בא שנת י׳ש׳פ׳ט׳
ת׳ב׳ל׳ בצדק ילין בה[8] תנצב״ה

---

[1]) В моей работе: «Одно из названий Турции в еврейской литературе», печатающейся в «Известиях Российской Академии Наук» за 1922 год.

[2]) Текст воспроизвожу по оттиску, хранящемуся в Российской Публичной Библиотеке.

[3]) У Гурлянда ошибочно: איש.

[4]) У Гурлянда ошибочно: הלך.

[5]) У Гурлянда: יאורה.

[6]) У Гурлянда: וטובה.

[7]) У Гурлянда: לקבר.

[8]) У Гурлянда прибавлено: לפ״ק.

Приводим здесь перевод надписи, причем пояснительные прибавления к переводу заключаем в скобки:

Это-надгробный памятник, поставленный над могилой человека идущего по доброму пути, который прибыл из святой общины Янболилс по торговым делам, но обратно туда не возвратился: имя его почтенный рабби Симан-Тоб, да будет его душа (жить) в будущей жизни,—(происходящий) из высокой семьи, сын почтенного рабби Иегуды Саба, душа его (да почиет) в саду Эденском (т. е. в раю) в мире и спокойствии,—который умер по предопределению Господа Великого и ушел в дом вечности с покорностью и любовью. В первый день (воскресенье) в первый день новолуния (месяца) нисана он скончался, а на завтра, во второй день (понедельник) он пришел в свою могилу (был похоронен) в году [1]) „вселенную он будет судить по справедливости,—(справедливость) пребывает в ней“—да будет душа его связана в узле (вечной) жизни.

Что же это за город Янбулилс (ינבולילס), который Гурлянд считал,—правда под вопросительным знаком,—за Неаполь?

Такой тонкий критик, как Abraham Geiger, в журнале которого эта надпись была впервые опубликована, над этим вопросом не останавливается; он в примечании указывает лишь: «Es ist hier ein Reim auf בה (בא) durchgehend beabsichtigt». Это—указание совершенно верное. Впрочем, Гейгер должен был бы указать рифму не только הא (בה), но также и וע, как мы видим в одном месте надписи, а именно в слове וגוע, правда, рифму не совсем правильную.

А. Я. Гаркави, высказавший в своем сочинении Altjüdische Denkmäler aus der Krim (St. Petersburg, 1876), общее положение, что на кладбище в Чуфут-Кале не может быть надгробных надписей древнее второй половины XIII-го века, ограничивается, по поводу интересующей нас надписи лаконической фразой, касающейся лишь даты (op. cit., стр. 260): „№ 228. Im Chronostich war ursprünglich wahrscheinlich blos ישפט punktirt; относительно города Гаркави ничего не говорит.

Ни проф. H. L. Strack в своей брошюре: „A. Firkowitsch und seine Endeckungen“ (Leipzig, 1876), ни проф. Д. А. Хвольсон в своем труде: „Сборник еврейских надписей содержащий надгробные надписи из Крыма etc. (С.П.Б., 1884), ни Э. Дейнард в его משא קרים (Варшава, 1878) на вышеуказанной надписи не останавливаются.

Я полагаю, что здесь речь идет о городе Янболи (ינבולי).

---

[1]) В еврейской письменности, подобно как и в древне-греческой и церковно-славянской за отсутствием цифр, употребляются для обозначения чисел буквы алфавита, причем при обозначении года тысятелетие не отмечается, если оно предполагается известным.

Часто для обозначения года берется какой-нибудь стих Библии (хроностих) или часть стиха и над теми буквами, сумма коих составляет нужную дату, ставятся точки или черточки.

Счет у евреев ведется от сотворения мира; для переложения не-еврейского года на год христианской эры следует из еврейского, если известно тысячелетие, вычесть 3760 или прибавить 240 к сотнями, не обращая внимания на тысачи.

Таким образом, если в нашей надписи точки стоят над двумя словами ישפט תבל, то год равняется числовой сумме букв этих двух слов, т. е. 10+300+80+9+400+2++30=831.

Так как у евреев в настоящее время лишь (5)684 год от сотворения мира, то указанный 831 год должен быть отнесен к прошлому тысячелетию, следовательно, это будет 4831—3760=1071 год по Р. Х.

А. Фиркович; как известно, на многих надгробных памятниках кладбища в Чуфут—Кале «ad majorem gloriam Karaeorum» изменил даты посредством переделки ה (обозначавшего тысячелетия) в ה или путем помещения точек над буквами, которые таковых раньше не имели, и этим способом передвинул много надписей из XVI и XVII века в X и XI век, много (89) отнес даже к эпохе начиная с 6-го года по Р. Х. по IX век по Р. Х., а некоторые памятники целиком сфабриковал и т. п.; кроме того, к нескольким свиткам Торы смастерил эпиграфы, совершил различного рода подлоги и приписки к рукописям.

Что же касается начертания Янболилс (ינבולילס), то две последние буквы לס составляют, на мой взгляд, ни что иное, как начало следующего слова: לסחורה. Возможно, что резчик хотел здесь выразить целое слово לסחורה, но оно не уместилось, и он выбив лишь две буквы, поместил это слово целиком на новой строке, а может быть резчик вообще не хотел оставить пустое место. В рукописях мы это наблюдаем очень часто, изредка же мы это встречаем и на надгробных надписях. Для примера сошлюсь на надгробную надпись из Puente Castro, или "Castro de los Judios", из испанской провинции Леон, на которой в конце 4-ой, 8-ой и 9-ой строки находятся первые буквы начальных слов следующих строк.

Вот эта надпись [1]):

[ז]ה הק[בר] ל[מ׳] [יח]יה ב[ן]
מ׳ יוסף בן עזיז הצורף נ[פטר]
בן חמש וששים שנה באח[ד]
בשבת חמשה עשר יום ליר
לירח כסליו שנת שמונה
מאות וששים ואחד למנין
ליון מתא הקבה יזכהו
ויסלח עונותיו ויכפר חט
חטאתיו וירחמהו ויעד[2]
ויעמדהו לגורלו לקץ הימין
ויחייהו לחיי עולם הבא

Подобное же явление мы наблюдаем на надгробной надписи, найденной близ города Леона в Испании и хранящейся в Археологическом Музее в Леоне [3]).

Приводим текст 8-ой и 9 ой строки этой надписи:

. . . .
. . . .
8 חלק עם הצדיקים ותהי נפשו צר
9 צרורה בצרור החיים ויקיץ לחיים
. . . .
. . . .

Здесь также в конце 8-й строки находятся две буквы צר, составляющие начальные буквы первого слова 9-ей строки: צרורה.

---

1) Эту надпись из Пуэнтэ Кастро впервые опубликовал испанский историк литературы Амодор де лос Риос в своем сочинений: „Estudios sobre los Judios in España“; затем о ней писал еврейский ученый из Венеции Моисей Соаве в Bolletino Italiano degli studii orientali, 1877, № 24, p. 402 и сл.; ее приводит также проф. Д. А. Хвольсон в „Сборнике еврейских надписей etc, стр. 172—3. В приложенных к „Сборнику“ таблицах Хвольсон воспроизвел эту надпись фотолитографически под №№ 191 и 215. Фотолитография № 215 воспроизведена Хвольсоном по литографическому снимку с этой надписи, сделанному известным испанским археологом и гебраистом Фидель Фита в Boletino.

Об этой надписи писал также Isidor Loeb (Revue des Etudes Juives, t. II, p. 135) и Moïse Schwab в его Rapport sur les Inscriptions hebraiques de l'Espagne, p. 22 (Fascicule 3 из Nouvelles Archives des missions scientifiques et litteraires choix de rapports et instructions publié sous les auspices du Ministere de l'Instruction Publique et des Beaux—arts, Tome XIV, Paris, 1907). В конце книги М. Шваба приложена фотография: fig. 4.

2) ויעד ошибочно, вместо: ויעמ.

3) Эту надпись опубликовал с приложением прекрасной фотографии Фидель Фита, Bolletino t. XLVII, p. 137 и сл.; она приводится также у Moise Schwab, op. cit., p. 33—34. В конце книги М. Шваба приложена фотография: fig.8.

А. Фиркович указывает точки над двумя словами хроностиха ישפט תבל, [1]) числовая сумма букв коих дает надписи [4]4831 год по сотворении мира, т. е. 1071 год по Р. Хр.

Что дата эта—неправильная, т. е. что точки стояли первоначально не на всех буквах или вообще на других буквах разных слов хроностиха, нам указывает упоминающийся на надписи город Янболи.

Город Янболи может быть 1) или Балаклава 2) или Янболи (Ямболы, Ямболу, Янболы) на Балканском полуострове к северу от Адрианополя.

Балаклава, древний Палакион, упоминается и Страбоном[2]) среди укреплений, устроенных скифским царем Скилуром и его сыновьями и служивших им сборным пунктом во время войны с полководцами Митридата Эвпатора, царствовавшего с 123 по 64 до Р. Х.

У Плиния [3]) Балаклова встречается под названием: „Taurorum civitas Placia“.

Балаклавский залив называется у Страбона: [4]) Лимен Стеностомос (узко-устый залив) [5]), „Сюмболон Лимен“, (Portus Symbolorum); отсюда итальянцы [6]) называли Балаклаву: Cembalo или Cembaro [7]).

Это название Балаклава носила со времени появления там генуэзцев (с XIV века) и за все время генуэзского владычества (с 1380 г. по 1433 г.), когда греки, населявшие Балаклаву возмутились и, силою оружия отняв ее у генуэзцев, передали ее Алексею [8]), владельцу близлежавшаего места Феодоро.

На географических картах того времени имеются следующие варианты этого названия [9]) Cenbalo (1318 г.), Cimbalo (1367 г.), Zimbano (1408 г.), Cembano (1480), Enbano (1487 г.), Zembaro (1561 г.), Cembaro (1570), Cenbaro.

---

[1]) В конце надписи, в хроностихе соединены отрывки стихов из двух разных книг Библии, а именно: ישפט תבל בצדק (Псалмы XCVI, 13 или также Псалмы XCVIII, 9 и צדק ילין בה (Исайя I, 21). Соединение двух стихов могло здесь понадобиться по двум причинам: а) быть может в хроностихе для указания даты в каждом отдельном отрывке стиха не хватало тех букв, которые, будучи отмечены наверху точками, могли составить необходимую сумму букв-цифр или б) составителю эпитафии желательно было чтобы и хроностих также оканчивался рифмой на בה, а потому он искусно соединил два отрывка из двух разных стихов Библии; быть может тут имели место и оба вышеуказанных мотива.

[2]) Страбон VII, 312; см. приложенную к землеописанию Страбона, изданному в переводе на французский язык Гелем (Gail) 103-ю карту Изамбера.—Ср. И. М. Муравьев-Апостол, Путешествие по Тавриде; E. D. Clarke, Voyages en Russie, Tartarie et en Turquie (Paris 1813).—Ср. также: Афинский митрополит Мелетий, Geografia palaia kaj nea (Венеция 1728); P. S. Pallas, Bemerkungen auf einer Reise durch die südl. Stathalterschften Russischen Reiches II, 52. 60 и 112; И. П. Бларамберг, De la position de trois fortresses Tauro Scythes, dont parle Strabon (Одесса 1831); извлечение из этого сочинения Барламберга напечатано на немецком языке в Митавском повременном издании «Die Quatember, herausgegeben von Dr. v. Trauwetter, Bd. I, Heft 2. s. 26-33 под заглавием: «Untersuchungen über die Lage der Burg Palakion des Strabo, und über deh Ursprung des Namens Balaklava» von dem Russ. Kaiserl. Staatsrath. v. Blarhamberg zu Odessa 1829 (Aus der Französischen Originalschrift übersetzt von W. Schilling); П. Кеппен, Крымский Сборник (С.П.Б. 1837), стр. 37 (прил. 49), 105, 210, 211, 326; Ф. Брун, Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной Рессии (Одесса 1879). Часть I, стр. 70; Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под редакцией В. П. Семенова-Тян-Шанского. Том XIV. Новороссия и Крым, стр. 731.

[3]) Hist. Natur. IV, 26.

[4]) За отсутствием греческого шрифта передаем в русской транскрипции

[5]) Strabo, VII, 308.

[6]) Генуэзкие летописцы; Иосаф. Барбаро, путешественник XV века. Ср. Кеппен, Крымский сборник, стр. 211.

[7]) Изменение буквы Л в Р было свойственно генуэзскому наречию. См. Кеппен, ibidem, p. 83,212.

[8]) В грамотах и летописах генуэзцев называется „dominus de Lotodero, signor del Teodoro“ etc. См. Ф. Брун, Черноморье I, p. 226.

[9]) См. Кеппен, ibidem, p. 212.

Отсюда турецкое название этого города Ямболи (Янболи). Так, мы находим у Броневского:[1] „Jamboldum seu Jamboli Craeci Balacheium, quasi piscium arcem et civitatem eam (nam in eo loco mare piscibus ferax est) Turcae dixere“.

С переходом города к грекам, а затем к татарам он стал называться Балаклава[2]).

В русских летописных источниках (с конца XV века[3]) этот город называется Балыклея.

Таким образом, если на нашей надписи мы находим город „Янболи", то эта надпись ни коим образом не может относиться к 1071, к которому ее отнес Фиркович, а должна быть отнесена к XIV—XVI веку, когда город носил это название.

Если допустить, что здесь имеется в виду город Ямболи (Янболи) на Балканском полуострове и поныне существующий (близ Филиппополя), то евреи[4]) а равно и караимы (выходцы из Крыма и Польши)[5]) стали селиться там лишь после завоевания Византии турками (1453 г.), главным образом, после изгнания евреев из Испании (1492 г.).

Таким образом, если на нашей надписи имеется в виду город Ямболи (Янболи) на Балканском полуострове, то эта надпись должна быть отнесена ко времени еще более позднему, т. е. не раньше как к XV—XVII веку.

Как раз в эту эпоху существовала оживленная тесная связь между Турцией и Крымским ханством, которое находилось под верховенством Отоманской Порты.

Турецкие султаны очень часто смещали неугодных им Крымских ханов и отправляли их в ссылку. Местом ссылки служил, по большей части, город[6]) Ямбулу (Ямбулы, Янбулы, Янболы).

Наконец, имя Симан-Тоб (סימן טוב) говорит за то, что эта надпись относится к XV—XVII векам.

В палеографическом отношении эта надпись также ни коим образом не может быть отнесена к XI столетию, так как характер шрифта, как мы это видим на оттиске, хранящемся в Российской Публичной Библиотеке, совершенно новый, соответствующий XV—XVII веку.

---

1) Martini Broniovii Tartaria. Ed. Elezevirianae, Lugdun. Batav. 1630, p. 274.

2) Броневский, а за ним Брун (Черноморье, I,70) производят название города от турецкого слово „балык“ рыба. Брун подкрепляет мнение Броневского тем, „что в делах Крымских еще под 1585 г., равно как и в других современных исстечниках город называется Балыклей“. Кеппен, op. cit. p. 213 не согласен с мнением Броневского.

3) Брун, очевидно полагаясь на Карамзина (Ист. Госуд. Росс. X прим. 100), считает древнейшим terminus a quo для названия Балыклея Крымские дела 1585 г., на самом же деле «Балыклея» встречается еще раньше, а именно в «Хожении Афанасия Никитина в Индию (1466—72)“. Удивительно, что Карамзин, которому принадлежит честь открытия «Хожения Афанасия Никитина» упустил это из виду.

4) S. A. Rosanes, Geschichte dis Juden in Türkei, (Husiatyn 1907) I. p. 59.

5) Rosanes, ibidem, p. 36 Ср. Илья Башяци «Aderetfh Eliahu».

6) См. Смирнов, Крымское Ханство под верховенством Оттоманской Порты (СПБ 1887), стр. 327, 519, 525, 578, 585, 586, 607, 629, 641, 694, 704.

Этот город упоминается под именем ינבולי «Янбулу» или «Янболу» в Хронике Давида Лехно דבר שפתים глава 50-ая. Эта история Крымского ханства впервые опубликовывается мною по рукописям в выходящем в Берлине журнале «Dwir» (год 1-ый № 2. 3. 4).

Г. М. Марков.

(1881—1923).

За недолгий период существования Белорусского Государственного Университета—третья смерть среди его научных работников.

Вслед за Николаем Андреевичем Янчуком и Давидом Марковичем Мейчиком ушел от нас Гавриил Максимович Марков.

Г. М. Марков родился 22 марта 1881 года в семье бедного крестьянина в деревне Аристово Калужского уезда. Вся его жизнь представляла собою непрестанную борьбу за то, чтобы из социальных низов, к которым он принадлежал, подняться наверх—к науке и знанию. Он учился в народной школе, затем в землемерном училище, котсрое окончил в 1903 году. В 1905 году Г. М. экстерным образом выдержал экзамены за курс гимназии. Лишь на исходе третьего десятка, с неиссякаемой энергией добиваясь намеченной цели, Г. М. Марков достигает университета, который и оканчивает в 1913 году—в Томске, по юридическому факультету.

Оставленный при университете, он в мае 1917 года был зачислен в приват—доценты Томского Университета, где ему было поручено чтение курса по гражданскому и торговому праву, а в 1918 году он был избран преподавателем гражданского процесса в 1-ом Московском Государственном Университете.

В октябре 1922 года Г. М. был избран на кафедры гражданского и земельного права в Белорусском Государственном Университете, профессором которого и оставался до дня смерти.

За короткое время работы в нашем Университете покойный Г. М. успел снискать себе уважение и дружбу со стороны товарищей по научной деятельности, успел крепко связаться с учащейся молодежью.

С академической деятельностью Г. М. сочетал и работу в области Советского строительства. Занимая ответственный пост консультанта Народного Комиссариата Юстиции РСФСР, он с увлечением и любовью работал в области кодификации Советского права. В последнее время Г. М. носился с мыслью написать учебник по гражданскому праву Советского Союза. Мысли этой, однако, не дано было осуществиться.

Г. М. был убит 6-го июля 1923 года на подмосковной даче Красково грабителем, ворвавшимся к нему на квартиру.

Со смертью Г. М. Маркова ушел от нас работник науки, благородный человек, демократ в лучшем смысле этого слова...

Сохраним о нем благодарную память!...

С. Вольфсон.

С. З. КАЦЕНБОГЕН.

Белорусский Государственный Университет.

За 1922—1923 академ. год.

(*Итоги и перспективы*).

На торжественном акте, посвященном 1-ой годовщине существования Белорусского Государственного Университета в прошлом году, мы отметили, что наша высшая школа, обязанная своим существованием Советской власти и столь необходимая для удовлетворения культурных нужд края, имеет все основания с твердой верой смотреть в будущее.

Мы говорили о том, что в жизни нашего молодого Университета открывается новая эра—нормальной, систематической органической работы.

Истекший академический год полностью подтвердил наши предположения.

Университет оказался не слабым, рахитическим ребенком, искусственно поддерживаемым к жизни, а крепким, полнокровным и многообещающим культурным центром края. Вызванный к жизни настоятельными, не находившими в течение долгих десятилетий удовлетворения, культурными потребностями края Б. Г. У. все время реально ощущал дружную поддержку и горячие симпатии партийных, Советских и профессиональных органов Белоруссии. За истекший период Университет успел приобрести популярность далеко за пределами Белоруссии, завоевав себе прочное и общепризнанное место в семье высших школ федерации.

Существование Университета в центре Белоруссии наложило неизгладимую печать на всю культурную физиономию края. В Университет хлынула мощным потоком широкая волна молодежи, в значительной степени пролетарской, трудовой, жаждущей приобщиться к неоценимым сокровищам науки.

Руководящие органы Университета сумели связать себя рядом организационных мероприятий со всей студенческой молодежью, черпая в ее энтузиазме новые силы для строительства дорогого всем храма науки.

За истекший год сделан еще один шаг, чрезвычайно трудный, но приблизивший нас вплотную к окончательному завершению той грандиозной постройки, имя которой Государственный Университет Белорусской Советской Социалистической Республики.

Приближается осуществление основной задачи, поставленной перед нашим Университетом Советской властью. Не далек уж день, когда молодой Университет сможет дать краю квалифицированных педагогов, экономистов, юристов, врачей. В текущем академическом году предстоит 1-й выпуск педагогов (по этнолого-лингвистическому и социально историческому отделениям), экономистов и юристов, а в будущем году наш край получит педагогов по естественным и физико-математическим дисциплинам и 1-й выпуск врачей.

За истекший год правление Университета было более всего озабочено укомплектованием Факультетов научными силами.

Лучшим доказательством того авторитета, которым пользуется наш Университет в научном мире, является то обстоятельство, что он дал нам в настоящем году ряд авторитетных, заслуженных и высокополезных научных работников, решивших связать свою судьбу с судьбой Б. Г. У. Не меньше усилий понадобилось для того, чтобы поставить на должную высоту научное оборудование многочисленных научно-вспомогательных учреждений Университета—лабораторий, кабинетов, клиник, библиотеки.

Считаю особо приятным долгом отметить ту постоянную отзывчивость и реальную поддержку, которую Правление Университета встречало в президиуме Ц. И. К. С. С. Р. Б. во главе с его уважаемым председателем А. Г. Червяковым.

Велика была и помощь Городского Исполнительного Комитета, оборудовавшего ряд Университетских клиник.

В этом году Университет значительно расширил свою жилую площадь, получив в исключительное пользование два больших дома (оба по Магазинной улице—одно помещ. б. Наркомпрода, другое б. Управление Либ. Ром. ж. д.) и значительные суммы для производства в них капитального ремонта.

Значительно разрослась за истекший год и наша Государственная Библиотека—главное научно-вспомогательное учреждение университета.

Библиотека получает все выходящие в России печатные издания. Ей удалось установить связь с Западной Европой и получать оттуда необходимую научную литературу.

При ней открыт, один, из весьма немногих в России, марксистский кабинет.

Особенно пополнились имеющие исключительное значение для нашего края отделы—белорусский и еврейский.

Являясь высшим культурным центром края, Университет привлекает к себе все большее число белорусских культурных деятелей, постепенно создавая все необходимые предпосылки для совершенной постановки изучения и преподавания вопросов белоруссоведения.

В истекшем академическом году Правление Университета было озабочено чрезвычайно серьезной и ответственной задачей реорганизации всех руководящих университетских органов, согласно нового положения о ВУЗ от 3 июля 1922 года.

Основной особенностью этого положения является с одной стороны привлечение к делу строительства высшей школы широкой пролетарской общественности, в лице партийных, советских и профессиональных органов, с другой вовлечение студенчества в сложный аппарат университетской работы.

Согласно ст. 11-16 положения о ВУЗ на всех факультетах были на новых основаниях, организованы предметные комиссии, со включением в них представителей от студенчества в количестве, равном половине научных работников. На аналогичных основаниях организованы и Советы Факультетов.

Наконец, согласно ст. 30 Положения о ВУЗ, был организован Совет Университета, куда вошли члены Правления, Деканы Факультетов, представители Совнаркома, Совпрофбела, заинтересованных наркоматов, профессуры, преподавателей и научных сотрудников, студентов и комслужа.

Для разрешения вопросов, связанных с установлением студенческих стипендий, функционировала особая комиссия под председательством Заведывающего Городским Отделом Народного Образования тов. Рабиновича. Для разрешения вопросов, связанных со взиманием платы за учение с состоятельных или зарабатывающих студентов функционировали факультетские и центральная комиссии под председательством представителя от Правления Б. Г. У. проф. С. З. Каценбогена.

Выполняя непосредственное и главное свое назначение—подготовку нужных стране специалистов, Б. Г. У. вместе с тем является вполне упрочившимся крупным культурным и научным учреждением.

Интенсивно работает при Б. Г. У. Научное Общество, с его секциями—социально-исторической, педагогической и физико-математической, организовав в истекшем акад. году ряд открытых заседаний, посвященных различным научным и общественным проблемам.

Созданный в эпоху величайшей революции, питаясь рабоче-крестьянской молодежью, опираясь на пролетарскую общественность, Б. Г. У. не оставался чужд и животрепещущих политических вопросов, волновавших всю советскую федерацию.

На чрезвычайном собрании профессоров Университет, в своей резолюции, решительно протестовал против запретительных мер, устанавливаемых польским правительством для поступления в высшие учебные заведения белоруссов, евреев и украинцев, усматривая в этом худшие пережитки времен российского царизма.

Б. Г. У. не остался чужд и могучей волны протеста, прокатившейся по всей федерации против ультимативной ноты английского министра иностранных дел лорда Керзона, унизительной для чести и достоинства Великой Советской Республики.

На Общем Собрании профессоров, преподавателей и ассистентов Б. Г. У. от 15 мая 1923 г. было, в связи с упомянутой нотой лорда Керзона, принято опубликованное в «Известиях В. Ц. И. К.», «Правде» и других органах, следующее обращение:

К ученым мира.

Общее собрание профессоров, преподавателей и ассистентов Белорусского Государственного Университета в Минске в настоящие тревожные дни считают долгом совести и служения науке обратиться к Вам с призывом поднять Ваш авторитетный голос против нависшего над Европой призрака военной катастрофы.

Наш долг сказать Вам, что угроза войны повисла над нашей великой страной в то время, когда она после тягчайшей разрухи, вызванной мировой и гражданской войной, напрягает все усилия к восстановлению своего хозяйства и своей культуры. Наш долг засвидетельствовать перед всеми, что правительство Союза С.С.С.Р. не останавливаясь ни перед какими жертвами, старается поднять культурный уровень народа, сеет просвещение и укрепляет науку и что в этой своей работе оно об'единяет вокруг себя научные силы Республики. Два года мира привели нашу страну к большим культурным достижениям.

Белорусский Государственный Университет, обязанный своим возникновением и ростом именно этому периоду мира и созидательной работы, особенно болезненно чувствует весь ужас возможной катастрофы.

Не допустите же, чтобы все плоды этой мирной работы погибли, чтобы страна, жаждущая мира, труда и культуры, была поставлена пред жестокой необходимостью защищать вооруженной рукой свою независимость и право самостоятельно определять свою судьбу. Война государств Запада с Союзом Советских Социалистических Республик несет гибель величайшим культурным ценностям всего мира.

Пусть же громко раздается Ваш авторитетный голос. Пусть прозвучит Ваше слово предостережения по адресу тех, в чьей власти решать события, от которых зависит судьба всего мира. Выступая против войны, Вы выступите в защиту мировых ценностей и науки.

Да здравствует мир народов—залог международного об'единения деятелей науки.

В составе Правления Б.Г.У. за истекший год произошли следующие изменения:

Выбыл представитель Рабочего Факультета—В. И. Корсак.

Включен—Заместитель Декана Рабочего Фак-та—И. В. Герчиков.

В настоящее время Правление Б.Г.У. состоит из:

Ректора проф. В. И. Пичета.

Заместителя ректора по академическим делам проф. В. Н. Ивановского.

Заместителя ректора по административным делам проф. С. З. Каценбогина.

Члена Правления Заместителя Декана Рабочего Факультета И. В. Герчикова.

Члена Правления С. И. Боркусевича.

С правом совещательного голоса на заседаниях Правления присутствовали Деканы Факультетов или их Заместители и представитель студенчества—в 1922 г. тов. Ростовский, в 1923—тов. Шапиро.

За минувший академический год Правление имело 53 заседания, на которых вынесено 930 постановлений, из коих по вопросам: а) организационно-академическим—262; б) организационно-администр.—126; в) административным—141; г) бюджетным—182; д) библиотечным—70; е) хозяйственным—98; ж) разным—51.

Для обсуждения особо важных принципиальных вопросов, касающихся Университета, согласно ст. 30. Нового положения о ВУЗ,функционирует Совет Б.Г.У.

Состав Совета Белорусского Государственного Университета.

а) Правление: Ректор, профессор В. И. Пичета, зам. Ректора, профессор С. З. Каценбогин, зам. ректора, профессор В. Н. Ивановский, член правления С. И. Боркусевич, член правления И. В. Герчиков.

б) Деканы: декан Педагфака, профессор В. М. Игнатовский, декан Медфака, профессор М. П. Соколовский, декан Рабфака В. П. Тепин, зам. декана ФОН'а С. Я. Вольфсон.

в) представители Совпрофбела: т. Райчук, т. Рабинович, т. Нодель. т. Леонов, т. Беленький.

г) представитель Совнаркома и Внешторга Белоруссии: т. Ленский.

д) представители заинтересов. Наркоматов: Наркомпросбела—А. В. Балицкий, Наркомздрава—Стоковский, Наркомфина—Талунтис, Нарком'юста—Гетнер, Совнархоза — Щирин, Наркомпрода —т. Адамайтис, Мингорисполкома—т. Криницкий, Центробелсоюза—т. Кац.

е) представитель Комслужа: В. А. Климантович.

ж) представители от профессуры: А. В. Горбунов—ФОН'а, С. М. Мелких—Медфака, И. И. Замотин—Этнол.-Лингв. Отдел. Педагфака, Н. М. Никольский—Социал-Истор. Отдел. Педагфака, А. С. Усов—Физ. - Мат. и Естеств.—Педагфака.

з) представит. от преподав. и научн. сотрудников: Г. Э. Земель—Рабфака, И. С. Пятосин—Физ. Мат. и Естеств. Отдел Педагфака, А. Н. Вознесенский—Этнол. Лингв. и Соц.-Истор. Отдел. Педагфака, Е. М. Зубкович—Медфака.

и) представители от студентов: Шейман—Рабфака, Ростовский,—Фон'а Павловский, Вайнер—Педагфака, Данциг—Медфака.

Личный состав Б.Г.У. (в 1922—1923 ак. году) следующий:

а) Преподавательский состав:

Профессоров 31, преподавателей 50, ассистентов 41, лекторов по иностранным языкам—11, штатных ординаторов—9, сверхштатных ординаторов—6 помощников прозектора—2, лаборантов—1, научных сотрудников—2. Всего—153 человека.

По сравнению с 1921—1922 ак. году преподавательский состав Б.Г.У. увеличился в истекшем году на 72 человека.

б) Административный состав:

Ректор—1, членов правления (из коих 2 зам. ректора)—4, деканов факультетов—4, заместителей—4, зав. физико-математ. и естеств. отделениями—1, секретарей факультетов—4, заведыв. библиотекой—1, сотрудников библиотеки—17, библиотекарей научных кабинетов—4, врачей—2 (из них 1—зубной врач), препараторов—7, управделами (он же секретарь правления)—1, сотрудников управления делами и канцелярий факультетов—16, заведыв. хозяйств. частью—1, сотрудников хоз. части—4, заведыв. финанс. частью—1, казначей—1, сотрудников финчасти—3, технических сотрудников—48. Всего—124 человека.

Состав студентов Б. Г. У. (за 1922—1923 г.).

Всего числилось в Б. Г. У. в 1922-1923 акад. году 2907 студентов, з по факультетам: а) На рабфаке 815, б) на фоне 770, на педфаке 780, г) на медфаке 542. Число студентов по сравнению с прошлым академическим годом. Увеличилось на 1507 человек. С зачисленными в настоящем году всего числится в Б. Г. У.—4036 студентов.

Рабочий Факультет.

Рабочий Факультет, призванный влить в основные Факультеты Б. Г. У. кадры рабоче-крестьянской молодежи полные энтузиазма, любви к науке и жажды творчества на благо Советской России, за истекший академический год значительно окреп.

Много бодрости и энтузиазма в среде работников рабфака, как и всего Университета вызвал первый выпуск Факультета, давший 40 студентов, поступивших в различные высшие учебные заведения.

В этом, как и предыдущем, году связь между Рабочим Факультетом и Правлением Б. Г. У. никогда не порывалась. Рабфак, в лице Заместителя Заведывающего И. В. Герчикова, имел своего представителя в Правлении Университета, а последнее постоянно прилагало все усилия к тому, чтобы оказать полную поддержку Рабфаку.

Руководящими органами Рабфака в областях учебной, административной и хозяйственной являются Совет, президиум, учебное бюро и предметные комиссии. Студенчество входит в их состав и принимает активное участие в организационно—академической деятельности факультета.

В феврале 1923 г. состоялось об'единение рабфака Б Г. У. с вечерним рабочим факультетом, при чем последний является в настоящее время, согласно распоряжения отдела Рабфаков вечерним отделением Рабфака Б. Г. У.

Состав студентов Рабфака Б. Г. У.

На *утреннем* отделении рабфака к 1 июля 1923 г. числилось 370 ст., их *социальный состав*: рабочих—303, земледельцев—67. Командировано: профсоюзами—152, ЦБКПБ—92, КСМ—36, другими организациями—67, переведено из других рабфаков 23. *Партийный состав*: членов РКП—104, КСМ—101, беспартийных—165.

Членов профсоюзов 306. *Национальный состав*: белоруссов—131, евреев—225, других национальностей—14. Окончило курс в 1922—23 г.—40 человек, из них поступило—в местные Вузы—17 чел., в Вузы вне пределов Белоруссии—23 чел. Выбыло—42 чел. В настоящий прием зачислено 120. Общее число студентов к 1923—1924 акад. году определяется в 444 человека.

На вечернем отделении на 1 июля состояло 243 человека. *Социальный состав*: рабочих—151, крестьян—14, советских служащих—41, военных—17;

партийный состав: КПБ—44, КСМ—51, беспартийных—146; *Национальный состав*: белоруссов—68, евреев—149, великоруссов—31, поляков—5. В настоящий прием зачислено 169 чел. Общее число студентов к 1923—24 ак. году 341 чел. Всего по дбум отделениям—815 студентов.

Президиум и преподавательский состав факультета.

В настоящее время, состав факультета следующий: об'единенный президиум состоит из зеведывающего В. П. Тепина, заместителя его И. В. Герчикова, заместителя по вечернему отделению В. А. Климонтовича и представителей от студентов утр. отд. Шеймана и вечерн. отд. Ляндреса.

Преподавателей утреннего отделения в истекшем 1922—1923 акад. году числилось 32 чел.: по русскому яз. и литературе: проф. И. И. Замотин, В. П. Тепин, Г. Э. Земель, К. О. Фалькович, Л. И. Гецов, А. И. Зельцер, С. И. Шабад; по белорусскому яз. и белоруссоведению: проф. В. М. Игнатовский. В. В. Чаржинский; по математике: К. М. Годыцкий—Цвирко, Б. М. Слепян, А. И. Кохомская, М. Я. Вагер, В. И. Корсак; по естествознанию и географии: проф. Б. М. Беркенгейм, И. В. Попов, Е. М. Зубкович, М. И. Пинус, С. В. Балковец. Н.П. Шкляев; по физике: проф. Е. Е. Сиротин, Е. К. Успенский, М. Я. Пелеп; по обществоведению и политической экономии: проф. С. Я. Вольфсон, И. И. Гольдберг, И. В. Герчиков, М. Я. Кливанский, Каган; по иностранным яз.: Г. Э. Пецольд, Л. Я. Сыркина, по гигиене врач Писаревский; по графическим искусствам К. Г. Тихонов.

В течение отчетного года выбыл В. И. Корсак, к началу настоящего учебного года выбыли: Е. М. Зубкович, С. П. Шабад и врач Писаревский. Вновь приглашены: по русск. яз. Г. Д. Симанович, по белорусскому В. И. Хома, по математике В. И. Кохомский, по физике и механике А. Ф. Барышников и Е. В. Снятков, по естествознанию—проф. Мавродиади, А. Н. Рождественский и Кугель, по обществоведению тов. Бухаркин.

Всего преподавателей в текущем году 37 человек. По вечернему отделению преподавателей в 1922—1923 уч. году числилось 19 чел. по русскому яз. и литературе: Г. Э. Земель, В. А. Пигулевский, А. А. Чернявский, И. М. Михаленко; по математике: В. Д. Минич, И. К. Наумов, В. Л. Левкович, В. А. Климонтович; по естествознанию и географии: Е. И. Вишневский, Н. П. Шкляев, по обществоведению: А. Н. Станкевич, В. П. Сущинский, В. М. Струсевич, В. В. Александровский, А. А. Сцепуржинский, по немецкому яз. К. А. Петерсон, по гигиене А. М. Свинкин, по графической грамотности С. В. Орлов, Я. М. Кругер.

Вновь приглашены: по естествознанию Павлюкевич, по физике М. Я. Пелеп, по обществоведению тов. Каган, по механике Н. Н. Кавцевич и по белорусскому яз. И. В. Волк-Леонович.

Финансы Рабфака.

Утреннее отделение Рабфака финансируется частью отделом Рабфаков Наркомпроса С.С.С.Р, частью Правлением Б.Г.У. из местных средств. С 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. израсходовано из средств отпущенных центром:

на содержание личного состава	939.016 р.
на стипендии студентам	461.420 р.
на хозяйственные расходы	59.941 р.
на капитальный ремот здания	87.875 р.
на научно-учебную часть	37.541 р.
на содержание месткома	2.491 р.
на вещевое довольствие	211.170 р.
на отчисление социального страхов.	95.833 р.
на топливо	51.794 р.
Всего	1.947.082 р.

Из местных средств:

на хозяйственно-операционные расходы .	15.000 р.
на научно-учебную часть . . .	7.000 р.
В с е г о . .	22.000 р.

Вечернее отделение Рабфака содержится на местные средства, отпускаемые Главпрофобром.

Кратковременность обучения на Рабфаке требует напряженной и интенсивной работы, чуткости и внимательности подхода, пробуждения научного интереса и активности. Второй с'езд Рабфаков дал много новых заданий: введение уклонов, концентрическая система построения программ, лабораторный метод преподавания, развитие внешкольной работы.

Внешкольная работа.

В области внешкольного образования и воспитания работали в истекшем году кружки: по историческому материализму—2, литературн. и кружк. чтения—7, белорусский—1, драматический—1, хорового пения—1; музыкальный—1 (последние имели до 10 выступлений); устроены два литературных вечера, литературный суд, 2 публичных лекции, выпушено семь номеров газеты «Красный студент» и 1 экз. печатного сборника «Альманах».

Научно-вспомогательные учреждения.

Из научно-вспомогательных учреждений создан физический кабинет на средства, собранные студентами;—в кабинете были проделаны опыты по всем отделам и произведено до 50 практических работ. Организация естественно-исторического кабинета открывает возможность перехода от лекционной системы к лабораторной работе. Библиотека—в количестве 2083 экземпл. из учебников и произведений русских классиков.

Хозяйственные учреждения.

Из учреждений хозяйственного характера функционировали: общежитие на 140 чел., столовая на 400 чел., парикмахерская, мастерские сапожно-починочная и портняжная.

За истекший год Рабфак значительно окреп, и потребности его в области научного и хозяйственного оборудования, значительно выросли. Исключительное внимание предстоит обратить на материальное положение пролетарского студенчества, от которого в значительной степени зависит и самая успешность занятий.

Особо необходимо отметить дружную спаянность, царящую между руководителями, студентами и преподавателями Рабфака, вселяющую твердую уверенность в полную его жизнеспособность.

Факультет Общественных Наук.

Руководящим оргрном Факультета Общественных наук является его президиум, который в 1922—1923 акад. году состоял из Декана факультета —С. З. Каценбогена, Заместителя декана факультета—С.Я. Вольфсона и секретаря—Е. И. Боричевского.

Факультет в истекшем акад. году функционировал в составе I-го и II-го курсов экономического и правового отделений. Принимая во внимание острую нужду, ощущаемую в Белоруссии в квалифицированных специалистах в различных областях хозяйственного и государственного строительства, на II-м курсе экономического отделения были организованны циклы—банково-финан-

совый и административно-промышленный, в которых было обращено исключительное внимание на практическое, лабораторное изучение студентами соответствующих дисциплин.

На указанных циклах исключительное внимание уделялось изучению основных отраслей хозяйства Белоруссии.

Достойно внимания то обстоятельство, что на административно-промышленном отделении экономич. отд. Фона, единственном во всей федерации, читался самостоятельный курс по лесоэкономике, имеющий исключительное значение для нашего края, с его развитой лесной промышленностью.

С текущего академического года организуется специальный кабинет по лесоэкономике и лесной статистике.

Президиум факультета имел ввиду организовать и кооперативный цикл, но за отсутствием свободных достаточно квалифицированных ученых специалистов по вопросам кооперации, от этой мысли вынужден был отказаться, введя лишь общий теоретический курс по кооперации на экономическом отделении.

Что касается циклов на юридическом отделении, то таковые вводятся с текущего академического года.

В истекшем академическом году при факультете функционировал кабинет обществоведения, насчитывающий до 3000 томов по всем дисциплинам, читаемым на Фоне. Существование кабинета оказало чрезвычайную пользу студентам, не имевшим, в большинстве случаев, материальной возможности приобретать учебные пособия и готовиться к сдаче зачетов.

Факультет Общественных наук в 1922—1923 акад. году пополнился новыми преподавательскими силами в лице: Проф. Л. О. Лубны-Герцыка по кафедре статистики, пр. И. Я. Пятосина по основам высшей математики, проф. В. И. Перехода по экономике лесной промышленности, проф. А. В. Горбунова по административному и рабочему праву, пр. К. А. Архипова по введению в учение о праве, проф. В. В. Чредина по истории институтов частного права и проф. Г. М. Маркова, недавно, к общей скорьби всего Б. Г. У., безвременно погибшего,—по кафедре гражданского и земельного права.

Профессоров, преподавателей и ассистентов на факультете состояло 17 человек.

На факультете числилось всего 770 студентов, из коих на 1-м курсе —559, из них на экономическом отделении—251 и на правовом—308; на II-ом курсе—211, из них—на экономическом отделении—110 и на правовом—101.

На Банково-финансовом цикле состояло—50 и на административно—промышленном—60 студентов. По Фону, на экономическом его отделении функционировало на I-м курсе—13 кафедр, на II-м курсе—8 кафедр. Кроме того на I-м курсе работало—7 семинариев, а на II-м курсе—8 семинариев.

На правовом отделении на I-м курсе функционировало 13 кафедр и 7 семинариев, на II-м курсе—11 кафедр и 10 семинариев.

В 1922—1923 акад. году занятия на Факультете общественных наук велись по нижеследующим учебным планам:

Экономическое отделение.

I-ый курс.

1. История белорусской культуры . . . В. М. Игнатовский.
2. Новейшая история Зап. Европы. . . В. Н. Перцев.
3. Генетическая социология . . . . С. З. Каценбоген.
4. Новейшая история России. . . . Д. А. Жаринов.
5. Наука о финансах . . . . . В. В. Якунин.
6. Исторический материализм . . . С. Я. Вольфсон.

7. История социализма . . . . . И. Я. Герцык.
8. Политическая экономия . . . . И. Я. Герцык.
9. История Народ. Хоз. России XIX в. . . В. И. Пичета.
10. История хозяйства и форм труда . . В. В. Якунин.
11. История Народного Хоз. Белоруссии . . В. И. Пичета.
12. Статистика . . . . Л. О. Лубны-Герцык.
13. Рабочее право . . . . . А. В. Горбунов.

Просеминарии по:

1. Историческому материализму . . . С. Я. Вольфсон.
2. Политической экономии . . . . И. Я. Герцык.
3. Новейшей истории Зап. Европы . . В. Н. Перцев.
4. Истории Русского Народного Хоз. . . Д. А. Жаринов.
5. Истории Народного Хоз. Зап. Европы. . В. Н. Перцев.
6. Генетической социологии . . . . С. З. Каценбоген.
7. Статистике . . . . . . Л. О. Лубны-Герцык.

II-ой курс.

1. Рабочее право . . . . . А. В. Горбунов.
2. Генетическая социология . . . . С. З. Каценбоген.
3. Общее счетоведение . . . . В. В. Якунин.
4. Современное мировое хозяйство . . . С. Я. Вольфсон.
5. История экономических учений . . . И. Я. Герцык.
6. Денежное обращение . . . . И. Я. Герцык.
7. История Нар. Хоз. России XIX в. . . В. И. Пичета.
8. Статистика . . . . . Л. О. Лубны-Герцык.

Админ.-пром. цикл.

1. Основы высш. матем. . . . . И. Я. Пятосин.
2. Экономика лесн. промышл. . . . В. И. Переход.

Банково-финансовый цикл.

1. Техника банк. дела. . . . . И. Я. Герцык.

Семинарии.

1. По общему счетоведению . . . . В. В. Якунин.
2. Истории Нар. Хоз. России XIX в. . . В. И. Пичета.
3. Политической экономии . . . . И. Я. Герцык.
4. Историческому материализму . . . С. Я. Вольфсон.
5. Экономике лесной промышленности . . В. И. Переход.
6. Генетической социологии . . . . С. З. Каценбоген.
7. Статистика . . . . . Л. О. Лубны-Герцык.
8. Изучению творчества Г. В. Плеханова . С. Я. Вольфсон.

Правовое отделение.

I курс.

1. Рабочее право . . . . . А. В. Горбунов.
2. Введение в учение о праве . . . К. А. Архипов.
3. История Белорусской культуры . . . В. М. Игнатовский.
4. Нов. история Зап. Европы . . . В. Н. Перцев.
5. История институтов частного права . . В. В. Чредин.
6. История русского и белорусского права . В. И. Пичета.
7. Новейшая история России . . . Д. А. Жаринов.
8. Наука о финансах . . . . . В. В. Якунин.
9. Исторический материализм . . . С. Я. Вольфсон.
10. История социализма . . . . И. Я. Герцык.
11. Политическая экономия . . . . И. Я. Герцык.
12. История народного хоз. России XIX в. . В. И. Пичета.
13. Статистика . . . . . . Л. О. Лубны-Герцык.

Просеминарии по

1. Новейшей истории России . . . Д. А. Жаринов.
2. Историческому материализму . . . С. Я. Вольфсон.
3. Толкованию норм права . . . . Н. М. Гутковский.
4. Новейшей истории зап. Европы . . . В. Н. Перцев.
5. Истории русского и белорусского права . В. И. Пичета.
6. Генетической социологии . . . . С. З. Каценбоген.
7. Статистике . . . . . . Л. О. Лубны-Герцык.

II-й курс.

1. История русского и Белорусского права . В. И. Пичета.
2. Гражданское право. . . . . Г. М. Марков.
3. Современное мировое хозяйство . . С. Я. Вольфсон.
4. Рабочее право . . . . . А. В. Горбунов.
5. История экономических учений . . И. Я. Герцык.
6. Административное право . . . А. В. Горбунов.
7. Земельное право . . . . . Г. М. Марков.
8. История народного хоз. России XIX в. . В. И. Пичета.
9. Введение в учение о праве . . . К. А. Архипов.
10. Статистика . . . . . . Л. О. Лубно-Герцык.
11. История институтов частного права . . В. В. Чредин.

Семинарии по

1. Гражданскому праву . . . . Г. М. Марков.
2. Истории нар. хоз. России XIX . . В. И. Пичета.
3. Толкованию норм права . . . Н. М. Гутковский.
4. Политической экономии . . . . И. Я. Герцык.
5. Историческому материлизму . . . С. Я. Вольфсон
6. Генетической социологии . . . С. З. Каценбоген.
7. Административному праву . . . А. В. Горбунов.
8. Истории русского и белорусского права . В. И. Пичета.
9. Статистике . . . . . . Л. О. Лубны-Герцык.
10 Изучению творчества Г. В. Плеханова . С. Я. Вольфсон.

В настоящем академическом году открылся 3-й курс экономического и юридического отделений Фона.

Открываются новые кабинеты—по юридическим наукам, товароведению статистике, лесоэкономике и лесной статистике. Укомплектование всех курсов Фона научными силами может считаться законченным.

Фон пополнился к настоящему академическому году рядом весьма авторитетных научных работников.

На кафедру международного права избран—проф. Кравченко Уголовного права и Процесса—проф. Ширяев, Гражданского права и Процесса—проф. Гредингер, Государств. права—проф. Дурденевский, по товароведению—проф. Каплан и по хозяйственной статистике—пр. Арцымович.

В текущем академическом году предстоит 1-й выпуск Фона, который даст Белоруссии столь необходимых ей для советского строительства экономистов и юристов.

Укомплектовав оба отделения научными силами, пополняя оборудование своих кабинетов, Фон успешно заканчивает в настоящем году свое формирование.

Научно-педагогическая деятельность профессоров, преподавателей научных сотрудников Фона Б.Г.У.

за 1922—1923 ак. год *).

Проф. В. И. Пичета.

В прошлом учебном году мною велись следующие занятия:

На факультете общественных наук.

1) История народного хозяйства России второй половины XIX века для I и II к. к. Ф. О. Н'а (три триместра).

2) История русского и белорусского права (три триместра) для студентов I и II курса правового отделения ФОН'а.

3) Семинарий по истории народного хозяйства России для студентов второго курса экономического отделения ФОН'а (три триместра).

4) История аграрных отношений в Белоруссии для студентов I курса экономического отделения ФОН'а и социально-исторического отделения Педфака (три триместра).

Научная деятельность.

Напечатанные работы;

1) История народного хозяйства России в XIX—XX в. ч. I; изд. 2-е П. 1923.

2) Введение в русскую историю М. 1923 г.

3) История крестьянских волнений в России ч. I, Минск. 1923.

4) Первая всероссийская конференция архивных деятелей (Архивное дело 1923 т. I).

5) Завещание Николая I (Красный архив, т. III).

6) Письма Победоносцева к Александру III (Красный Архив. ч. IV)

7) Письма Победоносцева к Александру III.

8) Научные отзывы в журнале «Архивное Дело».

9) Научные отзывы в журнале „Печать и Революция".

10) Наказ старостам и державцам и волочная устава (Труды Белор. Госуд. Унив. 2—3).

11) Проверка прав на земли в имениях королевы Боны (Сборник статей в честь. акад. Платонова.

12) Сельское население в Запад. областях.

1) История Белоруссии, ч. I. Белоруссии в переформ. время (Труды, 4—5). Приготовленные к печати:

2) История народного хозяйства во второй половине XIX в.

3) История аграрных отношений и сельского хозяйства в Белоруссии.

4) К истории помещичьего крепостного хозяйства.

Научные доклады:

В научном обществе при Университете:

1) Карл Маркс и Севастопольская война.

2) По поводу книги Р. Ю. Виппера «Иван Грозный».

3) Современное состояние русской исторической науки и ближайшие ее перспективы.

4) Внешняя политика Советской России (Речь в акт. зале 6 ноября 1923) г.

5) Подготовка февральской революции (Речь в акт. зале 8 марта 1923).

---

*) К сожалению ко времени составления отчета не удалось собрать сведений о научно-педагогической деятельности всех научных работников Фона, многие из которых находятся вне Минска.

6) Богданович, как публицист. (Речь в заседании памяти поэта Богдановича).

В Минском обществе истории и древностей.

1) Очередные задачи белорусской историографии. (Вестник Бел. Ком. Народ. Просвещения, № 11—12).

Проф. С. З. Каценбоген.

Учебная деятельность. Читал курс Генетической Социологии (включая историю Социологии и учение о происхождении и развитии обществ. форм), на I-м и II-м курсах Фон'а и Педфака. На тех же курсах руководил семинарием по генетич. социологии. Программа курса обнимала следующие основные моменты:

I. Предмет, задачи, методы и отношение к сопредельным дисциплинам.

II. История социологической мысли: Гераклит, Протагор, Платон; Аристотель; Т. Л. Карр, Августин Блаженный; Фома Аквинский; Ибн-Халдун; Н. Маккиавели; Т. Гоббс; Локк; Б. Спиноза, Дж. Вико; Физиократы; Монтескье; Руссо; Фергюсон; Гердер; Предшественники О. Конта-Тюрго; Кондорсэ; и С.-Симон; Вольтер; Де-Ля-Меттери; Дидро; Гольбах; Гельвеций; Гегель; О. Конт; Г. Спенсер; Органическое направление—Лилиенфельд; Шеффле; Вормс. Биологическое—Аммон; Кид. Психологическое—Гиддингс; Уорд; Зиммель, Тард, Хвостов, Сорокин. Материалистическое—Маркс; Энгельс; Плеханов.

III. Основные проблемы Генет. Социологии Генезис матер. культуры (геология, палеонтология, археология, этнография). Первобытное общество.—Генезис и эволюция собственности; Орда; Род; тотемное об-во; Генезис и эволюция брака и семьи. Воззрения Бахофена, М. Леннана, Моргана, Энгельса, Кунова, М. Лиэра и др. Генезис религиозных верований—Магизм; Анимализм; Манизм; Анимизм; Тотемизм; Эволюция религии. Основные моменты в генезисе искусства.

Научные доклады и лекции. Выступал в научном об-ще при Б. Г. У. с докладами на темы:

1) „Проблема большевизма и Советского Государства в Запад. Европ. литературе". 2) Содоклад «Бланкизм». 3) «Опыт социологического анализа этнографического романа Рене Марана «Батуала». 4) „Плеханов в борьбе с опортунизмом" 5,6) Прочел 2 публичные лекции в Минске на тему „Эволюция любви, брака и семьи". 7) На Рабфаке—«Мировой хаос и международные договоры». 8) В день революционного студенчества на торжественном заседании в Городском Театре.—„Основные этапы истории революционного студенчества". 9) В годовщину Февральской Революции публичную лекцию—«История и Ход Февральской Революции в свете новейшей литературы». 10) Доклад на торжественном годичном акте Б.Г.У. на тему «Белорусский Государственный Университет за 1921—1922 акад. год. (Итоги и Перспективы)». (Напечатан в № 2—3 „Трудов" Б. Г. У.).

Напечатанные работы: 1) „Первобытный Человек" (Опыт Социологического анализа этнографического романа). 2) Г. Кунов—Левин-Дорш „Очерки по истории первобытной культуры" часть 1-ая „Техника Добывания и приготовления пищи". Перевод с немецкого под моей редакцией, с моими предисловием, дополнениями и составленной мною таблицей «Классификация Каменного Века». 3) Тех же авторов часть II-ая «Техника добывания огня и приготовления жилищ». Перевод под моей редакцией с моим предисловием и тремя дополнительными статьями:

а) „Археология и Этнография и их значение для изучения доистории человечества". б) «Огонь, способы его добывания и связанные с ним религиозные верования и переживания». в) История развития жилищ. 4) Тех же авторов. Часть III-ья. (В печати) «Оружие, Одежда, и Украшения, перевод под моей редакцией и с дополнительными статьями. 5) Г. Кунов «Очерки

по вопросу о происхождении брака и семьи», перевод, под моей редакцией и со вступительной статьей на тему „Г. Кунов и современное состояние науки по вопросу о генезисе брака и семьи“ (Принято к печати).

Пр. С. Я. Вольфсон.

Учебная деятельность.

Читал курсы исторического материализма на Фон'е (1 курс), Педфаке (1 курс) и Медфаке (1 курс).

Читал курс современного мирового хозяйства на 2 курсе Фон'а.

Руководил просеминарием по историческому материализму на 1 курсе Фон'а и 1 курсе Педфака. Руководил семинарием по изучению творчества Г. В. Плеханова.

Преподавал исторический материализм на Рабфаке БГУ (выпускная группа) и в Центральной Советской и Партийной школе.

Культурно-просветительная деятельность.

Читал публичные лекции: в Минске, Гомеле, Бобруйске и Борисове. Темы: Портрет Плеханова; Европа наших дней; жизнь Маркса; годовщина Версаля; личность в истории и др.

Научная деятельность, печатные труды за 1922/23 акад. год.

1) 2-е и 3-е издания моего курса по диалектическому материализму.
2) Второе издание моей работы «Великий социалист».
3) Вокруг Плеханова. (Плехановская литература за 1922 г.).
4) Издание книги Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» под моей редакцией,—с моей вступительной статьей и примечаниями
5) Сборник литературно-критических статей Иды Аксельрод под моей редакцией и с моей вступительной статьей.
6) Сборник статей Франца Меринга «На литературные и философские темы»—под моей редакцией и с моей вступит. статьей.
7) Рецензия о книге Аксельрод-Ортодокс «Философские очерки». (Журнал «Красная Новь» Москва 1923 № 2).
8) Статья «Г. В. Плеханов и вопросы искусства» («Красная Новь» 1923 г. № 5).
9) Сявец марксызму—Полымя № 5—6.

Выступал в научном об-ве при БГУ с докладами на темы: «Социально-политическое мировоззрение Освальда Шпенглера», «Проблема искусства у Плеханова».

Пр. И. Я. Герцык.

Читал курсы: на Фон'е—Политическая экономия, История социализма, История экономических учений, Денежное обращение и кредит, Банковая техника. На Педфаке—Политическая экономия, История социализма.

Вел на Фоне просеминарий и семинарий по Политической экономии. Занятия в просеминарии состояли в чтении и разборе отрывков из произведений выдающихся экономистов, в частности произведений Ад. Смита, Маркса, Гильфердинга. Писались и дебатировались доклады на темы: о разделении труда, о цехах, о машинном производстве и др.

В семинарии разбирались доклады студентов на темы—Денежное обращение, бумажные деньги, значение кредита в народном хозяйстве, теории кризисов, картели и тресты и др.

Читал в научном обществе при БГУ доклады на темы: а) Огюст Бланки—социалист-революционер, б) Экономические воззрения Шпенглера, с) Плеханов и социализм в России.

Проф. Лубны-Герцык.

В 1922—23 учебном году прочтен курс общей статистики, такой-же курс в Московском пречистенском практическом институте; практические занятия вел по общей статистике, в Моск. пречистенском практич. институте также по общей статистике и в 1-м Моск. Госуд. Институте—по политической экономии для подготовленных. За то-же время мною опубликован труд: «Что такое перенаселение?», изданный РИО ВСНХ и сданы в печать статьи: „Об аграрном перенаселении России“ в журнал „Сельское и лесное хозяйство“ и „Опыт установления трудоемкости земледелия по материалам Всероссийской сельско-хозяйственной переписи 1917 г.“ *). В течение 1922—23 г. прочитаны следующие доклады:

На Всероссийском статистическом с'езде на тему: „О выражении издержек производства в трудовых эквивалентах“; в Государственном колонизационном институте: „О перенаселении“ и „Трудоемность земледелия по материалам Всеросс. сел. хоз. переписи 1917 г.“; в Русском Евгеническом обществе: „Перенаселение и евгеника“.

Пр. В. В. Якунин.

В истекшем академическом году мною был прочитан курс „Истории хозяйства и форм труда“ для студентов I курса экономического отделения и курс—«Наука о финансах»—для студентов I же курса правового и экономического отделении. В истекшем академическом году удалось подробнее охватить отделы: домены, регалии, и бюджет, пошлины, общую теорию налогов. Подробное же изложение: учения о налогах, кредита, местных финансов и местного обложения и организации современного финансового управления перенесено на II курс. На II курсе экономического отделения был прочитан курс „Общее счетоведение“ и велись практические занятия по ознакомлению студентов с основами общего и торгового счетоводства. Кроме занятий в Университете мною были прочитаны курсы „Коммерческих вычислений“ на бухгалтерских курсах союза Совработников и „Основы финансовой науки“ на курсах финансовых работников при Наркомфине Белоруссии. В научном обществе при Бел. Гос. Университете был сделан доклад—„Жизнь и творчество Шарля Фурье“, по случаю исполнившегося в истекшем году 150 летн. юбилея со дня его рождения.

Проф. Д. А. Жаринов *).

По экон. и прав. отдел. Ф. О. Н.

а) Для слушателей I курса—прочитан курс новейшей истории России, от эпохи реформ до Октябрьской революции.

в) Для тех же слушателей—просеминарий по истории русского нар. хозяйства. Критический разбор по отдельным темам книги Н. А. Рожкова „Город и деревня в русской истории“.

Ассистент **Н. М. Гутковский.**

В 1922—23 ак. году мне было поручено самостоятельное ведение практических занятий со студентами правового отделения БГУ первого и второго курсов по „толкованию норм права“.

Преподавательскую работу я разделил на две части: 1) теоретическую (лекционную) и во 2) практическую (просеминарии и семинарии).

По первой части в начале занятий мною была составлена и роздана студентам подробная программа теоретической части толкования норм права, заключающей в себе технику правовых норм.

---

* В «Вестник статистики».

**) О научной работе см. „Педфак“.

Главнейшие вопросы программы: 1) задачи и методы изучения права, в частности Советского права. 2) Общие понятия о праве. 3) Право и государство. 4) Об'ективное право и формы права (обычаи, закон, автономия, договор, вспомогательныя формы права). 5) Определение, образование, приложение, толкование, аналогия, отмена, классификация, кодификация, публикация—законов. 6) Суб'ективное право. Строение права. Суб'екты, об'екты права. Действия. Юридические отношения. 7) Динамика права. Возникновение и прекращение права. 8) Приложение права. 9) Нарушение права. 10) Охранение права. Систематика юридических наук.

Теоретическая часть мною была разработана в подробном конспекте. Курс поделен на лекции и прочитан отдельно на первом и втором курсах в 25 академических двухчасовых лекций. На втором курсе я имел в виду те общие теоретические сведения, которые были получены студентами от пр. Мейчика и не повторял их.

После первых лекций, вводивших студентов в понятие о праве, я предложил им ряд тем для практических занятий. Темы тесно связаны с теоретической частью курса.

Цель и херактер практических занятий определялся следующей краткой программой:

А. Практические занятия по толкованию норм права имеют целью проработку основных теоретических положений общей теории права, усвоение техники обращения с законодательным материалом и ознакомление с развитием Советских юридических институтов,—путем рефератов, в порядке ниже указанных тем.

Б. Источниками для разработки тем служит, главным образом, сырой материал в виде законодательных норм и административных распоряжений, напечатанных в Собраниях узаконений и распоряжений Рабоче-Крест. Правительства, Известиях ВЦИК, Экономической жизни, Бюллетенях Наркоматов и административной деятельности местных Государственных учреждений Белоруссии.

В. Каждый студент обязан разработать одну из предлагаемых тем в виде реферата; при сложности темы, несколько человек, но не более трех могут соединяться в группы.

Г. Каждому реферату обязательно предшествует отдельный план и подробное указание на источники и литературу.

Д. Готовые рефераты представляются для просмотра руководителю практическими занятиями не позже, чем за 3 дня до назначенного разбора данной темы.

Е. По прочтении реферата автором его, вся аудитория принимает участие в обсуждении доклада.

Ж. Один из студентов, по установленной очереди ведет подробный протокол доклада и дебатов по нему.

З. Удовлетворительные доклады и протоколы докладов служат основанием для получения в конце академического года зачета по семинарию толкования норм права.

Большую помощь студентам оказали Советские учреждения в г. Минске. Обыкновенно я писал руководителям известного учреждения или наркомата записку с просьбой разрешить тому или иному студенту ознакомиться с имеющимися в учреждении правовыми материалами и использовать эти материалы для рефератов. Такой способ разыскания материала приносил студентам значительную пользу, так как студенты на месте, в учреждении, знакомились более или менее исчерпывающе с законодательством по известной отрасли и у них развивалась инициатива, студенты подходили к самой жизни.

Систематический сборник Советского законодательства составляет одну часть моей научной работы.

Кроме сего мною ведется собирание публично-правовых норм, издавае-

мых Комиссариатами Белоруссии. Эти нормы послужат материалом для предполагаемого к изданию сборника законодательства БССР.

В процессе моего изучения Советского права, преподавательской деятельности в Университете и административно-правовой работы в Наркомпросе, я написал на белорусском языке популярно-научное руководство по Советскому законодательству: «Агульныя асновы Савецкага законадаўства з адзначэньням асаблівасьцей права БССР». Работа эта об‘емом около 25 печатных листов распадается на 2 части: общую, заключающую в себе технику норм Советского права и специальную, состоящую из ряда отдельных очерков по отделам права: Конституционное право, личное, социальное, хозяйственное, земельное, трудовое, гражданское, уголовное, судебное (судоустройство, уголовный процесс, гражданский процесс) и международное право. К книге приложен словарь мало понятных слов и выработанной мною специальной юридической терминалогии, количеством до 1000 слов. Рукопись принята Главлитом и приобретена издательством „Савецкая Беларусь“ для напечатания.

В июле месяце с. г. я находился в научной командировке от Университета в г. Москве, где работал 2 недели в Институте Советского права. Там я познакомился с новейшей литературой и с системой собирания и классификацией правовых материалов.

Я состаю членом Института белорусской культуры и разрабатываю самостоятельно белорусскую терминологию права и администрации. Цикл этих терминов достигает 3500 слов.

Педагогический Факультет.

Факультет возглавляется президиумом в составе: Декана В. М. Игнатовского, Зам. Декана Н. М. Николького, Заведывающего естественным и физико-математическим отделениями И. С. Пятосина и секретаря А. Н. Вознесенского.

В истекшем году факультет функционировал в составе четырех отделений: этнолого-лингвистического, социально-исторического, физико-математического и естественного. На первых двух отделениях открыты были II-е курсы. Последние два отделения, в составе I-го курса, открылись вновь. Исключительное внимание Президиума было обращено на укомплектование всех отделений научными силами и оборудование лабораторий и кабинетов.

На Педфаке функционировало всего 25 кафедр.

Студентов числилось на 1-м курсе—598, из коих на социально-историческом—237, на этнолого-лингвистическом—104, на физико-математическом—126, на естественно-историческом—131; *на II-м курсе—182*, из коих на социально-историческом—120, на этнолого-лингвистическом—62, *а всего на Педфаке состояло—780 студентов.*

Из кабинетов в начале отчетного года функционировал лишь кабинет русской истории; в течение осеннего полугодия были открыты кабинеты: всеобщей истории, истории религии, литературы, искусств, психологии с педагогикой и философии; всего на гуманитарных отделениях функционировало к 1 января 1923 г. семь кабинетов. Сверх того, в течение отчетного года в составе кабинета русской истории был образован особый отдел истории Белоруссии, который предположено развернуть в самостоятельный кабинет. Кабинет русской истории насчитывает около 2000 томов. Прочие кабинеты имеют: всеобщей истории 273, истории религии 101, литературы 332 т., искусств 690; психологии и педагогики 105, философии 137. Что касается лабораторий, то студенты естественного отделения пользовались лабораториями медицинского факультета; в течение года, эти лаборатории (зоологическая, ботаническая и химическая) были выделены из заведывания Медфака и стали общеуниверситетскими учреждениями, как обслуживающие нужды нескольких факультетов.

В 1922—1923 акад. году занятия на педагогическом факультете велись по нижеследующим планам:

А. Общие предметы (для всех отделений).

К у р с ы:

Генетическая социология . . .	проф. С. З. Каценбогин.
Исторический материализм . . .	пр. С. Я. Вольфсон.
История социализма	пр. И. Я. Герцык.
Логика и методология наук . . .	проф. В. Н. Ивановский.
История мировоззрений . . .	„ „ „ „
Психология	„ И. М. Соловьев.
Педагогика	„ „ „ „
Белорусский язык	преп. Я. Ю. Лесик.

Практические занятия:

Просеминарий и семинарий по генетической социологии	проф. С. З. Каценбогин.
Просеминарий и семинарий по историческому материализму	« С. Я. Вольфсон.
Просеминарий и семинарий по логике и методологии наук	асс. С. А. Аквилонов.
Просеминарий и семинарий по психологии	асс. Б. В. Перебилло » Р. А. Вольфсон.
Просеминарий по общим вопросам искусства	пр. М. Г. Сыркин асс. Н. Н. Щекатихин

Б. Социально-историческое отделение (I и II курсы).

Курсы: История	Европы в 19 в.	проф. В. Н. Перцев.
»	России в 19 в.	» Д. А. Жаринов.
»	Белоруссии	» В. М Игнатовский.
»	Народного Хозяйства Белоруссии .	» В. И. Пичета.
»	культурных движений Белоруссии	пр. А. А. Савич.
»	России XVI в	(он же)
»	Европы XVI-XVII в. . . .	проф. В. Н. Дьяков.
»	средних веков	» А. Н. Ясинский.
»	средневекового хозяйства . .	(он же)
»	Востока	» Н. М. Никольский.
»	раннего христианства . . .	(он же)
Политическая экономия		пр. И. Я. Герцык.

П р а к т и ч е с к и е з а н я т и я:

Просеминарий по истории Белоруссии . .	асс. В. Друщиц.
Семинарий по истории Белоруссии .	проф. В. М. Игнатовский
Просеминарий по новой истории Европы .	« В. Н. Перцев.
Семинарий по истории крестьянского вопроса в Европе в 19 в.	(он же)
Просеминарий и семинарий по новой истории	« В. Н. Дьяков.
Просеминарий по истории обществ. политических движений в России 19 в. . . .	« Д. А. Жаринов.
Семинарий по изучению Положения 19 февраля	(но же)
Просеминарий по истории Петровского царствования	пр. А. А. Савич.
Семинарий по толкованию Наказа . . Екатерины II.	преп. А. А. Савич.
Семинарий по толкованию Салическ. Правды	„ А. Н. Ясинский.
Просеминарий по Востоку	„ Н. М. Никольский.
Семинарий по критике Пятикнижия . . .	„ Н. М. Никольский.

В. Этнолого-лингвистическое отделение (I и II курсы) (секции—белорусская, русская и еврейская).

Курсы:

История Белорусской культуры . .	проф. В. М. Игнатовский.
История новых европейских обществ .	„ В. Н. Дьяков.
Методология изучения литературы . .	преп. А. Н. Вознесенский.
Поэтика в связи с историей литературных форм	„ Е. И. Боричевский.
История поэтики в связи с эстетикой .	„ Е. И. Боричвеский.
История Белорусской литературы . .	„ М. Н. Пиотухович.
Народная словесность	проф. И. И. Замотин.
История русской литературы 18 и 19 в. .	„ И. И. Замотин.
История русской литературы 19 в. . .	„ И. И. Замотин.
История немецкой литературы . .	„ И. И. Замотин.
История французской литературы . .	преп. М. Н. Пиотухович.
История русского театра . . .	„ А. Н. Вознесенский.
Введение в языковедение . . .	асс. Л. Н. Цветков.
Старославянский язык	„ Л. Н. Цветков.
История Израиля	проф. Н. М. Никольский.
История древне еврейской литературы .	„ Н. М. Никольский.
Введение в семитскую филологию . .	„ И. Ю. Маркон.
История средневековой еврейской литературы	„ И. Ю. Маркон.
Новоеврейский язык	преп. Гольдберг.
Введение в изучение искусства . .	„ М. Г. Сыркин.

Практические занятия:

Просеминарий по Белорусск. народной поэзии	„ М. Н. Пиотухович.
Просеминарий и семинарий по изучению Пушкина	„ Е. И. Боричевский.
Просеминарий по русск. литературе 18 и 19 в.	„ А. Н. Вознесенский.
Семинарий по изучению Лермонтова .	„ А. Н. Вознесенский.
Семинарий по методологии летературы .	„ А. Н. Вознесенский.
Семинарий по новой русской литературе .	проф. И. И. Замотин.
Семинарий по немецкой литературе . .	„ И. И. Замотин.
Семинарий по литературной истории Пятикнижия	„ Н. М. Никольский.
Просеминарий по старо-славянскому языку	асс. Л. Н. Цветков.

Г. Физико-математическое отделение (I курс).

Курсы:

Неорганическая химия	проф. Б. М. Беркенгейм.
Физика	„ Е. Е. Сиротин.
Элементарная математика . . .	преп. И. С. Пятосин.
Введение в анализ	„ И. С. Пятосин.
Дифференциальное исчисление . . .	„ И. С. Пятосин.
Аналитическая геометрия . . .	асс. В. К. Дыдырко.

Практические занятия:

По элементарной математике . . .	асс. В. К. Дыдырко.
По аналитической геометрии . . .	„ В. К. Дыдырко.
По анализу	преп. И. С. Пятосин.
По физике	асс. Успенский.
По неорганической химии . . .	проф. Б. М. Беркенгейм.

Д. Естественно-историческое отделение (I курс).

К у р с ы:

Неорганическая химия	проф. Б. М. Беркенгейм.
Физика	„ Е. Е. Сиротин.
Общая математика	преп. И. С. Пятосин.
Анатомия человека	„ Лебедкин.
Введение в зоологию	„ А. В. Федюшин.
Зоология беспозвоночных . . .	„ А. В Федюшин.
Анатомия растений	асс. Попов.

Практические занятия:

Химический семинарий	проф. Б. М. Беркенгейм.
Практические занятия по неорганической химии	асс. Беркенгейм и Цетерман.
Практические занятия по физике . .	„ Успенский.
Практические занятия по зоологии . .	преп. А. В. Федюшин.
„ „ „ . .	асс. Зубкович.
Практические занятия по ботанике . .	„ Попов.
Практические занятия по математике .	„ Дыдырко.

Е. Я з ы к и:

Английский язык	один на выбор обязателен для всех отделений.
Немецкий язык	
Французский язык	
Латинский язык	обязателен для историков и этнологов.
Польский язык	факультативно.
Греческий язык	
Белорусский язык	см. группу А.

В текущем академическом году открылись III курсы социально-исторического и этнолого-лингвистического отделений и II курсы физико-математического и естественного отделений, Педфак пополнился рядом научных работников в лице: проф. Евлахова—по кафедре западно-европейской литературы, проф. Мавродиади—по кафедре зоологии, проф. Михайловского—по астрономии, пр. Блюдухо—по минералогии, пр. Сербова—по этнографии Белоруссии, пр. Попова—по систематике и морфологии растений, пр. Сосиса—по евр. истории, пр. Вейнгерова—по ново еврейск. филологии. Приглашены на кафедру исторической грамматики русского языка проф. Миртов, проф. Пономаров—по анатомии и физиологии растений.

Призидиумом факультета приняты меры к организации следующих новых учебно-вспомогательных учреждений: кабинета по краеведению, кабинета белорусской литературы и языка, кабинета математики, астрономической обсерватории, лаборатории по минералогии и кристаллографии; сверх того организуется собственный университетский физический институт и расширяются лаборатории зоологическая, ботаническая, органической и аналитической химии. Расширение кабинетов и лабораторий в особенности необходимо в виду того, что новые учебные планы требуют значительного усиления практических занятий.

Факультеты общественных наук и педагогический за истекший год до того расширились, что понадобились дополнительные помещения для развертывания новых курсов, отделений и учебно-вспомогательных учреждений. В настоящее время Фон занимает самостоятельно помещение бывш. реального училища Хайкина по Магазинной ул. а Педфак поместился совместно

с частью Медфака по той-же улице в большом 3-х этажном доме, прежде занятом Наркомпродом Белоруссии.

Перед педфаком в настоящем году стоят особенно серьезные и ответственные задачи.

Он прилагает все усилия, чтобы закончив окончательно формирование всех своих отделений, дать краю столь необходимых ему квалифицированных педагогов для строительства новой школы, школы трудовой, советской, перед которой стоят грандиозные задачи воспитания свободного гражданина первой в мире свободной страны.

Научно-педагогическая деятельность профессоров, преподавателей и научных сотрудников Педфака Б. Г. У.

за 1922—1923 акад. год *).

Проф. Н. М. Никольский.

Прочел курсы: 1) История Востока; 2) История раннего христианства; 3) История Израиля; 4) История древне еврейской литературы.

Вел практические занятия: 1) Семинарий по Пятикнижию; 2) Просеминарий по истории Востока.

Прочитал актовую речь на тему: «Религия, как предмет науки».

Прочитал в соединенном заседании предметной исторической и предм. литературной Комиссии доклад о своей работе по вопросу о магических элементах в книге псалмов.

Напечатал—1) актовую речь «Религия, как предмет науки» (отд. брошюр, Минск 1923), 2) статью «Керубы по данным Библии и восточной археологии» (№ 2—3 «Трудов Б. Г. У.»), 3) «Следы магической литературы в книге псалмов» (отдельной брошюрой, Минск, 1923; появится также в «Трудах Б. Г. У.», № 4—5), 4) совместно с проф. Д. А. Жариновым—3-е издание книги для чтения «Былое вокруг нас» в перераб. виде.

Приготовил к печати—статью «Иудейские монархи VII века»—для журн. «Новый Восток».

Проф. В. Н. Перцев.

1) Напечатал в «Трудах Б. Г. У.» статью «К вопросу об общинной собственности у древних Германцев».

2) Написал книгу: «Экономическое развитие Англии в XIX в», печатание которой начато в «Белтрестпечати».

3) Прочитал в „Научном Обществе“ при Б. Г. У. доклады: 1) «Влияние Фурье на общественную жизнь Европы», 2) „Роль рабочего класса в подготовке и в деятельности Коммуны 1871 г.“, 3) прочитал публичную лекцию в доме Рабпроса в пользу Воздушного Флота: „Эволюция вопроса о факторах исторического развития“.

4) Прочитал лекцию в клубе печатников: «Денежный кризис во время Великой Французской Революции».

Проф. Д. А. Жаринов.

По Соц. Ист. отдел Педаг. фак.

a. Для слушателей I курса—прочитан курс русской истории XIX в., преимущественно периода более или менее отчетливого выявления промышленного капитала.

b. С теми же слушателями просеминарий по истории русского обществ.

*) К сожалению ко времени составления отчета не удалось собрать сведений о научно-педагогической деятельности всех научных работников Педфака, некоторые из которых находятся вне Минска.

движения перв. пол. XIX в. Подробно разобран, по отдельным темам, Всеподданнейший доклад по делу декабристов.

c. Со слушателями II курса—семинарий по изучению положения 19 февраля Разобраны по отдельным темам преимущественно Общее Положение и местное.

Деятельность научная и научно-общественная: 1) Научная командировка в Москву—для работы над материалами по истории помещичьего хозяйства 30—40-ых годов.

2) Доклад на тему: Помещичье хозяйство 30—40-ых годов в заседании предметной комиссии по истории.

3) Речи на заседаниях памяти: 9 января 1905 г.—на тему:, 9 января, как народная победа; и свержения самодержавия—на тему „Николай II"—японская война в освещении двух министров;

4) Публичная лекция в г. Борисове—на тему: «Западничество и славянофильство в истории русской интеллигенции;

5) Публичная лекция на ту же тему—в г. Бобруйске.

6) Лекции на с'езде школьных работников в Гомеле—на темы: a. Наука и искусство в их взаимоотношениях". b. Хрестоматия и книга для чтения по истории в работе средней школы. c. Дискуссионный метод, как элемент преподавания в современной школе.

7) Публичная лекция в Гомеле—на тему: Русское самодержавие в нач. XX века.

8) Статья в Вестнике Нар. Ком. Просв. С.С Р.Б. 1922, октябрь—ноябрь—на тему: «Культурно-исторический кружок при современной школе».

9) Занятия по истории на Общеобразовательных курсах при Нар. Ком. Прос. Методические опыты «школьных судов»: организация суда, a. над Марией Стюарт—по участию в заговоре на жизнь Елизаветы и b. над Александром I по отношению к заговору 11 марта.

10) Речь на торжественном заседании Научного Общества—по поводу недели Красного Флота—на тему: „Лейтенант Шмидт и революционном движении русского флота".

Проф. И. И. Замотин.

I. Читал след. курсы на Этнолого-лингвистическом отделении *Педфака*: 1) народная русская словесность, 2) русская литература XVIII—XIX стол. (до Пушкина), 3) русская литература XIX ст. (от 40-х до 80-х годов), 4) немецкий романтизм. Кроме того преподавал русский яз. и р. литературу на 10-й группе и на общественном уклоне 11—12-ой групп *Рабфака*.

II. Вел след. практические занятия: 1) семинарий по изучению р. литературы и критики второй половины XIX стол. со студентами русской секции этнол.-лингвист. отд. II курса и 2) семинарий по изучению новейшей белорусской литературы со студентами белор. секции этнол.-литв. отд. II курса.

III. Прочел след. доклады и публичные лекции: 1) 28 дек. 1922 г. доклад на тему «У истоков литературной современности» на литерат. вечере („Литературный Альманах") в актовом зале Б. Г. У. 2) 13 янв. 1923 г. доклад на тему «Вечно—юное в творчестве Пушкина» на вечере, посвященном Рабфаком Б. Г. У. памяти 86-й годовщины Пушкина. в Акад. Госуд. театре, 3) в течение февраля и марта м.м. сделал ряд вступительных докладов к драматическим произведениям русских классиков (Грибоедова, Гоголя, Островского, Чехова, М. Горького), поставленным на сцене Красного зала для учащихся г. Минска по инициативе Главполитпросвета. 4) В течение февраля и марта м.м. прочел цикл публичных лекций (8) по новейшей русской литературе от Чехова до наших дней в Доме Работников Просвещения („Рабпрос"). 5) 30 марта прочел лекцию о творчестве М. Горького (по случаю 55—летия рождения) для сотрудников Внешторга. 6) В марте и апреле сделал ряд докладов об Островском, посвященных столетию со дня его рождения; доклады были прочитаны в Доме Труда, в Академ. Госуд.

театре на вечере, устроенным Рабфаком, в Красном Зале на спектакле, посвященном Островскому, и в заседании Научного Общества в актовом зале Б. Г. У. 7) В сент. м. провел два доклада о Л. Толстом для сотрудников Горисполкома и Наркомзема (по случаю 95-летия рождения Толстого).

IV. Напечатал в Трудах Бел. Госуд. Университета в книгах 4—5 след. статьи: 1) Некрасов—художник (1821—1921 г.). Статья напечатана также и отдельной брошюрой. 2) Накануне Островского. Русская драматургия 20—40-х годов XIX стол.

Проф. В. М. Игнатовский.

В истекшем 1922—3 акад. году прочел курс истории Белоруссии нового времени. Курс доведен до 80-х годов 19 в., проработан и издан типографически. Дальнейшая обработка намечена на будущую зиму. Напечатана в журнале «Полымя» статья «Компартыя і нацыянальнае пытаньне». Неоднократно читались доклады на темы: «Основные принципы трудовой школы и метод родиноведения», «Анализ белорусского движения».

Проф. В. Н. Ивановский *).

Прочел курсы: 1) логики и методологии; 2) истории миросозерцаний.

Вел семинарий по логике. Напечатал «Методологическое введение в науку и философию».

Пр. Е. И. Боричевский.

В истекшем году вел курс «Поэтики в связи с историей литературных форм» . . . . . на 1-ом курсе этн. лингв. отд.
Курс «Истории поэтики в связи с эстетикой». » 2-ом » » »
Пушкинский просеминарий . . . » 1-ом » » »
Пушкинский семинарий. . . . » 2-ом » » »

Доклады и лекции. Доклад „Поэты русского символизма» в актовом зале Унив-та 24 ферраля 23 г.

Литературные работы. Статья «К проблеме эстетического суждения» („Труды Б. Г. У.“ книга 4-5).

Пр. А. Н. Вознесенский.

В 1922-23 ак. году на II курсе этнолого-лингвист. отделения прочел два обязательных курса: первый—по истории русского театра, второй—по методологии изучения литературы.

На том же курсе того же отделения вел семинарские занятия по методологии изучения литературы, где главное внимание было обращено на углубление познаний в области теоретических предпосылок каждого из методов, известных в настоящее время в историко—литературной науке, и их практического применения в сфере изучения литературных явлений.

Кроме того, на том же курсе вел семинарий по изучению творчества М. Ю. Лермонтова со стороны его идейности и формы, применяя на практике те методологические принципы, которые излагались в курсе по методологии.

На I курсе этнолого-лингв. отделения вел просеминарские занятия по народной словесности и по истории р. литературы 18 века в виде реферирования отдельных книг и пособий по данным предметам, при чем целью и было расширение тех познаний, которые студенты получали на лекциях по этим дисциплинам.

В истекшем ак. году в пользу кассы взаимопомощи студентов Б. Г. У.

---

*) За отсутствием проф. В. Н. Ивановского ко времени составления отчета в Минске не удалось собрать сведений об остальных его научных работах и докладах.

прочитал три публичные лекции на темы: 1) «Серапионов братья» (литература наших дней)—28 декабря 22 года; 2) Идеология футуризма—26 февраля 23 года; 3) «Ничевоки» (литература наших дней)—6 мая 23 г.

В указанном году имел две научных командировки: первую—в Москву на рождественские каникулы и вторую—в г. г. Петроград и Москву на летнее вакационное время. Во время командировок работал в сфере изучения двух вопросов: 1) методологии изучения литературы и 2) истории литературных явлений второй половины 18 в. и первых десятилетий 19 ст. В области первой избранной темы я составил и приготовил к печати работу (7—8 печатных листов) под названием: «Логика историко-литературной науки». По второму вопросу полностью закончил собирание материала из периодической литературы с 1750 по 1825 г. и на $^{2}/_{3}$ из отдельных изданий этого же периода; первый том этой второй работы («Поэтика сентиментализма») в настоящее время составляется.

Пр. И. Пятосин.

В 1222-23 учебном году читал следующие курсы: на физико-математическом отделении педфака—введение в анализ и дифференциальное исчисление, на естественном отделении—элементы высшей математики. Одновременно вел практические занятия по анализу бесконечно—малых на математическом отд. и по высшей математике на естественном отд.

В текущем учебном году прочел доклад в открытом заседании научного общества на тему «Астрономические взгляды Коперника».

Прочел в г. Гомеле две лекции для работников просвещения на темы: 1) Математика и ее значение для естествознания; 2) Современные методические взгляды на преподавание пропедевтического курса геометрии. В июле 1923 г. имел научную командировку в Петроград, где главным образом знакомился с современной иностранной литературой по математике, а также работал над окончательной обработкой и подготовкой к изданию лекций по введению в анализ и дифференциальному исчислению.

Пр. М. Г. Сыркин.

В 1922-23 г. прочел курс введения в искусствознание студентам 1-го курса этнолого-лингвистического отделения. Установленный по кафедре искусства просеминарий вел ассистент Н. Н. Щекатихин.

В ближайшем № «Трудов» появится третья и последняя статья на тему «Донателло и раннее возрождение», под специальным заглавием «Наследники Донателло». Для дальнейших нумеров готовится расширенное изложение теоретической части читанного мною курса. Прочие работы пока еще не предназначаются для печати.

Выкладчык Я. Лесік.

У 1922-23 школьным годзе Беларуская мова выкладалася на ўсіх аддзяленьнях Фона і Пэдфака для І-га і ІІ-га курса.

На І-м курсе Фона і Пэдфака прачытана: І. Кароткія ўводзіны ў навуку а мове: 1) Агульнае паняцьце а мове; 2) Пахаджэньне мовы і слова; 3) Як мы гаворым; 4) Што ў граматыцы называецца «гукам»; 5) Значэньне слова; 6) Выказ (предложение), мова, падмова і гутарка; 7) Беларускі народ і яго мова; 8) Якую мову дасьледуе граматыка; 9) Значэньне дасьледзін над роднай мовай і яе граматыкай

ІІ. Мова і пісьмо. Беларускі правапіс. Чытаньне. Па правапісу і чытаньню на І курсе адбываліся практычныя работы на ўсіх аддзяленьнях Фона і Пэдфака.

На ІІ-м курсе Фона і Пэдфака прачытана з агульнага мовазнаўства і беларускае граматыкі наступнае:

1) Папярэднія паняцьці а мове і мовазнаўстве; 2) Мова жывая і мёрт-

вая; 3) Мова літаратурная і народная; 4) Нацыянальнасьць і мова; 5) Сувязь мовазнаўства з іншымі навукамі; 6) Падзел мовазнаўства—фонэтыка, семасіолёгія; граматыка—морфолёгія і сінтакс; этымолёгія і лексіколёгія; 7) Граматыка школьная і навуковая; псыхолёгія, лёгіка і граматыка; 8) Фонатыка, морфолёгія і этымолёгія Беларускае мовы; 9) Сінтакс беларускае мовы.

Падручнікамі для студэнтаў служылі такія кнігі (у расійскай мове) 1) Краткое введение в науку о языке, Д. Н. Ушакова; 2) Учебник русской грамматики Н. Д. Державина; 3) (у беларускай мове) Беларуская граматыка для школ, Б. Тарашкевіча; 4) Практычная граматыка ч. I і II-я, Я. Лёсіка.

За 1922-23 школьны год мною напісан падручнік па беларускай мове —«Беларуская мова. Правапіс». Падручнік набыт для друку Наркомпросам Беларусі і хутка выйдзе ў сьвет.

У часе летніх канікул па загаду Наркомпроса Беларусі мною чыталіся лекцыі па беларускай мове ў Мінску на курсах палітграматы: 1) на павятовых курсах для настаўнікаў; 2) на гарадзкіх курсах для настаўнікаў і 3) на акружных курсах для настаўнікаў Гомельшчыны, Смаленшчыны і Віцебшчыны.

Ассистент **Друщиц.**

Прочитана почти половина курса Истории Белоруссии по поручению проф. В. М. Игнатовского. С начала года вел просеминарий по Истории Белоруссии. Темой для занятий был взят социальный строй общества в период существования Литовско-Белорусского государства. Студентами написано до 25 рефератов.

Разрабатывается один из вопросов отношения Литовско-Белор. государства к Польше. Работа будет закончена в текущем году.

Ассистент **В. Перебило.**

В течении 1922-23 учебного года вел просеминарские занятия по общей психологии со студентами 1 курса социально-исторического и этнолого-лингвистического отделения педагогического факультета. Кроме того, со студентами 2-го курса тех же отделений вел семинарские занятия по педагогической психологии.

5 февраля 1923 г. прочел на конференции работников детских домов г. Минска доклад на тему: «проблема воспитания».

25 февр. с. г. на заседании педагогической секции научного общества прочел доклад на тему: «Отчет о деятельности психологической секции на 1-м Всероссийском с'езде по психоневрологии с 10—15 янв. 1923 г.».

Ассистент **Р. А. Розеноер—Вольфсон.**

П е д а г о г и ч е с к а я   д е я т е л ь н о с т ь. В течение 1922-23 академического года вела занятия по общей психологии со студентами 1 курса физико-математического и естественно-исторического отделений Педагогического Факультета. Разрабатывались вопросы связанные с курсом общей психологии и методологические вопросы.

На 2-м курсе со студентами тех же отделений вела семинарские занятия по изучению внимания у детей.

Н а у ч н а я   д е я т е л ь н а с т ь. Прочла доклад в Педагогической секции Научного Общества при Б.Г.У. на тему «Методы изучения ребенка». Там же выступала с докладом о Всероссийском С'езде психологии и неврологии.

Медицинский Факультет.

Можно безошибочно утверждать, что в истекшем академическом году усилия правления были более всего направлены на оказание всемерной поддержки президиуму Деканата Медицинского факультета, на долю которого выпала исключительно тяжелая задача формирования факультета, нуждающегося для правильной постановки занятий в значительном числе ученых специалистов и в совершенном оборудовании клиник, лабораторий, кабинетов, музеев и институтов.

До 20 февраля 1923 г. Президиум Медфака возглавлялся проф. М. П. Соколовским.

В настоящее время состав президиума Медфака следующий: Декан проф. С. М. Мелких, Секретарь проф. Л. П. Розанов, Член Президиума студент С. И. Баркусевич.

На Факультете числилось всего 542 студента, из коих на I-м курсе 216, на II-м 300 и на III-м 26. На I-м и II-м курсах все кафедры, согласно утвержденных Главпрофобром учебных планов, были замещены, за исключением кафедр ботаники и общей гистологии на I-м курсе и частной гистологии с эмбриологией на II-м курсе, которые оставались вакантными и по которым занятия поручено было вести по ботанике асс. И. В. Попову и по гистологии общей и частной с эмбриологией асс. д-ру С. Л. Эйнгорну.

Что касается III-го курса, то организация занятий на нем, хотя в общем и была проведена вполне удовлетворительно, тем не менее за отсутствием научных сил, оставались незамещенными—основная кафедра Медфака—паталогическая анатомия, общая и экспериментальная паталогия, микробиология и гигиена с эпидемиологией.

С ноября 1922 г. в помещении 1-ой городской Советской больницы была открыта Терапевтическая пропедевтическая клиника, заведывание которой поручено проф. С. М. Мелких. В январе 1923 г. в помещении той же 1-ой городской больницы были открыты хирургическая пропедевтическая клиника и поликлиника.

Обе клиники, терапевтическая и хирургическая, организованные благодаря исключительным стараниям Горисполкома и Наркомздрава в значительной части заново отремонтированы, великолепно оборудованы и снабжены инструментарием.

В здании поликлиники открыт Рентгеновский кабинет, которым заведует—д-р С. М. Лившиц.

В каникулярный летний период перед Президиумом стояла серьезная задача подыскания научных сил для замещения вакантных кафедр II-го и III-го курсов и для сформирования нового IV-го курса.

В настоящее время факультет пополнился рядом научных работников и почти все кафедры замещены.

На кафедру паталогической анатомии приглашен профессор И. Т. Титов, которому временно поручен и курс общей и экспериментальной паталогии. На кафедру нервных болезней избран проф. М. Б. Кроль. По акушерству и гинекологии—проф. М. Л. Выдрин.

По факультетской хирургии—проф. С. М. Рубашев. По детским болезням—проф. Воронин, по гигиене—проф. М. М. Экземплярский, по кожным венерическим болезням—проф. Мронговиус, по Микробиологии—пр. Б. Я. Эльберт, по гистологии—проф. Мавродиади.

Второй не менее существенной задачей президиума факультета было создать необходимую научную обстановку для ведения занятий на IV-м курсе.

В текущем академическом году будут функционировать следующие клиники IV-го курса:

1) Факультетская терапевтичеcкая клиника (проф. С. М. Мелких).
2) Факультетская хирургическая клиника (проф. С. М. Рубашев).
3) Акушерско-гинекологическая (проф. М. Л. Выдрин).

4) Клиника нервных болезней с гидро-электро и светолечебницей (проф. М. Б. Кроль).

5) Клиника детских болезней проф. М. С. Воронин.

6) Клиника глазных болезней проф. С. Д. Каминский.

Судя по уже достигнутым результатам клиники оборудуются чрезвычайно тщательно и будут стоять на высоте.

В 1922—1923 г. занятия на медицинском факультете велись по следующим учебным планам.

Учебный план Медицинского Факультета Б.Г.У.

на 1922—1923 учебн. год.

I-ый курс.

1. Неорганическая химия, проф. Б. М. Беркенгейм.
2. Аналитическая химия, практ. зан. проф. А. С. Усов.
3. Зоология со сравн.анат., проф. А. В. Федюшин.
4. Ботаника—кафедра вакантн., асс. И. В. Попов.
5. Физика—проф. Е. Е. Сиротин.
6. Органическая химия проф., А. С. Усов.
7. Описательная анатомия, препод. С. И. Лебедкин.
8. Общая гистология, кафедра вакантна, асс. С. Л. Эйнгорн.

II-ой курс.

1. Анатомия описательная и топографическая, пр. С. И. Лебедкин.
2. Частная гистология с эмбриологий—кафедра вакантна, асс. др. С. Л. Эйнгорн.
3. Физиология, проф. Л. П. Розанов.
4. Биологическая химия проф. А. П. Бестужев.
5. Основы физической химии и хим. коллоидов, проф. Б.М. Беркенгейм.
6. Общая биология, проф. А. В. Федюшин.

III-ий курс.

1. Общая и экспериментальная кафедра была вакантна.	
2. Патологическая анатомия, тоже.	
3. Пропедевтическая клиника с врачебной диагностикой	проф. С. М. Мелких. и асс. др. Х.И.Моносзон.
4. Семиотика внутренних болезней . .	
5. Общая хирургия с пропедевтической хирургической клиникой	проф. М. П. Соколовский.
6. Формакология, с фармацевтической хим.	проф. А. П. Бестужев, и пр. Д. И. Найдус.
7. Микробиология	кафедра б. вакантна
8. Гигиена с эпидемиологией . . .	кафедра б. вакантна.

В настоящее время состав профессоров, преподавателей и научных сотрудников возрос значительно, насчитывая 95 человек.

Личный состав профессоров, преподавателей и научных сотрудников Медфака Б. Г. У.

в октябре 1923 г.

№№ по порядку.	Фамилия, имя и отчество.	Наименование кафедр.	Занимаемая должность.	Примечание.
1	Лебедкин С. И.	Описат. анатом.	преподаватель	
2	Перельман И. М.	» »	и.о. прозектор.	
3	Борухин М. Л.	» ›	пом. прозект.	
4	Таубкин Д. А.	» »	ассистент	
5	Иргер Ю. М.	» »	„	
6	Усов А. С.	Аналит. химия	профессоф	
7	Вершук В. И.	« »	ассистент	
8	Лобанович А. Д.	« »	„	
9	Цеттерман	« »	„	
10	Тир	« »	„	
11	Усов А. С.	Органич. химия	профессор	
12	Вершук В. И.	» »	ассистент	
13	Беркенгейм Б. М.	Неогран. химия	профессор	
14	Цеттерман	« »	ассистент	
15	Сиротин Е. Е.	Физика	профессор	
16	Светков Е.	»	ассистент	
17	Федюшин А. В.	Зоолог со срав. анат.	преподаватель	
18	Зубкович Е. М.	« » »	ассистент	
19	Попов И. В.	Ботаника	преподаватель	
20	Найдус Д. И.	Формация	„	
21	Нехамкина М. А.	»	ассистент	
22	Бестужев А. П.	Биолог. химия	профессор	
23	Шамардин	« »	ассистент	
24	Таранович	« »	„	
25	Мавродиади П. А.	Гистология	профессор	
26	Эйнгорн С. Л.	«	ассистент	
27	Станкевич Е. Е.	«	„	
28	Розанов Л. П.	Физиология чел.	профессор	
29	Смольский М. Б.	«	ассистент	
30	Николаева	«	лаборантка	
31	Бестужев А. П.	Формакология.	профессор	
32	Спиридонов	«	ассистент	
33	Соколовский М. П.	Пропедев хир. кл.	профессор	
34	Шапиро М. Н.	«	ассистент	
35	Бонч-Осмоловская И.	«	ординатор	
36	Иргер Ю. М.	«	„	
37	Ципкин Б.	«	„	
38	Мангейм	«	„	
39	Мелких С. М.	Фак. пропедев терап. клиника	профессор	
40	Моносзон Х. И.	«	сам.преподав.	
41	Ситерман Л.	«	ассистент	
42	Захарова	«	„	
43	Маршак	«	„	
44	Гунзбург	«	—	
45	Нейфах	«	ординатор	

№№ по порядку.	Фамилия, имя и отчество.	Наименование кафедр.	Занимаемая должность.	Примечание.
46	Поляк А.	Фак.пропедев.терап клиника.	ординатор	
47	Клейнер Р. М.	«	«	
48	Солонин.	«	«	
49	Флекель.	«	«	
50	Мазель С. И.	«	«	
51	Протусевич.	«	«	
52	Поляк В.	«	сверхштат. орд.	избран сов. факультет 4/х 23 г.
53	Рубашев С. М.	Фак. хиругич. кл.	профессор	
54	Каминский С. Д	Глазная клиника.	«	
55	Павлова-Каминская.	« »	ассистентка	
56	Дворжец.	« »	ординатор	
57	Шапиро.	« »	«	
58	Каминский Д. С.	« »	«	
59	Кливанская А. А.	« »	«	
60	Выдрин М. Л.	Акушер гинекол.кл.	профессор	
61	Рафальсон Р. Р.	« » »	ассистент	
62	Циркин.	« » »	ординатор	
63	Майзель М. Б.	« » »	«	
64	Мазель С. А.	« » »	«	
65	Фурс Н.	« » »	«	
66	Былинский.	« » »	«	
67	Рубенчик П. С.	« » »	«	
68	Кроль.	« » »	«	
69	Каценбогин-Моносзон.	« » »	«	
70	Пратусевич М. А.	« » »	«	
71	Воронин.	Детская клиника.	профессор	
72	Мронговиус.	Кожновенер. кл.	«	
73	Экземплярский М. М.	Экспер. и соц. гигиена.	«	
74	Эльберт.	Микробиология.	преп.	
75	Титов И. Т.	Общая патология и патологич.анат.	профессор	
76	Глод-Вершук В. И.	« »	пом. прозект.	
77	Савельзон.	« »	«	
78	Кроль М. Б.	Кл. нерв. болезн.	профессор	
79	Слепян М. Ф.	« » »	ассистент	
80	Лившиц С. М	Рентгенов. каб.	зав. рентген. каб.	
81	Розовский М. С.	« »	лаборант. фот.	
82	Курбанов Г.	Пат. анатомия.	препаратор	
83	Дашкевич.	« »	«	
84	Лионовский.	Биолог химия.	«	
85	Усманов А. М.	Анатомия чел.	«	
86	Корнилова.	Аналит. химия.	«	
87	Пигулевский.	Гистология.	«	
88	Остапеня.	Неорг. химия.	«	

№№ по порядку.	Фамилия имя и отчество.	Наименование кафедр.	Занимаемая должность.	Примечание.
	Преп. языков и обществен. дисциплин.			
89	Каценбогин С. З.	Пролет. революция и марксизм.	профессор	
90	Вольфсон С. Я.	Истор. мат.	преподаватель	
91	Прейсберг Х. Х.	Немецкий язык.	"	
92	Полоновская.	Франц. язык.	"	
93	Блох.	Английский яз.	"	
94	Некрашевич.	Белорусский яз.	"	
95	Земмель.	Латинский яз.	"	

В этом году президиум Медфака проделал очевидно большую и плодотворную работу, успешно закончив формирование всех 4-х курсов.

Остается еще одно напряженное усилие, и Медфак окончательно завершит свое строительство и вступит в период нормального педагогического и научного творчества.

Научно-педагогическая деятельность кафедр Медфака в 1923—23-е годы.

Пропедевтическая терапевтическая клиника.

Кафедра пропедевтической терапевтической клиники Б. Г. У. открылась 8 ноября 1922 г. в терапевтическом отделении I-й городской Советской больнице, причем одна из палат была приспособлена под аудиторию, а из бывшей когда-то операционной устроена лаборатория для занятий врачей и студентов.

Количество коек 60, при клинике амбулатория.

Заведующий кафедрой проф. С. М. Мелких, ассистент Х. И. Моносзон, ординаторы штатные: Е. Л. Маршак, Р. Е. Гинзбург, Л. Я. Ситерман, О. К. Захарова, Л. И. Иргер. Сверхштатные ординаторы: А. И. Штрейс. Я. В. Нейфах, Б. А. Пратусевич, В. М. Поляк и А. Л. Поляк.

Количество студентов, переведенных на 3-й курс из других университетов—28 человек.

Деятельность клиники была направлена, главным образом, к подготовке врачебного персонала для ведения клиники в 23—24 академическом году со студентами, переходящими на 3-й курс в количестве 200 человек.

В первой половине академического года читался курс «диагностика и семиотика внутренних болезней с пропедевтической клиникой». 8 часов в неделю проф. С. М. Мелких.

Практические занятия со студентами по группам у постели больных велась проф. С. М. Мелких и ассистентом Х. И. Моносзон по 4 ч. в неделю каждый.

Во втором полугодии академ. года кроме продолжения основн. курса проф. С. М. Мелких, асс. др. Х. И. Моносзон читал самостоятельно 2 ч. в неделю обязательный курс «диагностика и семи тика болезней крови».

В конце полугодия в занятиях со студентами у постели больных принимали уже участие все штатные ординаторы.

Амбулаторный прием вели поочередно все штатные сотрудники и из сверхштатных др. А. И. Штрейс. Заведующий клиникой проф. С. М Мелких был занят изданием перевода с немецкого языка на русский книги, Volhard'а

и Fhar'a: Die Brigthische Nieren-Krankheit, вышедший в июне 1923 года в издании Белтрестпечати и разработкой вопроса о показаниях и противопоказаниях к наложению искусственного пнеймоторакса у туберкулезных больных, производя наблюдения в туберкулезном диспансере вместе с ординатором клиники и заведующим диспансером др. Е. Л. Маршак. Ассистент д-р Х. И. Моносзон занимался исследованием вопроса о методах определения желчных кислот (таурохолевой и гликохолевой).

Ординаторы клиники выступали с докладами на клинические темы в научном обществе Минских врачей и занимались чтением рефератов и демонстрацией больных на научных конференциях, устраиваемых периодически в своей клинической среде.

Кафедра общей хирургической патологии с пропедевтической клиникой.

Личный состав кафедры следующий: заведующий доктор медицины проф. М. П. Соколовский, старший ассистент М. Н. Шапиро, штатные ординаторы: Н. А. Бонч-Осмоловская, А. Е. Мангейм, Ю. М. Иргер, Б. Н. Цыпкин.

Сверхштатные ординаторы: Р. И. Лапидус, М. Н. Хургин, С. Заневский, Х. Б. Левина.

Для студентов 3-го курса проф. М. П. Соколовским был прочитан курс общей хирургической патологии. Лекции читались 3 раза в неделю, 6 недельных часов. Профессором велись практические занятия со студентами на амбулаторных и стационарных больных 6 часов в неделю. Ассистентом клиники М. Н. Шапиро, под руководством профессора, велись занятия по дисмургии. Ординаторы клиники также занимались со студентами на амбулаторных и стационарных больных. Пропедевтическая хирургическая клиника находится при І-й Советской больнице и в настоящее время имеет 62 штатные койки. Больных клиники начали принимать 26 января 1923 г.

В настоящее время, клиника снабжена всеми необходимыми хирургическими инструментами, из которых, можно отметить 3 уретроскопа, 2 цистоскопа, аппарат Albee (электро-мотор с набором фрез и круговых пил для операции на черепе и позвоночнике). При клинике имеется лаборатория, в которой находятся 2 микроскопа, микротом, термостат и другие аппараты. Лаборатория снабжена нужными для клинических исследований реактивами. При лаборатории содержатся для экспериментальных научных работ кролики, морские свинки и белые мыши. При клинике организован музей, состоящий из патолого-анатомических препаратов, полученных при операции, и приступлено к собиранию различных предметов, нужных для преподавания военно-полевой хирургии До 10 сентября 1923 г., т. е. за 8 месяцев через клинику, прошло 625 стационарных больных, из них подверглись оперативному вмешательству 385 больных. Произведены следующие операции:

Extirpatio corporis alieni	4	Laporotamia probaton'a	10
Trepanatio crani	8	Cheiloplastica	4
Herniotomia	57	Abrasio	5
Oper. Contiacturae Dupytren'a	1	Amputacio mammae	6
Ligotura var. haemor.	16	Exterpatio tumoris	10
Appendectomia	26	Salpuingotomia	3
Amputatio recti	1	Operationus prolapsus recti:	
Incisio	25	mod. Thirsch'a	1
Gastroenterostomia rebtrocolica posterio	26	mod. Kirscher'a	2
Resectio Ventriculi	3	Colporaphia	6
Resectio ventriculi et intestiun (Ulcus pepticum jejuni	2	Tendotomia	5
Entero-enteroanastomosis	2	Sectio perinealis	1
		Plastica preaputio (Fimosis)	4
		Transplantatio cutis	2

Kescetio costae	12
Excochliateo	6
Paranephritis (incisio)	2
Exterpatio Ven. Saphena	2
Resectio maxil super titalis	1
partialis	3
Operationes hydrocoele mod. Winkelman'a	8
Cholecystectomia	1
Oper. Fissurae ani(Extirpatio)	6
Kesectio genu	3
Ligat. Ven. poplit	5
Extirpatio cancei labi inferiores	2
Herniotomia incarcerata	7
Debridement	1
Etirpatio glandulae tbc	5
Amputatio femoris	3
Repositio femoris	1
humeri	1
Operat. Gtoffel'a	1
Cystatomia	5
Extirpatio uteri	2
Sequestrotomia	10
Oper Volvulus	3
Rhinoplastica	7
Lymphangoplastica (Elephantiasis arabum)	5
Fistala recti (Extirpatio)	2
Ventrofitatio uteri	2
Operat. appendicitis acuta	3
Gastrapetia	2
Gastrostomia	4
Osteotomia	1
Exenneratio oculi	1
Hydrocephalus (Lymphangoplasica)	2
Granditas extra uterina.	1
Sutturaepatella	1
Castratio	1
Herniotomia ventralis	1
Strumectomia	5
Nephrectomia	1
Pyclotomia	1
Sectio alta	2
Разные другие операции	19

Процент смертности в клинике на общее число больных $2^1/_2$%.

Из клиники вышли следующие работы:

Профессор М. П. Соколовский: 1) Лимфангиопластика, как метод лечения слоновости (принята для напечатания в Вестнике хирургии и пограничных областей, Петроград); 2) о пластике дефекта твердой мозговой оболочки сальником (послана для напечатания в Вестник хирургии и пограничных областей); 3) узловой или непрерывный шов при операции желудочно-кишечного соустия (готовится к печати).

Вместе с ординатором А. Е. Мангеймом. 1) О ранениях черепа мирного времени, Ассистент М. Н. Шапиро. 1) О внутри брюшинных сращениях: (послан в Новый хирургический архив). Ординатор: Бонч-Осмоловская И. А. 1) Случай слоновости, развившийся при кожном туберкулезе (послан в Вестник хирургии и пограничных областей, Петроград). В лаборатории клиники в настоящее время производятся следующие экспериментальные исследования: Ординатор Ю. М. Иргер. 1) О влиянии перевязки семенного канатика на ткань предстательной железы. Ординатор Б. И. Цыпкин: 1) К вопросу о бактериологии швов.

Кафедра физиологии человека.

Кафедру занимал проф. Л. П. Розанов, ассистентом состоял д-р М. Б. Смольский, лаборанткой д-р Е. И. Николаева, вакантных должностей не было.

Проф. Розановым прочитан курс для студентов медиков 2-го курса. Практические занятия велись под руководством профессора ассистентом М. Б. Смольским с помощью Е. И. Николаевой.

Кроме того проф. Розановым был прочитан курс анатомии и физиологии человека для фармацевтов, сделан 1 доклад в Минском О-ве Врачей, 1 доклад (заочно) в Петроградской Физиологической Беседе, 1 публичная лекция.

Выпущены след. печатные труды:

1. Л. П. Розанов. «О влиянии желчи на переваривание белков панкреатическим соком». Арх. Биолог. Наук. 1923 г.
2. Он же. «Анатомия и физиология человека» ч. I. Минск 1923 г.
3. Он же. «О влиянии крови, как пищевого вещества, на деятельность пепсиновых желез.» Труды Бел. Гос. Унив.

Кроме того, в продолжении всего года велась работа по оборудованию лаборатории, которой в прошлом году не было и к созданию которой было приступлено лишь в октябре 1922 г. В настоящее время лабсратория готовится к переходу в новое приспособленное помещение. Перемен в личном составе лаборатории на 1923/1924 г. не происходило.

Институт нормальной анатомии Б. Г. У.

Персонал Института.

Заведующим кафедрой состоял преподаватель С. И. Лебедкин. Прозектором—И. М. Перельман; помощниками прозектора: М. Л. Борухин, А. Д. Таубкин и Ю. М. Иргер. Препаратором—А. М. Усманов.

3 служителя и 1 истопник.

Преподавательская деятельность.

На I курсе был прочитан теоретический курс по I части Анатомии (остеология, синдесмология и миология) по 4 часа в неделю. На II курсе II часть анатомии (спланхнология, ангиология, мозга,нервная сис'ема и органы чувств по 2 часа в неделю. Студентам педфака читан сокращенный курс анатомии (расчитанный на 3 семестра) по 2 часа в неделю. Практические работы на трупах велись под наблюдением преподавательского персонала группами по 12 человек, ежедневно от 10 до 2 и от 4 до 9 вечера. В течение осеннего семестра функционировал зал для занятия со студентами I курса по остеологии, кроме того кости выдавались на дом.

В институт было доставлено и использовано для препаратов и студенческих занятий 79 трупов. Всего работало 209 студентов I курса (по миологии и синдесмологии); 254 ст. II курса (по ангионеврологии, спланхнологии, мозгу и органам чувств); 6 студентов III курса (по всем отделам анатомии). Кроме того было допущено к практическим занятиям по остеологии, миологии и синдесмологии 37 студ. педфака.

Оборудование института.

Помимо имевшегося в прошлом году оборудования в Институт доставлено 2 шкапа для хранения препаратов, Реактивы (формалин 45 ф., acid. carbol. 25 банок; вазэлин 15 ф.; эфир 25 ф.; глицерин 4½ к°, чистый спирт, краски), белье (полотенца 24 шт., марля 212 ярд, 6 резиновых халатов), инструменты (скалпели 24 шт., 2 шприца) были получены от ARA. Кроме того часть реактивов (кислоты, толуол, ксилол, краски) были приобретены в Москве. Куплено 61 стекл. банок крупного размера для препаратов, и около 100 шт. мелкой стекляной посуды. Куплены Термостат Leiz'а с 2 термометрами, микротонная бритва, 2 шприца для ин'екций, двойная пила и 2 ножевки.

Научные пособия.

Музей пополнен: сухими препаратами сосудистой и нервной системы верхней конечности (Перельман); нижняя конечность (Борухин); сосудистой системы всего тела (Усманов); препараты костных полукруженых каналов in situ человека, лошади, собаки, свиньи и крота (Лебедкин) и несколькими редкими препаратами по остеологии. Количество комплектов костей для выдачи студентам для занятий по остеологии значительно увеличено.

Изготовлено 5 новых таблиц.

Куплено 19 томов литературы (справочники, атласы и капитальные работы).

Научная деятельность.

Всем преподавательским персоналом производились наблюдения над имевшимся трупным матерьялом. Были организованы специальные работы

для студентов, желающих более подробно ознакомиться с методами научной работы в области анатомии.

В виду недостатка оборудования открытой при институте лаборатории число занимающихся было ограничено 10 студентами. В течение весеннего семестра с указанной группой пр. Лебедкиным производились занятия по *методике эмбриологического исследования* (3 раза в неделю).

Пр. Лебедкиным в Институте Нормальной Анатомии произведена работа на тему «О положении полукружных каналов», результаты которой изложены в статьях: «Ueber die Lage der Canalis semicircularis laterolis bei Säugern» Vorläufige Mitteilung) (печатается в Anat. Anzeiger) и «*О положении полукружных каналов у* Mamalia» (печатается).

Кафедра фармакологии.

В истекшем, 1922—23 учебном году кафедра фармакологии находилась в заведывании проф. А. П. Бестужева. Систематический курс состоял из 4 час. лекций в неделю, в течении которых по возможности иллюстрировались опытами на животных, важнейшие явления действия лекарственных веществ. Помещение лаборатории состояло из двух комнат. Для лабораторных работ и эксперементов на лекциях были приобретены необходимые приборы, химическая посуда, реактивы, медикаменты и инструментарий преимущественно в Москве и заказана необходимая мебель. Главным и весьма ощутительным недостатком было отсутствие возможности получать из-за границы неизготовляющиеся в России, но крайне необходимые для работ и демонстраций физиологические аппараты. Вследствие этого была сделана удачно выполненная, благодаря главным образом непосредственному участию преподавателя—рабочего факультета К. О. Фальковича, попытка сконструировать своими средствами аппараты, получаемые и до войны из-за границы; как-то: кимограф, пнеумограф, электромагнитный отметчик времени, оказавшиеся вполне пригодными для демонстративных целей. Положено было начало показательной коллекции фармакологической лаборатории. Материальным основанием к устройству коллекции послужило пожертвование Наркомздравом Белоруссии ряда медикаментов. Кроме того, лаборатория получила от „Ара“ ценный дар в виде реактивов, лекарственных веществ, ценурифуги и проч.

Проф. Бестужев продолжал начатую работу по вопросу об экспериментальных отеках у хладнокровных Ассистентом при кафедре состоит доктор Ф. А. Спиридонов, которым выполняется работа по вопросу о несовместимости лекарственных веществ. Кроме того проф. Бестужевым читались лекции, сопровождаемые необходимыми опытами на животных, на 8-ми месячных фармацевтических курсах, организованных при мед. факультете.

Кафедра фармации.

В течение истекшего учебного года: были соорганизованы кабинет и лаборатория, приобретена в Москве фармакогностическая коллекция в 200 предметов, изготовлено под моим руководством 50 художественных атласов по фармакочнозии, получены химические препараты, реактивы, приборы и коллекционные предметы, бесплатно от «Ара», Наркомздрава Белоруссии, Пастеровской станции и Красного Креста.

Что касается учебной части, то в истекшем году был прочитан полный курс фармации (4 часа в неделю), при чем обращалось внимание на связь между химическим составом и фармакологическим действием лекарственных веществ; затем в лаборатории студенты под руководством ассистентки провизора М. А. Нехамкиной, занимались практическов работой, состоящей в изготовлении, различных лекарственных форм: порошкой, мазей, пилюль, суппозитории и т. п.. знакомились с коллекцией наиболее употребительных медикаментов и упражнялись в писании рецептов. В течение отчетного года кафедра обслуживала, соорганизовавшиеся при моем содействии 8-ми месячные курсы дзя подготовки квалифицированных фармацевтов: мной прони-

таны курс фармации, фармакогнозии и аналитической химии, на этих курсах, завед. которых я состоял, и в лаборатории курсантами проделана работа по качественному анализу.

Отчет кафедры зоологии.

1. Личный состав.

В 1922—23 акад. году личный состав кафедры зоологии состоял из а) преп. А. В. Федюшина; в) ассистента Е. М. Зубковича; с) препаратора Н. В. Добротворского; d) двух служителей при лаборатории.

2. Учебная деятельность.

1. Теоретическая часть. В истекшем году преп. А. В. Федюшиным были прочитаны следующие курсы: а) на медицинском ф-те: 1) Зоология общая, беспозвоночных и позвоночных—студентам 1-го курса в течение 1 и 2 семестров; 2) Зоология позвоночных—студентам 2-го курса в течение 1 семестра; в) на педагогическом ф-те. 1) Введение в изучении зоологии и сравнительной анатомии; 2) Курс зоологии беспозвоночных (1 и 2 сем.); 3) Цикл лекций по прикладной зоологии и коллекционированию животных для музея.

2. Практические занятия. Групповые практические занятия по зоологии со студентами медиц. и педагогич. ф-тов велись под общ. руководством преп. А. В. Федюшина как им лично, так и ассистентом Е. М. Зубковичем в течение 1 и 2 семестров в следующем об'еме: знакомство с микроскопом; рассматривание и записывание одноклеточных форм на готовых препаратах и изготовление препаратов из простейших животных (in vitra). Вскрытие и зарисовка представителей типов животных в 1 и 2 трим.

Со студентами педфака—тоже работы по микроскопированию и изучению представителей типов.

Кроме того с группой студентов, из'являвшей желание собирать материал для музея пройден курс препаровки животных и способов первоначального консервирования зоологич. об'ектов.

Всего в истекшем году в зоологической лаборатории работало свыше 500 студентов, из них успели в весеннюю зачетную сессию получить зачеты 449 человек.

3. Научная детельность.

В истекший год приготовлены и частью сданы в печать следующие работы: 1) «К биологии Tadorna rutila Pall» (сдана в ред. Акад. наук) 2) «К вопросу о фаунистическом исследовании Белоруссии» (сдана в редакцию Трудов Б. Г. У.) 3) «Сущность номогенеза». 4) Отчет о поездке на реку Птичь весной 1923 г.». 5) Карта географического распространения охотничьих птиц Белоруссии (сдана в «Высткомбел» для напечатания). Готовятся к печати: 6) «Материалы к орнитофауне Кольского полуострова». 7) Новые данные о географическом распространении некоторых видов птиц на Кольском полуострове». 8) «Отчет о поездке на Мурман летом 1923 года».

Доклады: В научн. О-ве при Б. Г. У. на тему: „Номогенез проф. Берга“.

4. Командировки с научн. целью.

В Петроград на Перв. Всеросс. С'езд зоологов, анат. и гистологов.

2) На реку Птичь весной—для изучения и сбора орнитофауны Белоруссии.

3) На Мурманскую биол. станцию для ознакомления с морской фауной и сбора коллекций для зоологич. кабинета Б. Г. У.

4) Кроме того асс. Зубкович в течение лета был в командировке в Петергофском научн. институте где занимался по гидробиологии и химич. анализу воды.

5. Поступления в зоол. кабинет к 1 сентября.

Препаратором Н. В. Добротворским изготовлено и мотировано новых экспонатов—88 штук. (в том числе скелеты, шкурки и спиртовые препараты) Привезено преп. А. В. Федюшиным с экскурсии на р. Птичь—113 шкурок птиц. Им же и студ. Добротворским с Мурмана общим числом до 1000 экз. животных всего около 200 видов, кроме того гнезда и яйца нек. видов птиц.

От студента мед. ф-та Гершуни получено: Echinorhinchusgigas—9 экз. Strongylus paradoxis—(кусок пораженного легкого свиньи) Cyst. tenuicollis; T. margivata—6 шт. Uterus (теленка).

„ „ Ивянского	„	финки Tarma solium и T. marginata 3 экз.
„ „ Киппеля	„	6 шкурок птиц.
„ „ Афонского	„	3 шкурки птиц.
„ „ Ясинского	„	11 шкурок птиц.
от него же	„	28 экз. рыб (в том числе salmo tario 2 екз.).
„ „ Сержанина	„	7 шкурок птиц живой экземпляр Cieonia nigra.
Преподав. А. Н. Федюшина	„	9 шкурок птиц и 1 шкурка Arvicola amphilios из Игуменского уезда.
Студ. И. В. Добротворского	„	15 шкурок птиц и 7 шкурок полевок.
от него же	„	материал по развитию жуков короедов из Черниговск. губ.

Поступление в библиотеку зоол. кабинета.

Приобретено покупкой книг—23 разн. названий
и журналы: „Русский Гидробиолог. журнал
„Труды Петр. О-ва естеств.“ за 1920 и 1921 г.
„Природа“—(1918, 1919, 1822 г. г.).
„Известия Гидрологического Института“
„Труды Олонецкой экспедиции“ ч. VI вып. 1.

Учебная и научная деятельность ассист. по кафедре зоологии Е. М. Зубковича.

Учебная деятельность. В течение 1-го и 2-го семестров вел практические занятия по зоологииа на 1-2 курсах медицинского факультета и 1-м курсе педагогич. факультета (естествен. отделения.) В каком об'еме велись практич. занятия,— указано в отчете преп. А. В. Федюшина.

Всего отработало у меня 460 студентов, в мае и июне месяцах совершил шесть экскурсий по окрестностям гор. Минска с группой студентов из'явивших желание принять участие в гидробиологических исследованиях, с целью ознакомить их с представителями местной пресноводной фауны и методами гидробиологических работ. Означенной группой студентов, во время моего пребывания в научной командировке, собран за лето научный материал по пресноводной фауне Минской губернии.

Преподавал на Рабочем факультете анатомию и систематику растений и животных.

Научная деятельность. Обработан в систематическом отношении зоопланктон некоторых водоемов окрестностей гор. Минска, собранный мною лично и группою студентов под моим руководством—с 1-го мая по 20-ое августа включительно. Готовится к печати: „Материалы по Ratotoria Минской губернии“.

23 июня с. г. был командирован для научной работы в Петергофский

Естественно-Научный Институт, где в лаборатории гидробиологии до 5 сентября с. г. работал по систематике пресноводного фито—и зоопланктона, а также на тему: „суточные колебания растворенного в воде прудов кислорода в связи с цветением фитопланктона“. Последняя научная работа может быть закончена лишь в следующем летнем сезоне.

Лаборатория неорганической химии.

Лаборатория неорганической химии вступила в отчетном году во второй год своего существования. Заведующим ее является проф. Б. М. Беркенгейм.

Лаборатория вынуждена была поделиться значительной частью своего имущества, реактивов и даже персонала, с вновь возникшими химическими лабораториями.

Благодаря ассистентуре и младшему персоналу лаборатории, кафедре удалось удовлетворительно справиться со своими заданиями, при чем нагрузка некоторых ассистентов и препаратора доходила до 10 часов в день добровольного квалифицированного труда.

Комбинируя из примитивных предметов обихода, технических и москательных химических товаров, а затем, и из имеющихся в лаборатории химически чистых реактивов, посуды и приборов, упражнения, задачи и опыты для практических занятий со студентами, удавалось иллюстрировать главнейшие вопросы теоретического курса и оживить усвоение теоретического материала. Вместе с тем теоретический курс совместными усилиями ассистента и препаратора, на всех без исключения лекциях сопровождался зачастую весьма сложными экспериментами, требовавшими долговременной подготовки.

Курс неорганической химии читался для медиков в течение всего года продолжительностью четыре часа в неделю и для естественников совместно с математиками в течение шести часов в неделю на протяжении всего года. Последнее совмещение пришлось, с некоторым ущербом для дела, допустить вследствие недостатка средств и перегруженности ассистентури. Два часа в неделю были посвящены химическому семинарию, на котором решались задачи по курсу, выяснялись теоретические вопросы и осуществлялось более тесное общение, самопроверка усвоенных знаний студентов между собою. Опыт показал весьма большое значение подобного семинарая и некоторое преимущество его перед лекционной системой для современной аудитории, каковое значение было подтверждено систематическим посещением этих занятий студентами медиками в значительном числе.

Личный состав лаборатории состоял из профессора, двух ассистентов и одного препаратора, каковаго персонала, как выяснилось в году, далеко не достаточно для обслуживания всех нужд университета по кафедре, тем более что помимо обязанностей по основному отделению университета, тот же персонал обслуживал и нужды Рабфака, на котором проф. Беркенгеймом читался курс неорганической химии.

Всего в течение года было прочитано 320 часовых лекций и семинарских занятий для естественников, медиков и математиков и 64 часа для студентов Рабфака. Кроме того, в университетской аудитории по предложению Правления несколько раз читались популярные лекции для приезжих экскурсантов, учителей, рабочих, крестьян, а также проф. Беркенгеймом и его сотрудниками были организованы лекции с демонстрациями и об'яснениями для рабочих, красноармейцев и военных курсантов на общие темы по естествознанию и противогазовому делу.

Кроме того проф. Беркенгеймом было прочитано 10 публичных лекций по вопросам общей химии и естествознания.

Практические занятия по общей химии велись под общим руководством проф. Б. М. Беркенгейма ассистентами Т. О. Цеттерман и Т. И. Беркенгейм. Всего было образовано 15 групп по 20 человек. При этом следует отметить, что кроме студентов естественников по настоянию студентов пришлось обра-

зовать группы для студентов физико-математического и медицинского факультетов. В настоящее время практические занятия по неорганической химии приняты, как обязательные и для студентов физ. мат. отд.

Всего состоялось в году 760 часов практических занятий, в течение которых излагались и иллюстрировались наиболее важные отделы теоретического курса. Посещаемость практических занятий следует признать весьма удовлетворительным.

Лаборатории удалось приобрести и частично установить измерительные электрические приборы, как вольтметр, амперметр, миллиамперметр, счетчик, реостаты и прочее, а в скором времени будет закончена совершенно установка электрической энергии, столь необходимой для научно-учебной работы.

Путем заказов в мастерских Наркомзема были приобретены предметы металлического оборудования лаборатории. Было изготовлено 50 жел. штативов с кольцами и муфтами, 10 штук разных держателей, медных зажимов и масса других мелких предметов. Был сконструирован по данному чертежу большой цинковый газометр.

Весьма многое в направлении оборудования лаборатории сделала в прошлом году „Ара". От нее было получено 70 отдельных номеров реактивов, из которых некоторые по своей чистоте представляют большую лабораторную ценность. Общее количество реактивов полученных от „Ара" больше 40 kilo. Не менее ценными по своей необходимости оказались и други предметы, полученные от „Ара", как например эмалированная посуда, заменявшая в лаборатории отсутствующую фарфоровую, полотенца, мыло, халаты и прочее, а также химико-технические и чашечные весы. Путем местных закупок приобретено 80 отдельных номеров разной химической посуды, как колбы, стаканы, банки материальные и проч., а также 20 номеров более ценного стекла, как делительные воронки, эксикаторы и другие приборы. Был приобретен мех для паяльного стола и большие демонстрационные весы.

Благодаря закупкам в Москве было приобретено 30 номеров стеклянных и фарфоровых приборов, как воронки Бюхнера, бюретки, градуированная посуда, прибор Сокслета и пр., а также 300 номеров более дешевой посуды как стаканы химич., колбы, воронки, реторты, склянки Вульфа и другие.

Главные неудобства, в которые поставлена лаборатория и которые пока что нельзя устранить, заключаются во-первых в отсутствии газа и во вторых в неприспособленности и тесноте помещений. Но кроме того, в предстоящем году приходится серьезно задуматься над вопросом о снабжении лаборатории предметами оборудования более ценного характера. До сего времени лаборатория, в сущности говоря, имеет весьма незначительное количество приборов. Вместе с тем в распоряжении лаборатории нет коллекции химических препаратов, покупка или изготовление которых требует больших средств.

Это оборудование, а также организацию лаборатории коллоидной химии при кафедре предстоит осуществить в наступающем году.

Кафедра аналитической химии.

Личный состав: проф. Ал. Серг. Усов, Ассистент Ал. Дм. Лобанович; препар. Анна Конст. Телешова. Кроме того в работе принимали участие ассистенты: В. О. Вершук, Т. О. Цетерман, Т. И. Беркенгейм.

Учебная работа.

К началу 1922—23 академического года лаборатория не была оборудована, поэтому занятия со студентами в первом триместре были начаты в лаборатории неорганич. химии. Занятия велись по группам в 40 чел. (Утром от 10—2 одна группа и вечером от 5—7 другая группа) Утренней группой руководили ассистенты: Т. О. Цетерман и Т. И. Беркенгейм, а вечерней

В. О. Вершук. Во время новогодних каникул удалось наладить собственную лабораторию на 40 рабочих мест. Со 2-го триместра лаборатория начала функционировать. Отпущенные на лабораторию средства почти целиком были истрачены на покупку в Москве необходимых реактивов, химической посуды и необходимейших лабораторных принадлежностей. В результате общих усилий персонала лаборатории явилась возможность с февраля развернуть занятия в таких размерах, чтобы дать возможность без задержки отработать аналитику всем студентам-медикам II курса. С этой целью были организованы 3 группы студентов по 57 челов., кот. посменно и занимались в лаборатории целый день от 9 ч. утра до 9 ч. веч. под общим руководством проф. Усова и ближайшим руководством ассистентов: В. О. Вершук—утром, Т. О. Цетерман—днем, А. Д. Лобанович—вечером.

П р о г р а м м а з а н я т и й б ы л а с л е д у ю щ а я.

1. Изучение частных реакций на I и II группу.
2. Сдача коллоквиума ассистенту.
3. Задача № 1—на II группу.
4. Задача № 2—на I и II группы.
5. Изучение частных реакций на III гр.
6. Сдача коллоквиума ассистенту.
7. Задача № 3 на III группу.
8. Задача № 4 на 1, 2 и 3 группы.
9. Изучение частных реакций на IV и V груп.
10. Сдача коллоквиума ассистенту.
11. Задача № 5 на IV и V груп.
12. Задача № 6 на 1, 2, 3, 4 и 5 группу.
13. Изучение частных реакций на кислоты.
14. Сдача коллоквиума ассистенту.
15. Задача № 7 на кислоты.
16. Задача зачетная дается профессором.
17. Сдача зачетного коллоквиума профессору.

За отчетный академический год в лаборатории работало 288 студентов II курса медиц. факультета, из коих зачет получили 232 человека.

С начала летних каникул было приступлено к более рациональному оборудованию и расширению аналитической лаборатории, чтобы с будущего 1923—24 акад. года дать возможность заниматься студентам Педагогического факультета. Отремонтировано помещение под материальную и препараторскую комнаты, сделано 22 трехместных химических стола, три вытяжных шкафа, приобретен и установлен перегонный аппарат, могущий давать до 30 ведер дистилл. воды в сутки. К началу учебного года, вероятно, будет закончено полное оборудование водопроводом и электричеством зала для занятий, сероводородные комнаты, а в течении I триместра и моечной. Кроме того с Внешторгом Белоруссии велись переговоры об оборудовании при его содействии количественной аналитической лаборатории. Если переговоры эти приведут к благоприятным результатам, то к III триместру 1923—24 академ. года, качественная и количест. лаборатор. аналит. химии будут оборудованы в достаточной степени.

Кафедра биологической химии.

Кафедра биологической химии в отчетном 1922—23 учебном году находилось во временном заведывании проф. А. П. Бестужева. В весеннем полугодии велось преподавание обязательного курса биологической химии для студентов II курса (4 часа в неделю). На теоретических лекциях было изложено химия клетки и химия крови; вторую-же половину курса: химию тканей, кожи, молока, желез с внутренней секрецией, пищеварения и мочи пришлось перенести, вследствие позднего начала занятий по органической

химии, на III-й курс. Теоретическое изложение сопровождалось опытами и показательными реакциями, которыми выяснялись свойства изучаемых соединений. На обязательных практических занятиях под наблюдением 2-х ассистентов, студенты сами проделывали главнейшие опыты и реакции; прошли качественный и количественный анализы некоторых нормальных и патологических составных частей мочи. Были образованы утренняя и вечерняя группы по 40 человек в каждой группе. Каждая группа вела занятия по 4 часа ежедневно в течение 2-х недель. По окончании занятий студенты должны были для получения зачета практических работ сдать colloquium.

Оборудование лаборатории состояло в приобретении разных приборов научных пособий, реактивов, химической посуды и мебели, необходимых для научных исследований и занятий со студентами. Ценный дар реактивами был сделан „Ара“ Лаборатория помещалась всего в 2-х комнатах, почему представлялось на будущее время существенно необходимым устранить тесноту в помещении. Ощущался также недостаток в некоторых приборах и материалах. Кроме заведывающего, при кафедре биологической химии состоят ассистенты д-ра Н. С. Шамардин и Л. Е. Таранович, которые приготовили к печати руководство по общебиологическим исследованиям. Кроме того д-ром Л. Е. Тарановичем ведется самостоятельное исследование по изменению обмена веществ при мозговом утомлении.

Ассистент при клинике диагностики Б.Г.У. д-р Х. И. Моносзон занимался в лаборатории биологической химии по вопросу о методах определения желчных кислот (таурохолевой и гликохолевой).

Кафедра органической химии.

Личный состав: проф. Ал. Серг. Усов, Ассистент: Вас. Осип. Вершук, Препаратор: Тат. Мих. Корнилова.

Учебная и научная работа.

Организация преподавания органической химии начата была лишь с осени 1922 года, когда на это были отпущены небольшие средства. Предполагалось на первый год ввести преподавание органической химии лишь на медицинском факультете, ограничиваясь чтением лекций по теоретическому курсу без практических занятий. Поэтому, все средства были употреблены на организацию лекционного преподавания с соответствующими демонстрациями и на устройство небольшой лаборатории для работ персонала при кафедре. Под лабораторию была занята одна комната, сделаны три химических стола, два шкапа для посуды и приборов и один небольшой шкап для реактивов; кроме того было приобретено небольшое количество измерительной посуды и простой посуды для работы. Курс органической химии для медиков был прочитан в отчетном году полностью и лекции сопровождались демонстрациями. Персонал был занят главным образом препаративными работами для обслуживания лекций препаратами. Кроме того, были предприняты за отчетный год шаги к постановке научных исследований силами наличного персонала. Начаты следующие научные работы:

1) Исследование некоторых свойств неводных растворов.
2) К вопросу об электролитическом окислении моносубститутов бензола.
3 Исследование действия на белки кожи некоторых искусственных органических дубителей.

Кафедра физики.

Заведующий—профессор Е. Е. Сиротин. Ассистенты преподаватели— Е. В. Снятков по Медицинскому Факультету, Е. К. Успенский—по Педагогическому. Препаратор—Г. Г. Маслаковец.

Прочитаны курсы по общей физике: для Медицинского факультета— весь курс по 6 час. в неделю в течение всего года; для Педагогического—

первая половина курса (механика, молекулярная физика, теплота) по 4 часа в неделю весь год; для Экономического Отделения Фак. Общ. Наук—молекулярная физика, теплота—по 2 часа в неделю в течение 2-го полугодия.

Практические занятия для студентов Медицинского и Педагогического Факультетов были организованы со 2-го триместра в размере 20 задач по механическому отделу и молекулярной физике с обязательным minimum'ом для зачета в 10—12 задач. Остальные части практикума студенты пройдут в 1923/24 уч. году. Число прошедших через практикум студентов около 350 человек.

Научные исследования не могли производиться в полной мере из за отсутствия в физическом кабинете измерительных приборов. Сотрудник-препаратор Г. Г. Маслаковец приступил к изучению методов рентгенографического исследования кристаллов, для чего налажена трубка Coolidge'а в Рентгеновском кабинете клиник Университета. Е. Е. Сиротин сконструировал часть приборов для изучения некоторых вопросов возбуждения теплом поверхностного натяжения и газового состояния; также продолжаются им теоретические исследования частных случаев диффузии под действием разности температур и некоторых свойств разреженных газов.

Напечатано за истекший год: Е. Е. Сиротиным.

1) «Интегрирование уравнения Riccati $y^1+y^2+\frac{a}{x}=0$ при помощи рядов», Труды Бел. Гос. Универ. Вып. 4—5; 2) «К математической теории адаптации глаза», Запис. Белор. Гос. Инстит. Сельс. Хозяйс. Вып. 1;

Е. К. Успенским напечатано: „Успехи физики за последние годы", Вестн. Нар. Ком. Просвещ. С.С.Р.Б. Вып. 11/12.

Членами кафедры, при содействии заинтересованных местных представителей науки и педагогики, организована Физико-Математическая Секция Научного Общества при Бел. Гос. Унив., где ими сделан ряд докладов.

Е. К. Успенским прочитан ряд лекций в различных пролетарских, просветительных и педагогических организациях.

Сведения о состоянии имущества кабинета физики.

Наименование.	Имелось на сентябрь 1922 г.	Приобр. за 1922/23 г.	Имеется на сентябрь 1923 г.
Приборов:			
по механике	27 номеров	28	55
» жидк. и газам . . .	43 »	22	65
» теплоте	21 »	18	39
» электричеству . . .	55 »	19	74
» свету	21 »	19	40
» звуку	5 »	—	5
» мебели и вспом. присп.	19 »	69	88
Итого. . . .	191 »	175	366 ном.

Наименование.	Имелось на сентябрь 1922 г.	Приобр. за 1922/23 г.	Имеется на сентябрь 1923 г.
Материалов:			
Химическ. препар. . .	Не имелось.	6 назв.	6 назв.
Химич. посуды		7 назв.=80 шт.	7 назв.=80 шт.
Проч. лабор. матер. . .		10 назв.	10 назв.
Итого. . . .	—	23 назв.	23 назв.

Книг в лаборатор. библиотеке:

Наименование.	Имелось на сентябрь 1922 г.				Приобр. за 1922/23 г.				Имеется на сентябрь 1923 г.			
	Русских.		Немецк.		Русских.		Немецк.		Русских.		Немецк.	
	Назван.	Томов.	Назван.	Томов.	Назван.	Томов.	Назван.	Томов.	Назван.	Томов.	Назван	Томов.
Учебных руковод. . . .	Не имелось.				4	4	4	11	4	4	4	11
Журналов					2	3	1	3	2	3	1	3
Специал. моногр. . . .					5	5	3	4	5	5	3	4
Итого. . . .									11	12	8	18

Ассистент Е. К. Успенский. Вел практические занятия по физике на Педфаке (140 человек, каждый студент должен был выполнить 12 работ по физике в лаборатории), читал на утр. Рабфаке физику, механику и физическую географию, написал статью «Успехи физики за последнее десятилетие»—«Вестник Н.К.П. С.С.Р.Б. октябрь—ноябрь 1922 г., вел естествознание в вечерней партийной школе, прочел ряд публичных лекций и докладов научно-популярного характера на Рабфаке, в клубах, союзах и партийных и военных организациях («Электрофикация Р.С.Ф.С.Р.,» «Магнитная Курская аномалия», «Теория относительности», «История земли», «Происхожд. жизни», «Происхождение земли», „Солнце“ и т. д.

Ботаника.

В течение 1922/23 учебного года, вследствие отсутствия профессора ботаника Лепешкина, ботаника не читалась ни медикам, ни естественникам. Не производились и практические работы по ботанике. Для чтения лекций ассистент Ив. Попов был приглашен в марте месяце (1923 г.) и мог открыть чтение лекций только с 18-го марта, при 4 часах на медицинском факультете и при 4—на естественном отделении (еженедельных). Так как начало занятий по ботанике совпало с экзаменами и зачетами для студентов, то и посещение лекций студентами не отличалось исправностью. Тем не менее был прочитан как медикам, так и естественникам курс анатомии растений приблизительно в об'еме учебника по анатомии растений академика Палладана.

После весенних каникул можно было приступить к практическим работам по гистологии растений, так как только к этому времени можно бы-

-ло воспользоваться микроскопами, которыми пользовались студенты на практических занятиях по зоологии.

На отпущенные правлением денежные суммы, было приобретено 16 бритв Эрна для изготовления препаратов, покровные стекла, кисточки, плоскогубцы (для зажима семян при изготовлении из них микроскопических препаратов) и некоторые реактивы. Часть реактивов (межеленовая зелень, синь, хлористый цинк, глицерин, едкое кали, иодистый калий, азотная кислота, флороглюдин) была взята из лаборатории проф. Беркенгейма.

18 апреля были открыты практические занятия для студентов-естественников. Студенты были распределены на группы, по 18—20 человек в каждой группе, при чем каждый мог работать самостоятельно с микроскопом, изготовляя требуемые препараты.

Практические работы можно было начать только с 21 апреля; закончены они были 20 июня, т. е. продолжались 2 месяца и в течении этого времени работало 85 человек, при чем из них выполнили все работы только 43 человека, остальные 42 человека выполнили только часть работ.

Работы велись по руководству проф. ботаника Баннского Университета Страсбургера—„Краткий практический курс растительной гистологии для начинающих" и по руководству проф. С. И. Ростовцева „Начальный курс практических занятий по анатомии растений" издания 1923 г. Последнее руководство содержит только анатомию тканей двудольных и однодольных растений и не содержит материала для работ со слоевцовыми растениями, но более выгодно отличается от руководства Страсбургера тем, что содержит больше указаний по выбору тех или иных об'ектов для наблюдений.

Выполнены были следующие работы:

1) Клетка. Крахмал картофеля, пшеницы, фасоли и овса. Клеточки из чешуи луковицы обыкновенного лука. Волоски крапивы и пеларгонии. Хромопласты Рафиды. Друзы в клетках черешка Begonia Rex и в клетках чешуи луковиц Allium Cepa. Хлорофильные зерна. Протоплазма. Движение протоплазмы в волосках корневых Hydrocharis morsus ranaec и в клетках Elodaa canadensis. Плазмолиз. Клеточный сок. Алейроновые зерна в клетках гороха и семенах клещевины.

2) Ткани. Кожица с листа Ficus elastica, листа Agopantus, листа Caltha palastris. Лепестки Viola tricolor, сирени и др. Строение устьиц. Перидерма ивы, бузины, черной смородины. Бутылочная пробка. Корка липы. Колленхима (Slechoma hederacea). Склеренхимные волокна (льна, ваты).

3) Строение стебля, корня и листа. Строение стебля односеменодольных растений (Phleumpratemle). Строение стебля двусеменодольных растений: (Rononcalos acris, Chelidonium mojus). Строение стебля сосны: (Pinus silrestris) липы (Tilia coropaca). Строение корня. Строение листа. Мадерация клеток. Окрашивание крохмала, древесины, клетчатки. Изготовленные студентами препараты зарисовывались ими от руки в свои тетради.

В общем работы выполнялись удовлетворительно, а некоторыми и хорошо. Результаты практических работ резко сказались в том, что выполнившие их и сдававшие зачеты обнаружили ясное понимание строения растений: расположение тканей, ход сосудистых пучков, функции листа. Всех студентов, выполнивших практические работы и сдавших зачеты в мае месяце, было 24 человека; сдали зачеты, не окончив практических работ, 12 человек. На медицинском факультете сдали зачеты в мае и июне 10 человек. Практические работы на медицинском факультете за неимением свободного времени у студентов-медиков не могли быть организованы.

Кроме занятий в университете, где работа асс. И. Попова началась с марта месяца, в течении 1922-23 учебного года он принимал участие и в чтении лекций. Так, им была прочитана публичная лекция на тему о „произвольном самозарождении" в клубе Карла Маркса, две лекции на тему о „развитии органического мира" в клубе Профинтерна и три лекции о

„Строении земли, развитии органического мира и происхождении организмов“ в клубе работников просвещения.

В течение июля и июня месяца им по приглашению Отдела Нар. Образ., читались лекции по биологии и устраивались ботанические экскурсии на курсах для учителей Минского и друг. уездов. Асс. Ив. Поповым составлен согласно программе, присланной из Московского Главпрофобра, учебник по общей биологии. За неимением времени он не мог более популярно переработать рукопись и студенты Рабфака пользуются ею, перепечатав ее на машине пишущей, в количестве—10—15 экземпляров.

В течение каникул асс. И. Поповым был составлен морфологический и систематический гербарий, содержащий до 150 видов—местной флоры.

Белорусская Государственная и Университетская библиотека.

За истекший год книжный состав библиотеки, увеличившись на 35.000 томов, возрос до ста сорока тысяч томов.

Наиболее крупные поступления, пополнившие библиотеку следующие:

1) 1544 №№—комплект немецких медицинских журналов.

2) 3000 томов—коллекция медицинских диссертаций от Петроградского Правления Об-ва Охраны Здравоохранения.

3) 1664 тома—беллетристики на иностранных языках от Наркомпроса Белоруссии.

4) 204 тома—книг различного содержания от Минской Таможни.

5) 400 » » » » от Борисовского Уотнаробраза.

6) 1500 » „ „ „ от Минского Комитета К.С.М.

7) 360 „ „ „ „ от Белорусск. Центроархива.

8) 2000 „ „ „ „ от Мозырского Уотнаробраза.

9) 15000 томов книг различного содержания от Росс. Центр. Книжной Палаты.

10) 78 томов—Собрание старопечатных еврейских книг, напечатанных в первых еврейских типографиях в Белоруссии (куплено).

11) Приобретена часть библиотеки белорусского поэта Я. Купалы, значительно пополнившая Белорусский отдел рядом изданий по вопросам белоруссоведения.

12) Приобретена значительная часть библиотеки А. П. Сапунова, обогатившая Белорусский отдел собранием работ по Витебщине и Полоцку и первоклассной библиографической редкостью — 1-м изданием Статута Литовского.

13) Согласно постановления Ц.И.К.С.С.С.Р., библиотеке передано крупное собрание книг в 9000 томов, вывезенных во время войны из м. Мир и недавно обнаруженных в Москве, долженствующих значительно обогатить Еврейский отдел.

14) Приобретено ценное собрание педагогич. литературы. Правлением Б.Г.У. Библиотеке поручено приобрести юридическую библиотеку покойного проф. Случевского в 4000 томов.

Правление Б.Г.У., учитывая чрезвычайную важность получения иностранной литературы, без которой серьезная научная работа совершенно немыслима, ассигновало для этой цели 500 долларов, на каковые деньги часть заказанных в Германии книг уже получена.

Внутренняя работа библиотеки сводилась к регистрации и описанию текущих поступлений, окончанию алфавитного каталога и переходу к систематическому.

Общее число прошедших за год читателей достигает 3000.

Особого внимания заслуживает вновь организованный по инициативе и при прямой поддержке Ц.Б. К.П.Б. отдел марксизма и советского строи-

тельства, насчитывающий пока до 2000 т. т. по марксистской литературе и свыше 5000 т. т. по вопросам советского строительства.

Этот отдел, пока еще сравнительно небольшой, в будущем станет незаменимым книжным собранием для лиц, занимающихся научно-исследовательской работой во всех областях гуманитарных знаний.

За истекший год библиотека до того разрослась, что занимавшееся ею помещение, стало уже совершенно недостаточно.

В настоящее время библиотека получила рядом со старым помещением еще одно здание, дающее полную возможность развернуть библиотеку достаточно широко и поставить ее на должную высоту.

Беспрерывное пополнение библиотеки ценными книжными собраниями и горячая поддержка, которую она встречает у ряда советских организаций служит порукой в том, что она действительно станет подлинной лабораторией научной мысли для Белоруссии в целом и Б. Г. У. в частности.

Научное Общество при Бел. Гос. Университете.

За отчетный период при Обществе функционировали три секции: 1) Социально-Историческая, 2) Физико-Математическая, 3) Педагогическая.

Социально-Историческая Секция имела восемь открытых заседаний: 1) 4 ноября 1922 года доклад В. И. Пичета, «Карл Маркс и Севастопольская война»,—2) В ноябре доклад С. З. Каценбогена, «Проблема большевизма и Советского государства в Зап.—Европ. литературе». 3) 26 января доклад В. И. Пичета „Новая книга Виппера об Иоанне Грозном". В прениях выступали: Ивановский, Савич, Перцев. 4) 4 февраля доклады: С. Я. Вольфсона «Общественно-политическое миросозерцание Освальда Шпенглера» и И. Я. Герцыка «Взгляды Освальда Шпенглера на хозяйственное развитие Европы в новое время». В прениях выступали: Каценбоген, Пичета Ивановский, Герчиков, Залесский; 5) 11 февраля—доклад С. З. Каценбогена «Опыт социологического анализа этнографического романа Рене Марана «Батуала». Выступали в прениях: Боричевский, Вознесенский, Архипов, Герчиков, Вольфсон; 6) 11 марта—доклад А. А. Савича «Культурная борьба в Белоруссии в XVI в.». В прениях выступил В. И. Пичета. 7) Доклад И. Я. Герцыка и содоклад С. З. Каценбогена на тему «Ог. Бланки и его учение». 8) 20 мая—Доклады: С. Я. Вольфсона «Плеханов и его воззрения на искусство», С. З. Каценбогена—«Плеханов в борьбе с оппортунизмом» В. И. Пичета «Плеханов, как историк русской общественной мысли» и И. Я. Герцык «Плеханов и Социализм».

Физико-математическая Секция (председатель Е. Е. Сиротин, секретарь А. П. Круталевич) имела 2 открытых и 5 закрытых заседаний: 1) 18 февраля доклад Е. Е. Сиротина—Электрич. основы процессов возбуждения в живом организме»; 2) 25 февраля доклад Е. Е. Сиротина—«Основания теории перефирич. зрения»; 3) 11 марта—доклад В. К. Дыдырко—«Теория определителей проф. Кагана»; сообщение Е. Е. Сиротина о своей модели автоматич. ртутного насоса; 4) 18 марта—доклад А. П. Круталевича—«О мнимостях в геометрии»; 5) 25 марта—доклад К. М. Годыцкого-Цвирко—«О состоянии германской физ.-мат. литературы за последние годы»; 6) 22 апреля—доклад Домбровского—«Основания геометрии Гильберта» и сообщение В. Н. Ивановского—«О методологии математики»; 7) 29 апреля—заседание, посвященное 450-летию со дня рождения Н. Коперника—доклады: В. И. Пичета—«Историч. значение Н. Коперника», И. С. Пятосина «Биография Н.

Коперника и его теория», В. Н. Ивановского—«Космолого-философское миросозерцание Н. Коперника».

Педагогическая секция имела одно открытое заседание 25 февраля с докладами о психо-неврологическом с'езде в Москве И. М. Соловьева, Р. А. Розеноер—Вольфсон и Перебилло.

4 марта состоялось об'единенное заседание Совета Университета Научного Общества и О-ва Минских врачей, посвященное столетию рождения Луи Пастера, с докладами: проф. Розанова—«Учение о жизни и смерти Луи Пастера», д-ра Липманова—«Жизнь и труды Луи Пастера», д-ра Лунца—«Витамины и Гормоны», проф. Соколовского—«Госпитальная гангрена».

12 марта состоялось об'единенное заседание Совета Университета и Научного Общества, посвященное 6-й годовщине февральской революции, с докладами: Д. А. Жаринова—«Самодержавие по мемуарам Витте и Куропаткина», В. Н. Ивановского—«Воспоминания о революции 1905 г.», И. В. Герчикова—«Проблема войны и революции в марксизме», В. И. Пичета—«Действующие силы Февральской революции»

18 марта состоялось об'единенное заседание Совета Университета и Научного Общества при Б. Г. У., посвященное 52-й годовщине Парижской Коммуны, с докладами: В. Н. Перцева—«Социальные противоречия в коммуне», Н. Н. Щекатихина—«Густав Курбе,—художник эпохи коммуны»; В. И. Пичеты—«Коммуна и русское народничество 70-х годов». Вступительное и заключительное слово сказал В. И. Пичета.

К концу отчетного периода число членов О-ва достигло пятидесяти человек.

17 марта произошло общее собрание членов О-ва, на котором было перевыбрано Правление О-ва, в которое, в результате голосования вошли членами: И. И. Замотин, В. Н. Ивановский, Б. М. Беркенгейм, С. Я. Вольфсон, И. В. Герчиков; кандидатами: Е. Е. Сиротин, С. М. Мелких.

Научные командировки профессоров, преподавателей и ассистентов Б. Г. У.

В 1922—23 академическом году из профессоров для научной работы имели командировку за границу ректор Ун-та проф. В. И. Пичета и проф. Лепешкин по кафедре ботаники и физиологии растений.

Во время зимних каникул в научной командировке в Москве были проф. Беркенгейм, Ивановский, Сиротин, преп. Вознесенский, Пиотухович и ассистент Щекатихин. Командировку на Всероссийский с'езд психо-неврологов имели ассистенты Перебилло и Р. А. Розеноер-Вольфсон.

Научные командировки в Москву и Петроград имели проф. Савич, преп. Пятосин и преп. Дыдырко, ассистент Аквилонов и проф. Бестужев. Завед. кафедрой физиологии Л. П. Розанов имел командировку в Москву в институт экспериментальной медицины.

Научную экспедицию на Мурманское побережье Сев. Ледовитого океана с целью собрания видов флоры и морских животн. организмов совершил проф. по кафедре зоологии Федюшин.

Организация секции научных работников.

24 сентября состоялось собрание научных работников г. Минска.

После доклада делегата Всероссийского совещания научных работников проф. С. Я. Вольфсона, было избрано временное бюро секции Научных Работников при Белорусском Союзе Работников Просвещения. В состав секции вошли: от Университета—С. Я. Вольфсон, А. М. Евлахов и В. И. Пичета; от сельско—хоз. института—А. В. Щепотьев и от Инбелкульта—С. М. Некрашевич.

Деятельность студенческих организаций.

Организационный период об'единения студенчества завершился.

Профессиональный принцип, положенный в основу студенческих организаций, об'единяет всех студентов одного союза в единую профсекцию, поддерживающую постоянную органическую связь со своим губ'отделом. Таким образом, установлена тесная связь пролетарского студенчества с пролетарскими массами. Эти секции об'единяют всех студентов данного союза нашего ВУЗ'а независимо от факультетов. По факультетам же для ведения текущей работы данного факультета создаются межсоюзный орган «факком». Высший орган пролетарского студенчества Исполбюро составляется на конференции профкомов и факкомов. Последнее является проводником директив Исполбюро по профсекциям и факультетам. Через Исполбюро все пролетарское студенчество связано с Правлением университета и профессиональными и советскими органами. Факкомы же поддерживают постоянную связь с соответствующим деканатом и руководят работой всех студенческих органов данного факультета, как то академсекцией, комиссиями по введению платы, по установлению стипендий и различными кружками и т. д.

В Б. Г. У. зарегистрировано по профсекциям около 1200 студентов, исключая нового приема в 1922 года, который из состава вновь поступающих 1000 человек даст свыше 60 проц. членов союзов. Постепенно проц. студенчества организованного в профсекции увеличивается, ибо беднейшее крестьянство и трудовое студенчество втягивается в соответствующие союзы. Исполбюро имеет при себе следующие отделы: 1) организационно-академический, 2) экономический и 3) политико-просветительный. Первый поддерживает связь с правлением У-та, деканатами факультетов с одной стороны и губотделами союзов, Совпрофбелом и профсекциями с другой. Экономотдел сосредоточивает в своих руках экономические предприятия пролетарского студенчества нашего Университета, как то: общежития, столовые, мастерские, кассу взаимопомощи, трудовую артель и др. В организационном и академическом отношениях достигнуто за истекший год весьма много. Студенчество через своих представителей представлено в предметных комиссиях, деканатах и правлении У-та, К сожалению нельзя того же сказать о материальном положении студенчества.

Общежития помещают всего 300 человек при 1200 требованиях нуждающихся в нем. Столовые пропускают 900 студентов при нуждающихся 2300 на Госстипендии зачислено 750 при наличии чрезвычайно нуждающегося студенчества в количестве 1400 человек, зарегистрированного в кассе взаимопомощи; Мастерские (сапожная и портняжная и парикмахерская) ввиду отсутствия средств удовлетворяют лишь на 10 проц. Индивидуальная помощь оказывалась студенчеству в размере 40 проц. потребностей. До сих пор пролетарское студенчество не имело постоянных систематических источников дохода; то были случайные источники, как то лекции, альманахи, спектакли, вечера и членские взносы. Исполбюро поставило перед профессиональными и советскими органами Белоруссии и других губерний вопрос о создании материального фонда и об оказывании систематической помощи--субсидии.

Очередная 3-ая конференция профкомов и факкомов 13-го октября наметила широкий план политико просветительной работы в профсекциях, рабочих клубах и научных кружках и поставила вопрос о создании центрального студенческого клуба.

За истекший год студенчество принимало активное участие в политической и общественной жизни края, живо реагируя на все события, волновавшие пролетарскую общественность.

Особо необходимо отметить выдающуюся роль в жизни Б. Г. У. комячейки, являющейся душой всех организационных и общественных начинаний пролетарского студенчества.

В истекшем академическом году была проделана чрезвычайно большая работа по ремонту всех зданий Б. Г. У., по оборудованию кафедр, лабораторий, кабинетов, клиник.

Наглядное представление о движении сумм, отпущенных за весь истекший год дают следующие сведения.

СВЕДЕНИЯ
о приходе и расходе сумм Б. Г. У.
с 1-го октября 1922 г. по 1-е октября 1923 г.

Движение кредитов.

Классификация кредитов.	Ассигновано.	Израсходовано.	Остаток на 1-е октября 1923 г.
I. а) По Университету.			
1) Ассигновано центром:			
§ 1, ст. 3. Содерж. личн. состава	2.480.853,99	2,480,853,99	—
§ 6, ст. 1. Хозяйст.-операц. расх.	123,430	123,430	—
§ 6, ст. 2. Научно-учебн. часть	65,684,77	65.684,77	—
§ 8. — Топливо	112,319,95	112,319,95	—
§ 14, ст. 4. Содержание Месткома	6.529	6,529	—
§ 15, ст. 1. Стипен. студент. Унив.	402,845,52	402,84552	—
§ 18, ст. 3, Социальное страхов.	243,954,24	243,954,24	—
Итого . . .	3,435,617,47	3,435,617,47	—
2) Ассигновано ЦИК Бел.			
§ особо послед.. особ. фонда ЦИК Субсидия Университету . .	50,020,13	50,020,13	—
§ особо посл. НКФ (сч. рез. ф С.Н.К.) Хоз.-опер. расх. .	297,727,13	297,727,61	—
§ 6, ст. 1, (сч. резер. фон. .СН.К.) Хозяйств. расх.	27,000	27,000	—
§ 6, ст. 2, (сч. рез. фонда С.Н.К.) Учебн. часть	13,000	12,550	450
§ 16, ст. 3, местн. средств. Субсидия Университету	3,664,270	3,664,270	—
§ 17, Губ. зап. фонда местн. ср.	252,256,63	252.146,58	110,05
Итого	4,304,274,37	4,303,714,32	560,05
Итого по У-ту . . .	7,739,891,84	7,739,331,79	560,05

Классификация кредитов.	Ассигновано.	Израсходовано.	Остаток на 1-е ноября 1923 г.
б) По Рабфаку.			
1) Ассигновано Центром.			
§ 1, ст. 3. Содержан. личн. сост.	939,016,84	939,016,84	—
§ 6, ст. 1. Хозяйст. операц. расх.	59,941	59,941	—
§ 6, ст. 2. Научно-учебн. часть	37,541	37,541	—
§ 8, — Топливо	51,794,20	51,794,20	—
§ 12, ст. 2. Капитал. рем. зданий	87,875	87,875	—
§ 14, ст. 4. Содержание Месткома	2,491	2,491	—
§ 15, ст. 1. Стипен. студен. Р.Ф.	461,420	461,420	—
§ 15, ст. 3. Вещевое довольствие	211,170	211,170	—
§ 18 ст. 3. Отчисление на страх. раб. просв.	95,833,06	95,833,06	—
Итого	1,947,082,10	1,947,082,10	—
2) Ассигновано ЦИК Бел.			
§ 6, ст. 1. (сч. зап. фонда СНК) Хозяйст.-операц. расходы .	15,000	15,000	—
§ 6, ст. 2. (сч. зап. фонда СНК) Научно-учебн. часть . .	7,000	7,000	—
Итого	22,000	22,000	—
Итого по Р. Ф. . . .	1,969,082,10	1,969,082,10	—
§ особо посл. Н.К.Проса Содерж. личн. состава	16,512	16,512	—
	9.725.485,94	9.724,925,89	560,05

Классификация кредитов.	Ассигновано.	Израсходовано.	Остаток на 1-е октября 1923 г.
II. Разные поступления.			
1. Сбор платы за учение:			
по Фону . .	94.456,40	67.442,80	27.013,60
„ Педфаку . .	89.925,20	58.094	31.831,20
„ Медфаку . .	203.059,48	26.126,14	176.933,34
„ Библиотеке .	96.860,27	52.235	44.625,27
Итого .	484.301,35	203.897,94	280.403,41
2. Удержано со студентов Р. Ф. за пользование общежитием на нужды общежития . .	20.434	13.884,84	6.549,16
3. Субсидия Мингорисполкома:			
а) на мебель для клиники .	911,50	800	111,50
б) на ремонт дома № 5 .	1.530,90	1.474,85	56,05
в) ежемесячная субсидия .	83.800	83.397,98	402,02
г) субсидия студ. университ. .	7.720,20	7.720,20	—
д) стипенд. студ. общежит. .	1.500	1.500	—
	95.462,60	94.893,03	569.57
4. Квартирная плата с жильцов:			
дома № 2 . .	3.498,20	2.238,20	1.260
дома № 3 . .	2.817,26	1.809,26	1.008
дома № 4 . .	5.411,79	1.370	4.041,79
дома № 5 . .	14.286,52	13.339,92	946,60
	26.013,77	18.757,38	7.256,39
5. Сбор со студентов за свидетельства	1.299	870,35	428,65
6. Проценты по текущему счету № 121	808,60	—	808,60
7. Доходы от эксплоатации акт. зала	20	—	20

Классификация кредитов.	Ассигновано.	Израсходовано.	Остаток на 1-е января 1923 г.
8. Отпущено ЦИК на библиотеку и издательство . . .	6.270	6.260	10
9. Субсидия ЦИК (из местн. ср по § 14) на оборудование .	14.660	14.648,91	11,09
10. Субсидия ЦИК на оборудование и ремонт столовой Р. Ф.	330.000	330.000	—
11. Субсидия Мингорисполкома на хозяйственно-операционные расходы . . .	3.253.770	3.253.770	—
ВСЕГО .	13.958.525,25	13.661.908,34	296.616,92
На текущем счете в Гос. Банке	—	—	96.000
В кассе университета .	—	—	200.616,92
Итого .	—	—	296.616,92

Перечень расходов

с 1-го октября 1922 г. по 1-ое октября 1923 г.

I) Содержание личного состава.

Профессоров и преподавателей	2,602,030,52
Административно-технического персонала . .	1,634,127,30
Стипендии студентам	864.265.52
Итого .	5,100,423,73

II) По хозяйственной части;

а) Канцелярские расходы;

Бумага, книги и проч.	35.200
Канцелярские материалы	8.600
Канцелярские принадлежности	18.500
Почтовые расходы: печать, об'явлен. и пр. . .	45.700
Итого . .	108.000

б) Хозяйственные расходы:

1) Содерж. внутрен. помещ. в чистоте	8.650
2) Содержание зданий, дворов и пр.	9.560
3) Очистка мостовых, ям, сточных колодцев и свозка мусора	19.600
4) Скидка и свозка снега	3.377
5) Покупка и ремонт мебели	763.208
6) Покупка и ремонт хозяйственного инвентаря	395.300
7) Подвозка и перевозка	55.200
8) Погрузка и переноска книг	31.182
9) Устройство и ремонт электричества	96.739
10) Очистка дымовых труб	2.890,50
11) Освещение	104.903
12) Водоснабжение	73.367
Итого	1.563.976,50

в) Топливо с перевозкой и пр.

1) Дрова	96.801
2) Торф	30.430
Итого	127.231

г) Ремонт.

1) Зданий	894.226
2) Отопления	358.277,50
3) Водопроводов и канализации	258.604,40
Итого	1.511.107,90

д) Материалы:

1) Железный и скобяной	875,789
2) Лесной	581.954
3) Москательный	540.769
4) Стекольный	292.440
5) Строительный	516.183
6) Разные приборы, материалы	422.702
7) Проезды по казенным надобностям	245.473.80
Итого	3.495.314,80

Итого по хозяйств. части 6.805.630,20

III. По учебной части.

1) Приборы и инструменты	139.734
2) Учебные пособия	1.671
3) Книги и журналы	19.890,39
4) Химические реактивы и медикаменты	57.690,78
5) Животные для опытов	5.042,76
6) Лабораторная посуда	62.439
7) Медицинские принадлежности	9.764,22
8) Перевязочные материалы	9.764,22
9) Таблицы	3.138
10) Расходы по составлению учебн. пособий	167,25
11) Издательство	15.228
12) Редакторство «Трудов»	900
13) Расходы по приведению в порядок кабинетов и лабораторий	46,50
14) Оборудование лабораторий и кабинетов лабораторной мебелью	529.610,35
Итого по учебной части	845.322,25
ВСЕГО	12.751.376,18
По счету авансов	910.532,16
ВСЕГО	13.661.908,34

ПРИМЕЧАНИЕ: Перечень расходов показан по неокончательно обревизованным данным.

Заканчивая обзор деятельности Белорусского Государственного Университета за истекший 1921—1922 г. академический год, считаю необходимым отметить тяжелую потерю, которую понес Университет в лице безвременно трагически погибшего проф. по кафедре гражданского и земельного права Маркова.

Подводя итоги работе, содеянной Белорусским Государственным Университетом за второй год его существования, мы выскажем всеобщую уверенность всех почтивших наш торжественный годичный акт в том, что наша Alma Mater, являясь показателем изумительных творческих сил, таящихся в раскрепощенном народе, при могучей поддержке его будет процветать и станет культурной гордостью Советской Федерации на ее рубежах с Западной Европой.

Пусть же эта уверенность окрылит всех научных работников и студенчество Б.Г.У. твердой верой в конечное торжество начатого нами два года тому назад большого культурного дела, на благо трудящихся масс Советской Белоруссии.

С. З. КАЦЕНБОГЕН.

Спорные вопросы генеономии.*)

Настоящее несет на себе бремя прошлого и чревато будущим.

Лейбниц.

Современная социология несомненно переживает тяжелый кризис. Несмотря на столетний период ее существования социологи до сих пор затрудняются точно определить содержание, задачи, методы и отношение к другим сопредельным дисциплинам своей науки. Множество борющихся внутри социологии направлений обрекают ее весьма часто на бесконечные и бесплодные метафизические рассуждения, ни на шаг не подвигая ее к осуществлению основной ее задачи, намеченной еще О. Контом—к установлению законов исторического процесса. Это и заставляет такого крупного ученого, как Ш. Летурно сокрушенно жаловаться на то „что у нас есть название, но нет обозначаемого им предмета"... Те же мотивы лежат в основе скептического утверждения франко-русского социолога Е. де-Роберти о том, что „социология не есть еще наука вполне установившаяся, наука, которая бы преследовала определенные цели определенными же средствами".

Между тем внутренним недугом, раз'едающим современную социологию, является чрезвычайное ее пристрастие к отвлеченным дедукциям и метафизической схоластике.

В течение долгого времени господствовавшая психологическая школа, занимаясь социологическим вербализмом, не сумела создать для своей науки об'ективных научных методов исследования и вызвала заслуженные обвинения такого рода социологии в „болтологии". Характерной особенностью психологического направления является изучение им, в конечном, итоге социальных феноменов с точки зрения законов индивидуальной психологии. Вместо изучения взаимоотношений и борьбы социальных групп, вместо изучения причин правильной повторяемости в истории народов определенных социальных явлений, вместо того, чтобы служить верным методом научного исследования для всех гуманитарных дисциплин, психологическая школа, оседлав фактор „психического взаимодействия", беспомощно топчется, по меткому выражению ее же собственного приверженца П. Сорокина, „в передней социологии".

Неудивительно, что представители этого до недавнего времени господствовавшего направления, не находя лучшего об'яснения причин сходства социальной эволюции народов, ссылаются на «неизменную духовную природу человека», на духовное generatio aequiwoca („самозарождение"). К кругу тех же идей принадлежит и теория крупнейшего этнолога Адольфа Бастиана об „элементарной общечеловеческой мысли", определяющей сходство в культурной эволюции народов и „народной мысли", обусловливающей специфические культурные особенности того или иного народа. Против бесплодной тенден-

*) Актовая речь, произнесенная на торжественном собрании Государственного Белорусского Университета 30 октября 1925 г.

ции свести изучение жизни социальных групп к психологическим экспериментам решительно восстает L. Lewy—Brühl, автор интереснейшей и имеющей огромное значение для социологии работы «Das Denken der Naturvölker». Основным моментом, который по мнению Леви—Брюля, должна усвоить себе современная социология, является положение о том, что социальная жизнь подвержена своим собственным, sui generis, законам. Они смогут быть открыты лишь путем изучения коллективов, но не индивидуумов. Представление о неизменном индивидуальном человеческом духе столь же химерично, как и мысль о дообщественном человеке *). И тем не менее в современной социологии, начинающей сознавать печальные последствия своего недуга, намечается кризис.

Вместо абстрактного изучения человека „вообще" наступила пора собирания фактического материала, всестороннего изучения каждой стороны общественной жизни, с целью установления законов, управляющих ею.

Индуктивный, сравнительно-исторический метод, сделавший блестящие достижения в изучении различных сторон социальной жизни, вытесняет априорные дедукции.

Несомненно исключительное значение в излечении современной социологии от ее недугов сыграет расцвет исторических, археологических и этнографических знаний.

То, чего не могут понять представители психологической школы, прекрасно понимает современный археолог, кладущий в основу изучения длиннейшего доисторического периода эволюцию орудий труда (Мортилье. Проф. Городцов). Длинная плеяда современной эволюционной этнологии один за другим разрушает фетиши, воздвигнутые идеалистической мыслью, обнаруживая в жизни и эволюции общественных институтов отсталых народов, материальные корни.

Материалистический метод незримо проникает в многочисленные этнографические исследования, рассеивая идеалистический туман и приводя к блестящим результатам.

Судьба современной социологии совершенно ясна. Те из ее направлений, которые останутся в стороне от эмпирического изучения общественной жизни, неизбежно отомрут, очистив место для научной марксистской социологии.

Современная этнография, изучая быт отдельных народов или же отдельные стороны этого быта, не должна, однако, забывать того, что собираемый ею материал есть основа для социологических обобщений.

Всякая попытка ограничения этнографии простым описанием исследуемых ею явлений для социологии в значительной степени бесплодна. Изучение отдельных социальных институтов у разных народов, с помощью сравнительного метода, должно преследовать цель установления типичности, закономерности в эволюции этих институтов. Поэтому неоснователен скептицизм Ш. Летурно, утверждающего, что „теперь возможны лишь социологические наброски" и что „было бы разумно ограничить предмет их, посвящая каждый из них рассмотрению отдельной стороны общественной жизни". „Общественная наука, утверждает Ш. Летурно, еще в детстве: установить законы свыше ее сил".

В словах Ш. Летурно чувствуется влияние старой мысли о разделении наук на науки о природе и науки о духе („Naturwissenschaften" и „Geisteswissenschaften"), и сомнение в возможность построения последней своих собственных законов.

В общей социологии завоевывает себе все более солидное место генетическая социология, теснейшим образом связанная с достижениями истории, археологии и этнографии.

---

*) L. Lewy—Brühl «Das Denken der Naturvölker». Wien und Leipzig 1921 S. 10,11.

Генеономия—основной отдел генетической социологии, „есть совокупность всех социологических явлений, которые непосредственно или косвенно соприкасаются с производством людей".*)

Генеономия—термин, впервые введенный Геккелем, но заслуга построения и обоснования этой науки всецело принадлежит оригинальному и талантливому германскому социологу, находящемуся под двойным влиянием позитивизма О. Конта и марксизма,—Ф. Мюллеру Лиэру.

Главными проблемами генеономии являются те, кои связаны с вопросом о происхождении брака и семьи.

Современная социология, говорили мы, раздирается изнутри множеством борющихся в ней направлений. И в области генетической социологии по самым основным вопросам идет горячий спор и нет единого взгляда на вопросы о происхождении брака, семьи, собственности, религии, морали, искусства. Общие социологические воззрения, признание того или иного фактора определяющим исторический процесс, решительно влияют и на построение теорий о происхождении общественных институтов.

Но и внутри определенных социологических направлений тем не менее также нельзя констатировать единодушия по вопросам социальной генетики.

Это обстоятельство, в значительной степени, об'ясняется самой природой изучаемых вопросов.

Генетическая социология пытается приподнять завесу над доисторическим прошлым человека, где находятся истоки общественной жизни.

К ее услугам—застывшие пласты геологических пород, немые орудия труда, ископаемые остатки первобытного человека и животных—мертвые, но драгоценные осколки доистории, любовно раскапываемые археологией.

К ее услугам—отсталые, полукультурные народы с их загадочной, таинственной, непонятной для нас жизнью, внимательно изучаемой эволюционной этнологией.

К ее услугам рассказы летописцев и историков о жизни древнейших народов, данные мифологии и сравнительного языковедения.

И, наконец, к ней на помощь приходит и зоосоциология, насчитывающая ряд капитальных исследований Ч. Дарвина, Брема, Эспинаса, Сутерланда и др., знакомящая нас с миром наиболее близких к человеку приматов.

И тем не менее генетической социологии чрезвычайно трудно делать точно проверенные обобщения и устанавливать законы.

Данные геологии, палеонтологии, антропологии, археологии знакомят нас лишь с материальным и физическим миром доисторического человека.

Но они бессильны вскрыть тайну социальной и духовной жизни доисторического человека.

Этнография же не ставит нас лицом к лицу ни с одним народом, который можно было бы назвать вполне первобытным.

История не оставила нам ни одного народа с палеолетической техникой, и даже такие отсталые народы, как австралийские негры, бушмены, ведды, южно-африканские пигмеи стоят на сравнительно высокой ступени культуры, на рубеже палео и неолита.

Нужно, следовательно, умелое пользование сравнительным методом (ценные указания даны Коллером), правильное сопоставление археологических с этнографическими данными и умение, наконец, отрешиться от того, чтобы смотреть на первобытный мир сквозь культурные очки (Kulturbrille).

По мере накопления этнографического материала, охватывающего постепенно все уголки земного шара, кольцо неведения становится все меньше, делать обобщения становится легче, строить законы развития социальных институтов вполне возможно и необходимо.

За те несколько десятков лет, в течение которых развивалась эволюционная этнография, народилась колоссальная литература по генеономии.

---

*) Ф. Мюллер-Лиэр «Фазы любви». Изд. Дауге. Москва. Стр. 12.

И несмотря на то, что основные вопросы генеономии для многих социологов еще остаются спорными, тем не менее несомненны значительные достижения в этой области.

Некоторые исследователи, или теряющиеся в хаосе огромного материала, или по ряду причин боящиеся намечения закономерностей, пытаются и в эволюции брака и семьи обнаружить идиографические особенности, не поддающиеся закономерному истолкованию.

Свойственный многим консерватизм особенно силен в изучении такой щепетильной и тесно связанной со всеми сторонами социальной жизни проблемы, какой является учение о происхождении брака и семьи.

Мысль о том, что основные институты современного социального уклада—брак, семья, религия, собственность, государство, мораль—не вечны, что это категории исторические, подверженные постоянной эволюции—эта мысль не может разделяться теми, кому дорого сохранение этих устоев.

Чрезвычайно характерно оживление в современной германской клерикальной этнографии, которая об'явила решительный поход против эволюционной этнографии, усматривая в ней крушение теологического престижа, заветов Томы Аквинского, до сих пор еще составляющих символ веры католицизма.

Оспаривая эволюционную этнографию, идеологи клерикальной школы—патер В. Шмидт, редактор католико-этнологического журнала „Anthropos“ и В. Копперс, проф. Духовной Академии в Вене—выдвигают оригинальную и любопытную т е о р и ю в ы р о ж д е н и я (Ethnologische Degenerationstheorie). Теория эта считает современные наиболее отсталые народы выродившимися, а потому не могущими служить основанием для каких-либо обобщений. Эта удобная теория дает легкую возможность все те народы, у которых установлены институты, противоречащие средневековой церковной социологии, отнести к числу выродившихся.

Ввиду чересчур явной несостоятельности «дегенеративной» теории, клерикальная этнография выдвинула новую теорию, защищаемую руководителями этнографического музея в Кельне D-r. W. Foy u D-r. Fr. Gräbner и директором этнографического отдела Берлинского музея Dr. B. Ankermann'ом—так называемую „т е о р и ю к у л ь т у р н ы х к р у г о в“ или „т и п о в“ (Ethnologische Kulturkreislehre).

Эта теория отрицает закономерность исторического процесса, утверждая, что существуют самостоятельные независимые культурные типы с только им присущими формами семьи и других общественных институтов.

В этой теории видно с одной стороны влияние идеи о „народной мысли“. А. Бастиана, с другой влияние воззрений Риккерта.

Теория эта оказала несомненные услуги клерикальной социологии. Институты, противоречащие воззрениям церкви, были об'явлены исключением, культурными особенностями данного типа („Kulturkreisliche Eigenarten“), которые для общей эволюции значения не имеют.

Характерно, что клерикальная школа, популяризируя широко свои воззрения в католических ежемесячных и еженедельных изданиях, свой поход против эволюционной этнографии связывает с походом против социализма и марксизма.

Было бы неправильно поэтому недооценивать влияния клерикальной этнографии.

Значительная часть германской этнографической литературы находится под несомненным влиянием этого направления. H. Fhelinger в компилятивной книжке о половой жизни у диких народов безапелляционно утверждает, что положение о параллельной эволюции культур у разных народов совершенно несостоятельно, хотя психические особенности людей и одинаковы [1].

[1] H. Fhelinger „Das Geschlechtsleben der Naturvölker“ Leipzig 1921 „Die Einzelkulturen, die Produkte differenzierter geistiger Veranlagung, mehr und mehr voneinander verschieden wurden“. S. 40.

Тоже собственно утверждал и Э. Гроссе, говоря, что „человечество движется отнюдь не по одной лишь линии и в одном только направлении, но как разнообразны условия жизни народов, точно так же различны и их пути и их цели“ [1]). Поэтому Э. Гроссе скромно заявляет, что не решается констатировать „новую историю развития семьи“. Изучение доистории вообще, генезиса брака и семьи в особенности, требует прежде всего умения отрешиться от предвзятых точек зрения. Неумение об‘ективно-научно изучать некультурные народности, ознакомление с ними сквозь „культурные очки“, доставшись в наследство от миссионеров, первых исследователей неизвестного мира, вызывает справедливые нарекания лучших этнологов и социологов.

Эту своеобразную болезнь современного исследователя Ф. Мюллер-Лиэр назвал „ниноскопией“. На эту особенность, как на значительнейшую из причин тех разноречий, которые царят по вопросу о первобытном обществе указывает и Г. Кунов [2]). L. Lewy—Brühl предупреждает, что большинство сообщений путешественников имеют незначительную ценность. Он приводит слова майора Powell‘а о том, что „путешественники также мало могут нарисовать учреждения племен и групп, как не могли бы дать описания флоры какой-либо страны, фауны какой-либо области или геологической структуры какого-либо континента“ [3]).

Стремление доказать естественное, вечное право на существование— частной собственности, религии, моногамного брака и т. п., с помощью метода „ниноскопии“, приводит многих исследователей к религиозному об‘яснению генезиса брака и семьи и к утверждению о том, что первичной формой брачных отношений была моногамия.

Собственно еще I. I. Bachofen, автор известной книги „Das Mutterrecht“ также Fustel de Coulanges, автор «Le citè antique» в основу изучения древней семьи положили определяемость ее религиозными идеями. По мнению Бахофена культ земли—матери был причиной господствующего положения женщин в семье, победа культа Аполлона—солнца привела к победе мужчин. Фюстель де Куланж особенности античной семьи об‘яснял культом предков. В новейшее время религиозное об‘яснение происхождения брака и семьи дает Эрнст Краулей. Он утверждает, что „не только главный узел человеческой судьбы“, но все явления для первобытного человека преисполнены религиозного содержания, что и „половые отношения и половые процессы, как все человеческие отношения и отправления, для первобытной души имеют религиозное значение [4]). Э. Краулей относит религиозные переживания к числу „функциональных процессов, постоянных в человеческом организме“. Он до того увлекся своей необоснованной теорией, что открыл не только в жизни первобытного человека но и всех высших животных „потенциально религиозное содержание“ [5]).

---

[1]) Э. Гроссе «Формы хозяйства и формы семьи», стр. 6, 7. Русский перевод. Изд. неизвестно.

[2]) H Cnnow «Die Marxsche Geschichts, Gesellschafts—und Staatstheorie» II B. s. 109. „Immer wieder geht der Mensch bei der Betrachtung fremder Verhältnisse von den vorstellungen und Lebensauffassungen aus, die ihm selbst eigen sind und ihm daher als das Normale und Gegebene erscheinen. Er setzt sich gewissermassen selbst als Normalmensch nnd unterstellt, unbewust, dass auch der sogenannte wilde in gleicher Weise sieht, denkt und folgert, wie er selbst».

[3]) L. Lewy—Brühl «Das Denken der Naturvölker» Wien und Leipzig, 1921. S. 17.

О методах изучения малокультурных народов многими современными исследователями L. Lewy—Brühl так отзывается: «Viele unter ihnen sind Missionäre, Katholiken oder Protestanten, und wie ihre Vorgänger aus früheren Zeiten in der Überzeugung verblieben, dass die wilden von Gott irgend welches Rudiment von Naturreligion erhalten haben dem Teufel die verdammenswertesten ihrer Gebräuche haben“. 518.

[4]) Эрнст Краулей «Мистическая Роза». Перевод с англ. СП. 1905 стр. 5.

[5]) Ibibem Стр. 479,

Эмиль Дюркгейм, подобно Краулею, пытается об'яснить некоторые брачные явления, напр. экзогамию, исходя из основного института первобытной религии—табу.

Любопытно трогательное единение в этом вопросе с Бахофеном, Краулеем и Дюркгеймом представителей клерикальной этнографии. Упомянутый уже нами В. Копперс пишет о том, что изучение религии доказало, что первобытные народы стоят на относительно высокой этической ступени, обладая развитым религиозным сознанием, из которого, словно из глубокого резервуара, постоянно вновь питаются семейные и иные общественные институты и их функции [1]).

По мере того, как сбрасывалось таинстьенное покрывало с механизма товарных отношений, становилась все понятнее истинная причина живучести религиозного истолкования общественных процессов.

«Религиозное отражение действительного мира, говорил по этому поводу К. Маркс, может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения людей друг к другу и к природе в ежедневной, практической, будничной жизни, будут представляться людям в виде вполне ясных разумных отношений. С очертаний общественного жизненного процесса, т. е. с материального производственного процесса, будет сорвано покрывало таинственности, когда этот процесс будет плодом деятельности людей, свободно об'единенных для этой цели, и когда процесс этот будет находиться под их сознательным, планомерным руководством. Но для этого требуется материальная основа общества или целый ряд материальных условий существования, которые в свою очередь являются естественным результатом долгого и мучительного процесса развития» [2]).

Теми же корнями, которыми питалась теория религиозного происхождения борака и семьи, питалась и теория о моногамном браке, как первоначальной форме отношений между полами.

Теория эта, родоначальниками которой являются миссионеры, нашла приверженцев и в лице решительных противников известной теории «гетеризма» Бахофена—Вестермарка, Муке, Штарке и др.

В своей книге «Происхождение брака» Вестермарк путем чрезвычайно рискованных биологических аналогий пытается доказать, что моногамия досталась человеку в наследство от его животных предков. В настоящее время можно считать несомненным, что биологические аналогии, начало которым положил Г. Спенсер и его последователи—органицисты, не могут об'яснить природы социальных явлений, подверженных своим собственным, sui generis законам.

Понятно, однако, стремление отыскать корни основных институтов современного буржуазного общества в самой природе, доказать, что они не являются историческими социальными категориями а, как говорил Фома Аквинский, «ex ipsa natura rei sequitur».

Гораздо более наивна попытка Муке доказать изначальность моногамии экскурсиями в область первобытной психологии. Муке об'ясняет наличие моногамии в первобытном обществе тем, что тогда человек не способен еще был понять прелести разнообразия, был бесконечно наивен, а потому и добродетелен.

Наконец ряд исследователей доказывает наличие моногамии в первобытном обществе ссылками на большинство современных отсталых народов которые будто бы, моногамны.

Совершенно не смущаясь данными этнографии, неопровержимо доказывающими отсутствие регламентации половых отношений у многочисленных полукультурных народностей, H. Fehlinger решительно уверяет, что «подав-

---

[1]) Dr. W. Koppers «Die Anfänge des menschlichen Gemeinschaftsleben im Spiegel der neueren Völkerkunde». M. Gladbach 1921, Volksverens Verlag. S. 23.

[2]) К. Маркс «Капитал» т. I стр 46.

ляющее большинство первобытных народов моногамно». Чувствуя шаткость своей позиции Fehlinger прибегает к испытанной, старой теории поисков корней моногамии в природе человека, унаследованной от его зоологических предков [1].

Мы полагаем, что полоса собирания огромного фактического материала, которая столь характерна для нового периода в истории социологии, обязывает к тому, чтобы отказаться от дедукций, навеянных чуждыми науке соображениями.

С неменьшими основаниями, чем утверждающие о природной врожденности моногамии, Ф. Мюллер-Лиэр убеждает нас в противоположном, что по половому своему инстинкту человек полигамен и экзогамен, что он одержим «неофилией», т.-е. любовью к новизне, „Wariationsinstinkt".

Новейшими данными этнографии доказана также несостоятельность попыток ограничения сферы распространения беспорядочных половых отношений исключительно негритянскими, туранскими, малайскими и американскими племенами, наряду с отрицанием подобных отношений у арийских племен—славян, кельтов и германцев [2]. Приверженцы моногамной теории любят ссылаться на авторитет Ч. Дарвина. Между тем Дарвин не располагал об'ективными научными данными в пользу моногамной теории, утверждая, что «обычай брака, в строгом смысле этого слова, вырабатывался лишь постепенно, и что некогда почти полное смешение было крайне распространено по всей земле» [3].

Одной из причин множества ошибочных теорий и гипотез в генеономии являлось, является еще и сейчас недостаточная точность терминологии, хотя заслуги Моргана, а в последнее время М. Лиэра в этой области несомненны.

Приходится удивляться тому, что в числе приверженцев моногамной теории оказался и К. Каутский, утверждающий, что «первичной формой отношений между полами у человека была не общность жен, а моногамия» [4].

Несомненно, однако, что ошибка К. Каутского об'ясняется тем, что он не усвоил себе точной генеономической терминологии. Это явствует из того, что в другом месте К. Каутский говорит о „гетеризме" первобытного общества, о „более или менее непрочных, легко-расторжимых союзах", которые он по недоразумению именует «моногамными» [5]. Если и согласиться с наличием в первобытном обществе парного, „легко-расторжимого" брака, то таковой следует, со времен Моргана, именовать „Синдиасмией" или парным браком или же термином Г. Кунова «Sonderehe», но, конечно, нельзя ни в коем случае называть «моногамией».

Не бесполезно, наконец, отметить ту трогательную поддержку, которую германская клерикальная этнография оказывает моногамной теории. В цитированной уже работе W. Koppers рисует умилительную картину первобытной жизни: Это была, говорит он, симпатичнейшая картина—полная свобода выбора супругов для обоих полов, почти исключительное господство строгой моногамии, чрезвычайно прочная брачная связь и полное, наконец, равноправие мужчины и женщины [6].

Эта трогательная библейская идиллия может возрадовать сердца всех отцов церкви, но вряд ли, хотя бы на йоту, имеет основания в данных науки. Генеономии предстояло изжить и другую, гораздо более серьезную гипотезу—о патриархальной семье, как эмбрионе общественного развития. Со времен Аристотеля гипотеза эта до последней четверти XIX столетия разде-

---

[1]) H. Fehlinger „Das Geschlechtsleben der Naturvölker". Leipzig. 1921 -S. 38.

[2]) М. Ковалевский «Первобытное право». Вып II „Семья". Москва. 1886 г.

[3]) Darwin, «Abstammung des Menschen». Stuttgart, 1875 II. S 340. Цитировано по К. Каутскому «Возникновение брака и семьи» СП. 1906 г. Стр. 17.

[4]) К. Каутский «Возникновение и семьи». СП. 1906. Стр. 25.

[5]) Ibidem Стр. 29.

[6]) W. Koppers „Die Anfänge des menschlichen Gemeinschaftslebens". S. 131.

лялась большинством исследователей. Характерно, что этой гипотезы в течение долгих лет придерживался и такой могучий и смелый ум, как К. Маркс. И лишь по ознакомлении с вышедшей в 1877 г. известной работой Л. Моргана „Первобытное общество“ К. Маркс отказался от своей старой точки зрения [1]).

В настоящее время можно считать уже совершенно установленным, что первичной общественной группой была не семья, а неорганизованное об'единение людей—орда. Совершенно ошибочна старая, некогда разделявшаяся весьма многими, гипотеза Мэна, развитая им в «Древнем законе» о том, что „первичная группа есть семья, об'единенная общим подчинением старшему своему члену мужского пола“, что „об'единение семей образует род или дом, об'единение домов образует племя, а об'единение племен образует государство“.

Суровые условия жизни в первобытном обществе властно требовали от него напряженных усилий всего коллектива в борьбе с природой, не оставляя места для беспомощных, обреченных на верную гибель изолированных семей.

Теория первобытного коммунизма, столь пламенно оспариваемая клерикальной этнографией, находя оправдание в условиях жизни первобытного общества, постоянно подтверждаемая новыми данными о быте полукультурных народностей, является единственно правильной исходной точкой зрения, отправляясь от которой мы в состоянии наметить более или менее правильное решение сложных вопросов генеономии.

Чрезвычайно любопытно, что утверждения о существовании семьи и брака на заре доистории человека весьма часто, за отсутствием иных аргументов, сопровождаются доказательствами антиобщественности первобытного человека. Казалось, что со времен Аристотеля не понадобится больше доказательств общественной природы человека.

Между тем ошибочная и совершенно необоснованная теория К. Бюхера об индивидуальных поисках жизни в первобытном обществе („Epoche der indiwiduellen Nahrungsuche“) послужила основанием для многих ложных заключений о характере первобытных брачно-семейных отношений.

Е. Вестермарк, автор известной „Истории брака“, старается уверить, что „наши предки, люди или полу-люди, питающиеся плодами, живущие той же самой пищей и требующие ее почти в таком же количестве, как и человекоподобные обез'яны, были не более общественны, как и эти последние. Вероятно также, полагает Вестермарк, что впоследствии, когда человек начал питаться мясом, он продолжал вообще эту изолированную жизнь, *и жизнь в обществе была для него непривычна*“ [2]).

Аналогии с животным миром, к которым столь охотно прибегает Е. Вестермарк для построения своих теорий, в применении к миру социальных отношений человека, редко могут служить основанием для каких-либо безусловных выводов.

Лучшим доказательством этого является то обстоятельсово, что такие оригинальные исследователи, как Брэм, Эспинас, Сутерланд, Бельше, изучая жизнь животных, особенно антропоидов, приходят к диаметрально противоположным, чем Е. Вестермарк, выводам [3]).

---

[1]) H. Cunow «Die Marxsche Geschichfs, Cesellschafts—und Slaatstheorie». B II. s. 86. Кунов сообщает о том, что в результате обширных замечаний, сделанных Марксом при чтении труда Моргана, им была приготовлена работа, которая не могла быть издана вследствие его болезни. По словам Г. Кунова работа эта была у дочери К. Маркса, Лауры Лафарг, а после смерти ее перешла к Н. Рязанову. Если утверждение Кунова основательно, было бы совершенно необходимо ненапечатанную до сих пор, могущую иметь большое значение работу К. Маркса издать немедленно.

[2]) Е. Вестермарк «История брака». Перевод И. Семенова. Москва, 1896 г. стр. 82.

[3]) Придавая исключительное значение общественности в жизни животных и людей, П. Кропоткин настойчиво защищает свою теорию взаимопомощи. Последняя

Вопрос о происхождении и эволюции брака и семьи претерпел длительную историю, обнаружив в среде социологов, этнографов и историков первобытной культуры коренные разногласия по целому ряду кардинальных моментов.

Родоначальником генеономии можно считать *Бахофена*, автора вышедшего в 1861 г. знаменитого труда «Материнское право». Несмотря на то, что Бахофен придавал исключительное значение религиозному об'яснению генезиса брака и семьи и положения свои строил, главным образом, на данных мифологии, тем не менее он пришел к ряду оригинальных и смелых выводов, оставивших по сие время в социологии прочный след.

Решительно возражая против общепризнанной матриархальной теории, Бахофен открывает совершенно новую фазу в истории семьи—*матриархат*, разрушая в то же время легенду о моногамном браке, будто бы господствовавшем в первобытном обществе.

Следующим этапом в истории интересующего нас вопроса, явилась вышедшая в 1865 г. книга *Мак-Леннана* «Первобытный брак», обосновывающая теорию экзогамного брака. Несмотря на выдающееся значение работ Бахофена и Мак-Леннана им все же не удалось установить определенных фазисов, ступеней в истории брака и семьи.

Эта честь, как известно, выпала на долю американского этнолога *Льюиса Генри Моргана*. Живя в течение долгих лет среди индийского племени ирокезов и близко ознакомившись с их бытом, он приступил к широкому изучению брачно-семейных отношений и номенклатур родства у 139 полукультурных народностей.

Результатом его исследований были изданные им последовательно следующие работы:

1) В 1851 г. книга об индийских ирокезских племнах „League of the Ho-De-No-Sau-Nee of Iroquois» («союз ирокезов»);

2) В 1871 г. книга о кровнородственных системах—«Contributions of Consanguinity».

3) Наконец, в 1877 г. вышла его известная работа «Ancien Society» („Первобытное общество“), произведшая решительный переворот в господствовавших до того взглядах на генезис брака и семьи. Моргану удалось приподнять завесу над отдаленнейшим периодом в истории человечества. Ему удалось доказать глубокую социальную природу институтов брака и семьи, их постоянную изменяемость.

В причудливом хаосе многоразличных форм брака и семьи он подметил строгую причинную обусловленность, закономерность.

С помощью кропотливого анализа номенклатур родства он восстановил все звенья в длинной исторической цепи брачно-семейных отношений.

В свете новейших достижений этнографии и социологии многие из положений Моргана, казавшихся некогда безусловными, утратили свою доказательность и значение. Но все же основные проблемы генеономии, намеченные Морганом, до сих пор остаются центральными, вокруг них не перестает кипеть напряженная и страстная научная борьба.

Известно то впечатление, которое произвела последняя работа Моргана на К. Маркса и Ф. Энгельса. В его труде они неожиданно открыли самостоятельное применение материалистического метода.

В настоящее время можно положительно утверждать, что Л. Морган не был последовательным материалистом, кладя в основу своего социологического анализа попеременно то один, то другой фактор, определяющий исторический процесс.

Но все же несомненным шагом вперед, давшим блестящие результаты, было установленное Морганом соответствие между различными формами

положена им в основание его гипотезы о генезисе нравственности. См. П. Кропоткин. „Взаимная помощь, как фактор эволюции“ и «Этика» Т. I.

брака и семьи и различными определяющими исторический процесс способами производства. Настойчивое желание проф. Масарика доказать, что «у Моргана не имеется никакого исторического материализма», основано исключительно на желании подорвать значение Моргановских открытий для марксизма [1]).

Морган столь определенно подчеркивает решающее значение в истории человечества «способов производства и средств пропитания», что надо обладать чрезмерной близорукостью для того, чтобы отрицать всякое влияние материалистической мысли на социологические воззрения Л. Моргана [2]).

Не останавливаясь подробно на теории Л. Моргана, вспомним лишь основные ее моменты, поскольку это необходимо для намечения спорных проблем генеономии.

У ирокезов и гавайцев Морган установил особую номенклатуру родства, которую он в отличие от нашей «описательной» назвал «классификационной».

Последняя система, обнаруженная им у туранцев, американских индейцев и малайцев, характеризуется тем, что родственные наименования в ней не определяют *отношений, направленных от одного определенного лица на другое, а означают коллективные, групповые обозначения.* Руководящей нитью, с помощью которой Морган восстановил историю семьи и брака послужило замеченное им у ирокезов и гавайцев решительное несоответствие между действующими формами семьи и терминологией родства. Так у ирокезов, у которых Морган установил легко расторжимый парный брак, названный им «Синдиасмией», действует система родства, по которой отец называет детьми не только своих собственных детей, но и детей всех своих братьев. Все же дети последних также называют его отцом. Мать же называет детьми не только своих детей, но и детей своих сестер, называющих ее в свою очередь матерью. Эта номенклатура родства соответствует форме семьи, установленной на Гавайских островах. Но терминология родства, принятая у гавайцев, по которой все дети братьев и сестер считаются родными братьями и сестрами не соответствует их форме семьи.

По мнению Моргана последняя система родства соответствует древнейшей ныне уже не существующей форме семьи.

На основании этой классификационной системы родства Морган и установил пять основных фазисов в истории семьи: 1) кровнородственную, ныне не существующую; 2) пуналуа, принятую у гавайцев; 3) синдиасмию или парную—у ирокезов; 4) патриархальную—у древних римлян; и наконец, 5) моногамную семью.

Однако, не сразу первобытный человек перешел к кровнородственной семье, в которой исключалась связь между родителями и детьми. В течение весьма продолжительного времени господствовали неупорядоченные половые отношения. И лишь постепенно все более суживался круг брачущихся лиц.

---

[1]) Проф. Масарик „Философские и социологические основания марксизма». Перевод с немецкого. Москва, 1900 г. Стр. 306.

[2]) Значение, придаваемое Л. Морганом материальному фактору явствует из следующих его слов («Первобытное общество» Русский пер. Стр.20). «Важный факт, что человечество начало свое поприще на самых низких ступенях развития и поднималось по ним постепенно, убедительным образом обнаруживается в последовательных способах производства средств пропитания. От искусства в этом производстве всецело зависел вопрос господства человека на земле, человек единственное существо, о котором можно сказать, что оно достигло абсолютного господства над производством пищевых веществ, в чем вначале оно совсем не имело преимущества перед другими животными. Без расширения источников своего пропитания человечество не могло бы распространиться по областям, не доставлявшим того же самого рода пищи, которую человек находил в первоначальных местах своего жительства, а в конце концов не мог бы распространиться по всей поверхности земного шара. Наконец, без абсолютного господства над производством пищи, как в отношении ее разнообразия, так и количества, человечество не могло бы размножиться в многолюдные нации. Поэтому в высокой степени вероятно, что великие эпохи человеческого прогресса более или менее прямо совпадают с расширением источников пропитания».

Кровнородственные, как и пуналуальные семьи характеризуются наличием групповых брачных отношений.

При пуналуальной семье браки внутри орды запрещаются, возникает «Экзогамия».

Таким образом коллективная, групповая номенклатура родства послужила основанием для утверждения, что ей соответствует коллективный, *групповой брак.*

Теория Моргана вызвала страстные споры за и против нее, которые и до сих пор еще сохранили всю свою остроту и актуальность.

Упомянутый уже нами проф. Массарик неосновательно утверждает, что «только один Колер согласен с Энгельсом и Морганом». Основные положения Моргана разделялись Леббоком, Бастианом, Липпертом, Колером, Постом, Вилькеном, Жиро-Телоном, Файзоном, Фрезером, Б. Спенсером, Хаунтом, Гилленом, М. Ковалевским и др.

Основными спорными вопросами генеономии, вокруг которых до сих пор еще вращается вся соответствующая этнографическая и социологическая литература, вопросами тесно связанными с именами Бахофена, Мак-Леннана и Моргана *являются следующие.*

1) *Гипотеза беспорядочных половых отношений.*
2) *Гипотеза группового брака.*
3) *Экзогамия.*
4) *Матриархат.*
5) *Возрастно-половые классы или группы.*
6) *Тотемизм.*

Все остальные вопросы о различных промежуточных формах брака и т. п. так или иначе связаны с одной из перечисленных основных спорных гипотез. Мы не рассчитываем дать в настоящей статье исчерпывающего и тем более критического анализа намеченных нами вопросов.

Мы огрыничиваем себя более скромной задачей выявления тех проблем, которые остаются спорными в генеономии и относительно которых до сих пор высказываются лишь более или менее вероятные гипотезы.

Значительная часть современных работ по вопросам генеономии остается бесплодной по своим результатам лишь по одному тому, что методологический подход к изучению таких важных социальных институтов, как брак и семья, неправилен.

Большинство исследователей усматривает в браке и семье лишь категории био-психического характера, совершенно забывая об их социальной природе.

Подобного рода воззрения, носящие на себе печать биологического и психологического направлений в современной социологии, остаются столь же бесплодными, как и породившие их направления.

Так Уорд, создавая оригинальную «философию полового инстинкта», об'ясняет явления беспорядочных половых отношений активным и наступательным характером мужчины в противовес «естественной» скромности и беспомощности женщины. Гетеризм, носящий спорадический, а отнюдь не постоянный характер, Уорд об'ясняет «инстинктивным влечением к игрищам [1].

Е. Вестермарк, решительный противник теории беспорядочных половых отношений, вынужден однако признать, что она „принята теперь большинством писателей, как доказанная истина) [2].

Против этой теории Вестермарк, между прочим, выдвигает оригинальную но явно нелепую гипотезу, подтверждающую всю рискованность неосторожных биологических аналогий. Он полагает, что свобода половых отношений некогда имела место, но только в конце весны или в начале лета, явля-

---

[1]) Цитирую по *Ивану Кухаржевскому* «Общий очерк развития семейных отношений вообще и брачных в особенности». Издание неизвестно. Стр. 38—40.

[2]) Е. Вестермарк, op. cit. стр. 99.

ясь „остатком древнего сезона парования, стоящего в зависимости от того же закона, который управляет и остальным царством [1]).

Доводы высказываемые в пользу гипотезы беспорядочных половых отношений в общем сводятся: 1) К рассказам древних писателей; 2) К данным этнографии о быте диких народов и 3) К явлениям религиозного гетеризма.

Из показаний древних писателей о неупорядоченных половых отношениях обычно приводятся сообщения Геродота об агаөирсах, которые „со своими женами все живут сообща, и потому все они братья и, как кровные родственники, они не питают друг к другу ни зависти, ни вражды", о массагетах, у которых женщины „общее достояние" и т. д. Такого же характера сведения сообщает Николай Дамасский о либурнах и галактофагах Мела об аугилах, Диодор о жителях Балеарских островов, Теопомп о тирренцах, Клеарк об афинянах и т. д.

В отношении арийских племен в течение долгого времени господствовала точка зрения Макса Мюллера, полагавшего, что арийцы никогда не знали иной формы общественных отношений, кроме малой семьи. Что касается индусов, то несостоятельность теории Макса Мюллера была доказана Всеволодом Миллером, на основании древнейших памятников индусской старины—Риг-Веды и Атарва-Веды.

Сведения же о существовании неупорядоченных половых отношений у кельтов оставил Юлий Цезарь: „uxores habent deni duodenique inter se communes et maxime fratres cum fratribus, parentesque cum liberis".

О древних чехах сообщает Козьма Пражский: „народ этот не знает постоянства брачных уз: подобно скотам вступают они в связь каждую ночь с новой женщиной и с наступлением зари разрывают железные оковы любви".

О существовании аналогичных отношений у русских славян свидетельствует Нестор в лаврентьевской летописи: „Радимичи, Вятичи и Север один обычай имяху . . . браци же не бываху в них, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища и ту умыкаху жены себе, с нею же кто совещащеся; имеху же по две и по три жены" [2]).

Вторым аргументом в пользу гипотезы о неупорядоченных половых отношениях является быт современных полукультурных народов и многочисленные „переживания", рудименты, сохранившиеся в отсталых слоях культурных народов. Этих сведений такое множество, что мы не станем их приводить. Отметим лишь удивительную наивность тех писателей, которые, как это делает H. Fehlinger, считают возможным утверждать, что подавляющее большинство, так называемых «Naturvölker» знает исключительно моногамный брак, представляющий „основной элемент человеческой культуры" [3]).

Особенностями в быте современных отсталых народов, подтверждающими интересующую нас гипотезу являются широко распространенная добрачная общность женщин, обычаи угощения женой, jus primae noctis, предоставляемое в отношении невесты друзьям и родственникам жениха, чрезвычайно легко расторжимая брачная связь и полное отсутствие каких-бы то ни было брачных церемоний, исключительная половая разнузданность, царящая на периодических праздненствах и, наконец, обычаи так называемого религиозного гетеризма.

Надо сознаться, что решительный поход, об'явленный многочисленными духовными и светскими учеными против приведенной гипотезы, имел некоторые, хотя и весьма незначительные основания.

---

[1]) Ibidem стр. 64.

[2]) М. Ковалевский «Первобытное право». Вып. II Москва 1886 г. Глава 1 «Следы беспорядочного полового сожития».

[3]) H. Fehlinger. Op. cit. стр. 38, 40.

Ложное представление создавала уже одна терминология, установившаяся со времен Бахофена и Леббока. Понятие „гетеризма“, введенное первым и еще более „коммунального брака“, введенное вторым приводило к совершенно неверным выводам о какой-то ничем необузданной половой вакханалии, будто бы, царящей в первобытном обществе.

Между тем этого, конечно, не было и быть не могло. Самая уже незначительность людских об‘единений, насчитывавших часто не более 20 лиц, исключала возможность постоянного и ничем неограниченного гетеризма.

Вполне допустимо предположение о существовании легко расторжимых парных соединений в этот период наряду с неупорядоченными половыми отношениями. Освобожденная от необоснованных преувеличений занимающая нас гипотеза оказывнется гораздо более убедительной. С помощью этой гипотезы мы убеждаемся в том, что брак, как определенная урегулированная правовыми нормами, форма сожительства полов, есть отнюдь не только биологическая, но и социальная категория, появляющаяся лишь на определенной ступени развития производительных сил и вместе с последними подверженная постоянным изменениям. Неупорядоченные половые отношения, отсутствие брака, как регламентированного института коренится в самых условиях жизни первобытного общества.

Коллективный характер труда и потребления, кооперация сил, как единственный метод борьбы с суровыми силами природы, общность воспитания детей, неясные представления о действительной причине рождения, все это исключало всякую мысль о прочных парных соединениях, как и об изолированной малой семье. Тем более все это решительно опровергает всякое предположение о возможности какой-бы то ни было с чьей бы то ни было стороны регламентации отношений между полами на этой самой первобытной ступени человеческой общественности.

Борьба Е. Вестермарка с гипотезой неупорядоченных половых отношений, хотя и признается некоторыми победоносной, но совершенно неосновательно. Помимо уже знакомых нам биологических аналогий, Е. Вестермарк приводит массу курьезных доводов, бессильных, однако, убедить в его правоте. Признавая наличие „распутства“ у диких народов, Е. Вестермарк приписыват его „главным образом, влиянию цивилизации“, полагая, что одно лишь „сопрокосновение с высшей культурой, гибельно отражается на народах, живущих в состоянии более или менее примитивном“ или же он утешает себя мыслью о том, что „на Мадагаскоре можно найти большую пропорцию целомудренных женщин, чем в Англии“.

Не говоря о самом термине „распутство“, доказывающем, что Е. Вестермарк одержим чрезвычайной близорукостью, заставляющей его смотреть на первобытные отношения сквозь ненадежные „культурные очки“, достойно удивления уже одно то, что Вестермарк, давая беспощадную характеристику нравов нашей европейской „цивилизации“ вместе с тем изо всех сил силится доказать наличие у отсталых диких народов „возвышенного нравственного идеала“[1]).

С вопросом беспорядочных половых отношениях тесно связана *гипотеза группового брака* (G r u p p e n e h e). Нами уже был указано, что основанием для построения Морганом теории группового брака, нашедшего свое выражение в кровнородственной и пуналуа семье, послужил групповой характер изученных им номенклатур родства. Л. Файзон и Хаунт, а позже Б. Спенсер и Гиллен в результате тщательного анализа брачно-семейных отношений гавайских племен Камилароев и Курнаев и австралийских—Диери и Урабунна пришли к тем же выводам, что и Морган. Так, племя Куранан делится на две фратрии, Кумитов и Кроки в свою очередь делящиеся на тотемные пруппы. Брак в пределах фратрии запрещен. Все мужчины фратрии Кумитов считаются мужьями женщин фратрии Кроки и наоборот.

---

[1]) Е. Вестермарк. Op. cit. Глава IV.

Классическим образцом группового брака являются описанные Б. Спенсером, Хауитом и Гилленом племена Диери и Урабунна. В этих племенах каждый мужчина из числа его возможных жен — *ноа* или *нира* имеет одну или две специально с ним связанных жены. Но кроме них он имеет еще ряд дополнительных жен pirrauru или pirranguaru. Таким образом, определенная группа мужчин находится в связи с определенной группой женщин. Хаути решительно утверждает, что „отношения pirrauru ясно представляют групповой брак, посредством которого мужчина имеет привилегию получить сообща с другими мужчинами своей группы несколько жен из числа своих поа, тогда как желания женщины могут быть осуществлены лишь с согласия ее мужа tippa malku. С другой стороны, она, однако, не может отказаться принять мужа-pirrauru, который приписан ей.» Групповым браком можно считать и институт „переменного брака" у чукоч, описанный В. Богоразом, у которых двое или более мужчин, вступающих в союз, дают друг другу взаимное право на своих жен. Иннокентий Вениаминов сообщает про Алеутов, что у них „женщине дозволялось иметь двух мужей, из коих один был главным, а другой его помощником, или, как называют Русские половинщиком". Аналогичные отношения меж полами наблюдаются у эскимосов гиляков, народностей Индии наиров, тода, тотияров и т. д.

Новейший исследователь Риверс приходит к заключению, что распространенная по всей земле классификационная система родства была некогда универсальной стадией общественного развития. Она может быть об'яснена лишь признанием такой формы брака, при которой определенные группы мужчин являются мужьями определенной группы женщин.

После вышеизложенного становится ясным, насколько шатко утверждение H. Fhelinger'а, что у большинства народов мы не находим никакого следа („Keine Spur") группового брака.

Гипотеза группового брака вызвала многочисленные возражения, которые в конечном итоге, сводятся к одному из четырех основных положений: 1) Гипотеза группового брака, тесно связанная с теорией беспорядочных половых отношений, несостоятельна по тем же доводам, что и последняя теория; 2) Гипотеза эта покоится на ложных основаниях, неправильно толкуя классификационную номенклатуру родства; 3) Многочисленные примеры, приводимые в пользу гипотезы группового брака, доказывают наличие индивидуальных, хотя и полигамных, но не групповых отношений меж полами; 4) Наконец, если и можно констатировать у некоторых народов групповой брак, из этого еще нельзя делать выводов о нем, как о всеобщей стадии в истории брака.

Из приведенных возражений заслуживает безусловного внимания лишь то, которое доказывает неправильность толкования Морганом классификационной номенклатуры родства. *С первыми возражениями выступил Мак-Леннан*, доказывавший, что если еще допустимо коллективное наименование ребенком целой группы мужчин «отцом», потому что при групповом браке не был известен настоящий отец, то того же нельзя утверждать о матери, которая не могла быть неизвестна. Мак-Леннан совершенно опустил при этом из виду указания самого Моргана на то, что ребенок называет матерью ее сестер не потому, что он не знает, кто его родил, а потому, что все эти женщины, будучи женами его отца, занимают в его представлении совершенно одинаковое положение и потому одинаково и именуются. Столь же слабо аргументировал Мак-Леннан другое свое положение, рассматривающее терминологию родства исключительно, как собрание титулов, с которыми дикари обращались друг к другу.

Гораздо более серьезные возражения выдвинул *в 1882 г. К. Каутский*. Он указал на то, что родственные отношения, вопросы происхождения не играли никакого значения на той ступени культурного развития, когда возникла классификаторская система. В жизни первобытного общества отношения людей складывались, главным образом, на основе их принадлежности

к тому или иному полу и возрасту. На этой ступени человек не знает еще отношений родства, не выделяет еще отдельных личностей из общего коллектива. Вся социальная структура общества определяется делением его на возрастно-половые группы.

Следовательно, заключает К. Каутский, «наименования родства обозначают здесь не степени происхождения, а поколения».

Так по гавайски сын называется Kei—Kane, маленький мужчина; дочь Kaika—Mahine, маленькая девушка.

Вопрос о групповом браке вступил в совершенно новую фазу с выходом ряда работ *Г. Кунова*, посвященных генезису брака и семьи вообще и брачно-семейным отношениям у австралийцев в особенности. Из них особенного внимания заслуживают вышедшая в 1894 г. книга «Die Verwandtschaftsorganisationen der Australneger» и в 1912 г. «Zur Urgeschichte der Ehe und Familie» [1]) Г. Кунов усматривает главную ошибку Моргана в том, что он подошел к анализу первобытных номенклатур родства с точки зрения воззрений культурного человека на родственные обозначения. Исходя из того содержания, которое культурный человек вкладывает в понятия «отец,» «мать», «сын» Морган решил, что и дикари, называя определенные группы лиц этими же терминами разумеют под ними действительно существующие родственные отношения, вызванные групповым браком.

Г. Кунов решительно возражает против подобного толкования первобытных терминологий родства.

Он утверждает, что в течение весьма продолжительного времени первобытное общество не знает никаких родственных отношений и соответствующей им терминологии.

На примере изученных им австралийских племен Г. Кунов об'ясняет сложную и запутанную классификационную номенклатуру родства тем, что она *отражает исключительно возрастно—половое строение первобытного общества.*

Таким образом гипотеза группового брака связывается с новой, выдвинутой г. Куновым, *гипотезой возрастно-половых групп или классов* (Alters oder Generationsschichtung) [2]).

Первобытная орда, подобно современной австралийской, *делится на три возрастных группы*:

1) Группу подростков, пребывание в которой для мужского пола обычно продолжается до появления бороды, у девушек до одного или двух лет после первого наступления менструации.

2) Группу взрослых, пребывание в которой для мужчин, как и женщин длится до тех пор, пока их собственные дети сами не становятся взрослыми или же устанавливаются определенные признаки старости.

3) Группу стариков, т. е. тех, которые преступили вышеназванный возраст. Переход из одной группы в другую сопровождается определенными испытаниями и церемониями, великолепно описанными Б. Спенсером, Гилленом и Хауитом.

Такое возрастное расслоение Г. Кунов находит не только у австралийцев, но и у полинезийцев, меланезийцев и микронезийцев.

Таким образом первобытная орда делится, соответственно трем поколениям, на старейших или дедов, взрослых или родителей и младших или детей. Следовательно, заключает Г. Кунов выражения «дед», «отец», «сын», обозначают не родственные отношения в нашем смысле, но возрастные отношения, в которых находятся говорящие между собою лица [3]). А это озна-

---

[1]) Главные работы Г. Кунова по вопросу о генезисе брака, до сих пор еще не переведенные на русский язык, печатаются «Белтрестпечатью» и в виде отдельного сборника, под нашей редакцией, выйдут в ближайшее время.

[2]) Теорию возрастно-половых групп разделяет и Г. Шурц в своем труде «Altersklassen und Männerbünde».

[3]) H. Cunow «Die Marxsche Geschichts,—Gesellschafts—und Staatstheorie». B. II.

чает, что классификационная номенклатура родства не дает никаких оснований для заключений о всеобщей распространенности некогда группового брака.

Внося ряд поправок в теорию Моргана, Г. Кунов следующим образом рисует основные этапы в истории брака и семьи:

На самой ранней ступени культурного развития существуют свободные отношения между полами. Незначительные размеры группы неизбежно ограничивают, однако, пределы неупорядоченных половых отношений, допуская наряду с последними наличие и парного, легко расторжимого брака (Sonderehe) между лицами одного поколения. Следующим шагом по пути ограничения половых отношений является запрещение брака внутри орды между различными возрастными группами. Дальнейшей ступенью в истории брака является запрещение сношений между кровными родственниками в пределах одной и той же возрастной группы данной орды. Эта фаза приводит к экзогамии, образованию тотемного общества, появлению матриархата и фратрий.

Характерным институтом, отражающим возрастно-половое строение первобытной орды, являются *брачные классы*. Каждое австралийское племя делится на две фратрии, а последние в свою очередь на 2, 4 или 8 брачных классов. Фратрии, как и брачные классы строго экзогамны. Вступать между собой в брак могут только лица, принадлежащие к разным фратриям и к одному и тому же поколению. Для примера допустим, что речь идет о племени Warrai, живущем у Порта Дарвина. Племя это делится на две фратрии, каждая из которых в свою очередь делится на четыре брачных класса, из коих два мужских и два женских. Отметив женский брачный класс знаком +, изобразим структуру племени Warrai следующим образом:

ФРАТРИЯ I.	ФРАТРИЯ II.
I класс=Adschumbitsch	Apungerti
II „ =+Aldschumbitsch	+Alpungerti
III „ =Apularan.	Animitsch.
IV „ =+Alpularan.	+Alnimitsch.

Мужчина каждого брачного класса определенной фратрии может вступать в брак исключительно с женщиной противоположной фратрии и определенного соответствующего ему класса.

Так мужчина Adschumbitsch из Фратрии I может вступить в брак исключительно с женщиной Alpungerti из Фратрии II, мужчина Animitsch с женщиной Alpularan и т. д.

Эта сложная запретительная, экзогамная система брачных классов об'яснялась Морганом, как результат некогда установленных правил регулирования отношений меж полами, во избежание кровосмешения.

Неудовлетворенный подобным об'яснением, *Г. Кунов считает классовое деление лишь дальнейшим расширением возрастного деления*. Фратрии, полагает Г. Кунов, являются расширенными брачными об'единениями, между которыми разрешается брак лицам лишь одной и той же возрастной группы, поколения. Допустим, что во фратрии I племени Warrai поколение

S. 115. Его же «Zur Urgeschichte der Ehe und Familie». S. 25. Его же «Die Verwandtschafts—Organisationen der Australneger», Selbst—Anzeige. «Die Neue Zeit». 1893 1894 1. № 30. S. 102.

старейших именуется Adschumbitsch, а среднее поколение называется Apularan и что эта фратрия I заключает браки с фратрией II, в которой соответственные поколения именуются Apungerti и Animitsch.

Тогда мы получим действующие в племени Warria брачные правила, о которых мы говорили выше.

Класс старейших Фратрии I Adschumbitsch сможет вступать в брак исключительно с соответствующим ему классом старейших же Фратрии II Apularan (женским классом „Apularan") и т. д.

Возрастно-половое строение первобытной орды об'ясняет и сложную классификационную номенклатуру родства и институт брачных классов. Мюллер-Лиэр, соглашаясь с доказательствами Г. Кунова о том, что „классифицирующие системы родства не являются еще доказательством того, что у народов, применявших эти системы, должны были существовать групповые браки" вместе с тем безусловно признает действительное их наличие у австралийцев, дравидов и т. д. [1]). Да и сам Г. Кунов, в сущности, возражает лишь против возможности заключения о существовании группового брака из классификационной номенклатуры родства. Существования же подобной формы брака он не отрицает, сомневаясь только в его всеобщей распространенности.

Любопытно, что большинство возражений против исследуемой нами гипотезы бьет мимо цели. Возражения обычно начинаются против толкования Морганом терминологий родства, но проходят мимо или затрагивают весьма слабо институт группового брака. Некоторые исследователи, напр. А. Н. Максимов, полагают, что приводимые в пользу группового брака примеры, скорее говорят о полигамии, так как скорее на лицо индувидуальные соглашения, чем групповые связи. И тем не менее, А. Н. Максимов об отношениях меж полами у австралийцев также, как и о брачных учреждениях наиров, живущих на Малабарском берегу, считает возможным говорить, что „эту своеобразную организацию можно, пожалуй назвать групповым браком, но только в том смысле, что у каждой женщины было одновременно несколько мужей, а у каждого мужчины—несколько жен [2]).

Аналогичного характера ограничительное толкование дает групповому браку автор новейшей, чрезвычайно интересной монографии об общественном устройстве племени Banaro в Новой Гвинее *Р. Турнвальд*. Он полагает, что групповой брак весьма близок к полигамии, но отличается от последней лишь тем, что в полигамии происходит *действительное* сожительство нескольких мужчин с несколькими женщинами, групповой же брак лишь *допускает* неограниченные половые отношения, при отсутствии длительных связей. Не отрицая таким образом группового брака, Р. Турнвальд полагает, что он существует наряду с парным браком [3]).

Соображения, выдвинутые Г. Куновым являются несомненным и значительным шагом вперед в трудной, запутанной и чрезвычайно сложной области социологии—генеономии.

Морган действительно придал чрезмерное значение фактору кровного родства в первобытном обществе, об'ясняя им генезис и эволюцию таких ярко выраженных социальных институтов, как брак и семья.

Этнографические исследования подтвердили соображения Г. Кунова о той значительной роли, которую в первобытном обществе играют возрастно-половые деления. Они коренятся в элементарном, примитивном, но имеющем могущественное значение разделении труда и вытекающем отсюда различном положении в обществе разных возрастных групп.

---

[1]) Ф. Мюллер-Лиэр «Фазы Любви». Москва. 1913 г. Стр. 130. Его же. «Формы брака, семьи и родства». Стр. 35. О генеономических воззрениях Мюллера-Лиэра. См. Rudolf Eissler «F. Müller-Lyer, als Soziolog und Kultur Philosoph. München. 1923. S. 152—172.

[2]) А. Н. Максимов. «Групповой брак». М. 1908. Стр. 43. Его же. «Системы родства австралийцев.

[3]) Richard Thurnwald. «Die Gemeinde der Banaro». Stuttgart. 1921. S. 227.

Однако и Г. Кунов, *увлекшись своей гипотезой, придал чрезмерное значение биологическому фактору возрастно-полового деления*, исключительно им об'ясняя институты брака и семьи, чем, собственно, впал в ту же погрешность, что и Морган.

Неудивительно поэтому, что на ряд генеономических вопросов Г. Кунов ответа дать не может. Те же причины приводят и Мюллера Лиэра к печальной необходимости сознаться, что «нам неизвестно ничего определенного относительно социологической роли группового брака и полиандрии». А ведь для социологии самое важное не столько констатирование того или иного общественного явления, сколько социологическое его обоснование.

На основной вопрос о причинах запрета брака между различными возрастными группами мы ответа у Г. Кунова не находим.

„Как возникло запрещение вступления в брак с лицами иной возрастной группы, было ли это в результате наблюдения, что половые связи между лицами весьма различного возраста большею частью бездетны или же из за привычки молодых мужчин брать жену из своей возрастной группы, как более подходящих или же из других оснований, решить невозможно говорит Г. Кунов, так как с точностью мотивы этого запрета не могут быть сейчас установлены [1]).

Несомненно, однако, что Г. Кунов, не давая прямого ответа на причины запрета экзогамии, склоняется к мысли о том, что здесь решающую роль играло стремление избежать вредные последствия кровосмешения. Это явствует особенно из того об'яснения, которое дает Г. Кунов тотемизму.

Таким образом гипотеза беспорядочных половых отношений привела нас к гипотезе группового брака, тесно связанной с вопросом о возрастно-половых классах. Последняя же гипотеза привела нас к двум другим чрезвычайно важным и спорным вопросам генеономии—*к вопросу об экзогамии и тотемизме.*

Несомненно исключительного внимания заслуживает последняя оригинальная и смелая попытка решения сложных и запутанных генеономических вопросов, предпринятая Генрихом Эйльдерманом в его книге «Первобытный Коммунизм и Первобытная религия» [2]).

Г. Эйльдерман рассматривает брак и семью, как социальные институты, генезис и эволюция которых определяется исключительно экономическими мотивами. Он находит, что факт кровного родства никогда не мог стать основой социального развития.

Ибо и «организации родства первоначально суть не что иное, как организации производственных и потребительских групп членов общества» [3]).

Г. Кунов сделал несомненный шаг вперед по сравнению с Морганом, обнаружив за мнимо родственными отношениями, скрывающимися в номенклатурах родства, важнейшую особенность первобытного общества—его возрастно—половое деление. Но этому биологическому фактору Кунов придал исключительное значение, не вскрыв экономических условий его развития. Поэтому, думает Эйльдерман, Кунов не в силах дать ответа на ряд основных вопросов, связанных с историей брака и семьи.

Кунов не мог об'яснить главного—причины всевозможных запретов, обусловивших образование брачных классов и фратрий и экзогамии. Эйльдерман пытается найти основную причину, породившую сложную запретительную систему и таким путем дать ответ на все спорные вопросы генеономии.

---

1) H. Cunow. «Die Marxsches Geschichts,—Gesellschafts und Ssaatstheorie». B. II. S. 115.

2) Heinrich Eildermann „Urkommuuismus und Urreligion“ Geschichtsmaterialistisch beleuchtet Berlin 1921.
Имеется русский перевод в издании «Атеист». Москва. 1923.

3) Ibidem. Немецкое изд. стр. 8. Русское изд. стр. 8.

Этим основным фактором, призванным все об'яснить, сделать понятным и ясным—была роль старейшин в первобытном обществе. По мнению Эйльдермана вся история первобытного общества есть ни что иное, как история все возрастающего могущества старейшин. Деление на возрастные группы находит свое социальное обоснование в той хозяйственной роли, которая выпадает на долю отдельных поколений. Старейшие сосредоточивают в себе важнейшие организаторские функции. Благодаря своему большому жизненному опыту, они являются незаменимыми советчиками во время охотничьих и военных предприятий и в случае заболеваний. Они же вместе с женщинами являются воспитателями подрастающего поколения. Они сосредотачивают, наконец, в своих руках важнейшую социальную функцию—распределдние продуктов. *Старейшины, организованные в одну солидарную группу, сознающую общность своих интересов, и установили выгодные для них брачные запреты, в целях получения более рагнообразной пищи.* Какой смысл был бы отцу выбирать для своей дочери мужа из той же возрастной группы, к которой принадлежит он сам? Никакой новой пищи от старика—зятя он в таком случае не получит. Гораздо целесообразнее поэтому выдать дочь свою замуж за ее сверстника. члена одной с ней возрастной группы, который будет содержать старого тестя. Вот почему запрещены браки между рлзличными возрастрыми классами, вот где источник группового брака, экзогэмии и тотемизма. Ключ к проклятым вопросам генеономии, над которыми в течение долгих десятилетий бессильно бьется социология и этнография в руках у Г. Эйльдермана. Все об'ясняется чрезвычайно просто (может быть черезчур уж просто!)—старейшины желают избежать „однообразного питания одним и тем же мясом".

Старейшие, по существу, думает Г. Эйльдерман, заинтересованы в одиночном браке. Зачем им, в самом деле, отдавать несколько дочерей одному зятю, когда гораздо выгоднее приобрести побольше зятей—тогда и меню будет разнообразнее? Но тем не менее факта группового брака Эйльдерман не отрицает, так как, по его же словам „и у более развитых австралийских племен групповой брак еще сохранил свою полную жизненность". Чем же это об'яснить?

Эйльдерман находит три причины, порождающие групповой брак.

Во-первых, каждый мужчина считает себя гораздо более обеспеченным, если может рассчитывать на получение растительной пищи не от одной, а от многих жен, как и последние, во время охотничьих кочевок мужей, находят защиту в лице своих дополнительных мужей—пирауру.

Во-вторых, во время тех же кочевок и отсутствия зятя—ноа, тесть снабжается пирауру.

Но основную причину, „зародыш" группового брака Эйльдерман ищет в „многобрачии физически сильнейших".

Мы полагаем, что последним утверждением Г. Эйльдерман попал в ту же ловушку, в которой он, по его словам, нашел Энгельса и Кунова.

И в самом деле: с одной стороны, как будто Эйльдерман действительно нащупал подлинную пружину генезиса и эволюции брачно-семейных отношений. Она коренится в условиях производства первобытного общества. Почему же одна и та же причина в одно и тоже время должна породить одиночный брак, а порождает групповой? Почему, наконец, Эйльдерман, упрекающий Энгельса и Кунова в том, что они придали решающее значение биологическому фактору кровного родства и возраста, сам ищет об'яснения в не менее биологическом факте—„многобрачии физически сильнейших"?.

Метод, избранный Эйльцерманом в его поисках социологического об'яснения сложнейших социальных институтов—брака и семьи, несомненно правильный. Ответ на все проклятые вопросы генеономии будет дан, конечно, не теми, кто довольствуется бесплодными биологическими аналогиями и психологическими экспериментами над первобытным человеком. Явления соци-

ального порядка коренятся прежде всего в основной ткани человеческого общества—в его материальной среде, в условиях развития производительных сил. Но из этого нисколько не следует, что все остальные факторы исторического процесса должны просто игнорироваться. Этот способ, несомненно, самый легкий и простой. И с помощью его любой исторический период легче понять «чем решать самое простое уравнение первой степени», как великолепно говорил некогда Ф. Энгельс. Великий мастер диалектического метода не напрасно был недоволен теми «молодыми», которые «иногда придавали больше значения экономической стороне, чем это следует».

Мы полагаем, что Г. Эйльдерман впадает в несомненное упрощение материалистического метода. Ведь вся его, казалось, стройная концепция покоится всего лишь на одном только факте, сведения о котором позаимствованы им у этнографов. Ведь все эти данные этнографии в конце-то концов касаются народностей, стоящих на неизмеримо более высокой ступени, чем человек археопалеолита. Увлекшись этнографией, Эйльдерман совершенно забыл про археологию. Построение социологических выводов на одних лишь данных этнографии будет несомненно односторонним.

Г. Эйльдерман свою „теорию старейшин“ позаимствовал у Б. Спенсера, который, не находя об'яснения экзогамии, утверждает, что она является делом рук могущественных мужей, регулирующих все изменения в системах брака.

Г. Эйльдерман несомненно заблуждается, рисуя первобытное общество, по примеру современных, хотя бы отсталых народов, находя у него сложную социально-политическую систему, руководимую мудрыми законодателями, старейшинами. Делая последовательные выводы из своей основной ошибочной посылки, Эйльдерман еще более упрощает материалистический метод, утверждая, что «мы, таким образом, снова пришли к движущему началу всякого исторического прогресс к признанной за таковое Карлом Марксом классовой борьбе“. Хотя Эйльдерман и вносит оговорку о том, что «слоение поколений в первобытном обществе не является классовым слоением в современном смысле слова“, тем не менее все его изложение создает совершенно определенное представление о классовом характере тех социальных противоречий, которые раздирают это общество [1]).

Обвиняя Г. Кунова в том, что тот о „первобытном коммунизме, по-видимому, ничего и не слыхивал“, Эйльдерман сам впадает в безвыходное противоречие. С одной стороны—первобытный коммунизм с общностью труда, производства и потребления, с полным отсутствием экономических предпосылок для выделения организаторского труда, с другой сложная система власти старейшин, бизкая к кастовому строю.

Стремясь во что бы то ни стало лишить биологический фактор какого-бы то не было значения, Эйльдерман просто отделывается от него, замалчивая тот несомненный, неотрицаемый факт, что ведь в конце-то концов разделение труда в первобытном обществе покоится на физиологических основаниях, а не на каких-либо иных. Мы полагаем, что невозможно лишить биологический фактор того значения, который он несомненно играл на заре человеческой общественоости. Возрастно-половое строение первобытного общества покоится на очевидном биологическом факторе. Но с момента возникновения этого строения, дальнейшее развитие брачно-семейных отношеной совершается уже по своим собственным внутренним законам, определяемым, в первую очередь, развитием производительных сил. В дальнейшем биологический фактор, подобно географической среде, действует уже на человеческое общество не непосредственно, а через соответствующую социальную среду.

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс „Письма“, под ред. В. В. Адоратского. Москва 1922 г. стр. 275. Ф. Энгельс в письме к Конраду Шмидту от 5 августа 1890 г. писал: «Фразеология исторического материализма (а все можно сделать фразой) служит многим немцам из молодого поколения только для того, чтобы возможно поскорее систематически сконструировать свои собственные относительно весьма небольшие, исторические знания (экономическая история ведь еще в пеленках) и далее храбро двигаться вперед»

Основоположники марксизма считали классовую борьбу основным законом человеческой истории, но не доистории. Многочисленные противники марксизма открыли против Ф. Энгельса яростную атаку за то, что он считал основным моментом истории (надо полагать, включая доисторию) не только производство продуктов, но и „воспроизводство потомков".

Кареев Михаловский, Вейзегрюн, Массарик и даже бывший марксист К. М. Тахтарев в словах Ф. Энгельса усмотрели чуть-ли не капитуляцию марксизма. К. Тахтарев называет признание Энгельсом «генетического фактора» «изменой монизму» одним лишь шагом по пути признания и психического фактора[1]). Г. В. Плеханов в „Монистическом взгляде" блестяще парировал нелепые обвинения марксизма в плюрализме, отметив, что слова о „воспроизводстве потомков", как факторе, определяющем общественную жизнь, относятся к тому ее доисторическому периоду, когда биологический фактор, как и географическая среда, создавали необходимые предпосылки исторического развития [2]).

Можно допустить, что Ф. Энгельс не вполне удачно формулировал свою мысль о роли биологического фактора в первобытном обществе. Это и подало повод к ложному истолкованию слов Ф. Энгельса, чему поддался, отчасти, и Эйльдерман. Тем не менее не мешает вспомнить еще одну весьма знаменательную в устах Ф. Энгельса фразу: «И все же, хотя экономическая потребность была главной пружиной двигающегося вперед познания природы, и с течением времени все более становилась такой пружиной, *все же было бы педантством искать для всех этих первобытных глупостей экономических причин»* [3]). Г. Эйльдерман, руководимый достойным всяческого поощрения побуждением применить материалистический метод к генезису брака и семьи, несомненно пошел по стопам материалистов XVIII века, которые, желая „гильотинировать бога", об'явили его просто изобретением жрецов.

Г. Кунов основную причину экзогамии усматривает в недостатке женщин и похищении их. Эйльдерман находится несомненно на более верном пути к истине, считая причиной экзогамии экономическую заинтересованность в ней охотничьих дружин, кланов, тотемных об'единений, вступающих таким путем в более тесные хозяйственные взаимоотношения с другими охотничьими об'единениями. Но и здесь Эйльдерман не забывает отметить, что „решение этого вопроса (об экзогамном браке) зависит от усмотрения старейшин".

По вопросу *об экзогамии существует ряд теорий*, теперь уже совершенно утративших свое значение. К их числу относится старая *теория М. Леннана* об убийстве девочек и похищении, как источнике экзогамии, *Моргана* о запрещении кровосмешения, *Дюркгейма* о связи экзогамии с табуизмом и тотемизмом, в силу которых запрещалась связь с женщиной своего рода, кровь которой олицетворяла собой кровь предка—тотема и была потому табуирована.

С вопросом об экзогамии тесно связан не менее спорный вопрос *о тотемизме*. Мы не станем его обсуждать, с точки зрения религиозного его значения, так как это чрезвычайно отвлекло бы нас от темы. Коснемся его лишь постольку, поскольку он связан с вопросами генеономии.

Ряд исследователей, часто весьма крупных, и в этом вопросе, благодаря идеалистическому складу своей мысли, совершенно теряются, не находя ответа и без конца громоздя одну теорию на другую. Так *Г. Спенсер и Леббок* источник зоолатрии находят в обычае давать отдельным лицам

---

[1]) К. М. Тахтарев «Наука об общественной жизни» (Социология Петроград. 1919 года. Стр. 335.

[2]) Г. В. Плеханов „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Москва. 1919 г. Стр. 114, 115.

[3]) К. Маркс и Ф. Энгельс «Письма», стр. 285.

[4]) Г. Эйльдерман. Op. cit. 51.

имена животных. Вилькен ищет об'яснения в вере в переселение душ. *Вундт* полагает, что тотемизм возник из представления о животных, как обитателях душ предков. Лучшим знатоком тотемизма считается *Фрезер*, предложивший для его об'яснения одну за другой три теории: согласно первой вера в тотем определяется верованием в поселение в нем той или иной души; вторая примыкает к Б. Спенсеру и Гиллену, приписывавшим жрецам источник тотемизма; и третья считает причиной тотемизма незнание дикарем причин зачатия и рождения и приписывание их определенному животному, которому он поклоняется, как тотему.

Совершенно новою является *попытка Леви-Брюля* об'яснить тотемизм на основе установленного им действующего в первобытном обществе *„закона сопричастия"*. К сожалению Леви-Брюль неосторожно характеризовал психический мир первобытного человека, как полный мистицизма. Это дало повод К. Тиандеру законом сопричастности об'яснить «мистическую связь человека с тотемом» 1) Между тем закон сопричастности дает возможность об'яснить тотемизм, совершенно не сводя его к мистицизму. Первобытный человек устанавливает связь между явлениями и предметами не на основе логического закона причинности, а на основе их сопричастия, на основе механической зависимости, заключая о тожестве этих явлений или предметов. Тесная связь, которая существовала между предками и определенными имеющими особенное значение для их жизни животными, заставляет верить первобытного человека в их зависимость, а затем и тожество — отсюда, вероятно, и возникает тотемизм.

Приходится удивляться тому, что *Г. Кунов, весьма часто умело владеющий материалистическим методом, в об'яснении тотемизма совершенно забыл о нем.* В тотемизме, занимающем чрезвычайно большое место в жизни первобытного общества, Г. Кунов видит исключительно мероприятие для устранения кровосмешения. Женщина, часто переходящая из орды в орду, во избежание кровосмесительного с ней брака, должна была, по мнению Кунова, получить тотемное имя, указывающее ее происхождение. Сама собой напрашивается мысль, что ведь для этого достаточно было сохранение женщиной ее территориального имени. Как бы то ни было, совершенно ясны экономические корни тотемизма, тесно связанного с заботой об уходе и размножении полезных животных и растений и не менее ясно, что связь тотемизма с брачно-семейными отношениями, как и с явлениями религии, относится к позднейшему времени.

Наконец, последним спорным вопросом является вопрос о *матриархате*. Со времен Бахофена господствующей считалась точка зрения, по которой матриархат является первичной формою семьи, основывающейся на незнании отца при беспорядочных половых отношениях.

Теория Бахофена, поддержанная затем Морганом и длинной плеядой исследователей, с одной стороны встретила абсолютное отрицание самого института матриархата, с другой в нее был внесен ряд поправок. Решительным *противником матриархата является К. Н. Старке*, который считает, что «ставить матриархат в ряд первичных явлений в развитии всех обществ значит строить совершенно произвольное измышление»[2].

Фриц Гебнер, исходя из преобладания отцовской линии на западе, а материнской—на востоке Австралии, считает оба типа первоначальными.

Г. Кунов и Мюллер-Лиэр, пытаясь дать экономическое обоснование матриархату, утверждают, что власть мужчины, вытекающая из его физического превосходства, предшествовала женской линии в охотничий период. Она уступила место матриархату в эпоху низшего земледелия, которой соответствует «высоко-родовая» фаза Мюллера Лиэра. В «эпоху высшего земледелия», скотоводства и обмена, материнская линия снова уступает место

1] «Вопросы теории и психологии творчества» т. V. Харьков 1914 г. К. Тиандер «О началах мистического мировоззрения». Стр. 425.

2) К. Н. Старке «Первобытная семья». С. П. 1901 г., стр. 159.

отцовской. *Н. Харузин* справедливо отмечает, что если бы и было доказано, что и другие народы, кроме австралийцев, развивались указанным Г. Куновым путем, то «господствующая теория получила бы иное освещение, но осталась бы непоколебленной в основном своем положении, что счет родства по женской линии предшествует счету родства по мужской, так как предшествующая матриархату стадия развития, которую осветил для австралийцев Г. Кунов,—оказывается периодом отсутствия родственных понятий и непонимания значения кровных уз» [1]). *Г. Эйльдерман* об'ясняет переход к материнской линии, исходя из своей общей точки зрения, тем, что класс старейших получил, благодаря введению нового порядка, полный простор для регулирования производства по своему усмотрению и более неограниченную власть в распределении прироста населения по различным родам [2]).

В заключение отметим, что мы в настоящей статье не рассчитывали дать ответа на все спорные вопросы генеономии. Мы ограничили себя задачей выявления наиболее существенных гипотез, подвергнув их некоторому анализу. Вопросы генеономии занимают все более солидное место в современной социологической литературе. Становится уже не под силу отдельному исследователю об'ять всю огромную литературу на всех языках, вышедшую по этому вопросу. «Уже скопилось, говорит Г. Кунов, такое количество всевозможных теорий, утверждений, превратных толкований, что ближайшему поколению лишь с большим трудом удастся расчистить свободную дорогу для точного, индуктивного исследования [3]).

И все же успехи генеономии велики. Она вступила на тот единственно верный путь, на который должна вступить и вся современная социология. Все более и более исследователи убеждаются в современной бесплодности абстрактных социологических суждений. *Все ярче обнаруживается бессилие идеалистического направления внести хотя бы каплю света в таинственный лабиринт истории.* Накопляющийся огромный исторический, этнографический и археологический материал, питающий современную социологию, убеждает в том, что она строится на прочном и солидном научном фундаменте, что ей принадлежит будущее. Мы приблизимся к решению сложнейших вопросов генеономии, имеющих не только теоретическое, но и большое практическое общественное значение, лишь в том случае, если при анализе социальных явлений перестанем прислушиваться к тому таинственному голосу, который по словам наших мистиков, начиная от глубокой древности человечества и до наших дней нашептывает нам, будто бы, сказки о чудесном. Таинственное покрывало, окутывающее до сих пор еще сложнейшие социальные феномены, должно быть сорвано.

Успехи материалистической мысли говорят за то, что мы к этому все более приближаемся.

---

[1]) «Этнографическое Обозрение». 1895 г. № 3. Н. Харузин «Новые материалы для изучения истории развития семьи». Стр. 113.

[2]) H. Eildermann. Op. cit. s. 115. Русский перевод стр. 108.

[3]) H. Cunow «Zur Urgeschichte der Ehe und Familie» S. 69.

С. З. КАЦЕНБОГЕН.

Сложная форма брака у племени Аруссе-Галласов в Абиссинии.

Современная эволюционная этнология и генетическая социология строят свои выводы на основе все увеличивающегося с каждым днем фактического материала.

Собирание материала особенно важно для той области этнологии и социологии, которая исследуют отдаленнейшие времена человеческой доистории, в отношении которых особенно возможны неосторожные малообоснованные выводы. За последние десятилетия накопилось такое огромное множество разнообразнейших сведений о народах, населяющих отдаленнейшие уголки земного шара, что многих исследователей они часто подавляют своей тяжестью и кажущейся хаотичностью.

Особенную пестроту представляют брачно-семейные отношения. Некоторых эта пестрота заставляет даже отрицать всякую закономерность в эволюции брака и семьи. Другие же, ограничивая свои исследования только незначительной частью огромного материала, и притом неправильно его толкуя, приходят к совершенно ошибочным выводам. К числу последних относится утверждение представителей клерикально—этнографической школы о том, что подавляющее большинство современяых полукультурных народов моногамно.

Брачно-семейные отношения некоторых современных народов представляют собой весьма часто причудливые наслоения многих форм, из коих одни еще совершенно жизненны, вполне соответствуя данной культурной ступени, другие же-только бледные тени далекого прошлого.

Подобно тому, как геологические напластования воспроизводят перед нами историю материальной культуры человека, так иногда напластования в социальной жизни народов, с помощью сравнительного метода и метода переживаний, способны помочь нам выяснить основные этапы в эволюции тех или иных социальных институтов. Как пример сложной формы брачных отношений, совмещающей в себе и следы далекого первобытного прошлого и влияния новых условий производства, чрезвычайно любопытно ознакомление с брачной жизнью племени Аруссе-Галласов в Абиссинии.

Племя это стоит на сравнительно высокой ступени культуры, занимается преимущественно скотоводством, в меньшей степени земледелием и умеет обрабатывать металлы.

Относительно брачных отношений в Абссинии вообще и у галласов в особенности в литературе имелись до настоящего времени разноречивые и совершенно недостаточные сведения.

Так George Schulein сообщает, что „хотя девушки до брака позволяют себе при случае некоторую свободу нравов, в замужестве они остаются вер-

ными женами" [1]) Ратцель констатирует свободу добрачных отношений у галласов и полигамию среди богатых. [2]) Брюс дает совершенно иную картину отношений меж полами в Абиссинии. По его словам «женщины живут там, как будто бы они были общи целому миру и их удовольствия имеют границей одну лишь их добрую волю... Хотя иезуиты много говорили о браке и о полигамии в Абиссинии, но не менее верно, что в Абиссинии неизвестно то, что мы разумеем под браком» [3]).

Наконец Д. Анучин утверждает, что в семейном быту галласов „преобладает моногамия» [4]).

В журнале „Archiv für Anthropologie" нам удалось почерпнуть интересные сведения о племени Аруссі-Галлассов, которые проливает совершенно новый свет на их брачные отношения [5]).

Молодой галлас, остановив свой выбор на какой-нибудь девушке, направляется к ее отцу и после взаимных приветствий и расспросов, договаривается о плате за невесту—о количестве меда, масла, одежды, предназначенных для ее отца, матери и родных. С этого времени молодой галлас часто посещает своих будущих родных и постепенно расплачивается за невесту. На долю же отца молодого галласа выпадает чрезвычайно любопытная миссия: он должен, с согласия жениха, подыскать для его будущей жены возлюбленного, так называемого „Alangé", имеющего фактически все супружеские права подлинного мужа. В свадебный день отец невесты дарит своей дочери число коров вдвое большее, чем получил от жениха. Свадебная процессия возглавляется Alangé, который держит на руках совершенно прикрытую невесту. Сзади едут верхом жених и его друзья. А замыкает процессию отец и мать невесты. Мать жениха ожидает всех с угощением у его дома. Поздно ночью жених удаляется к своей невесте в женскую половину дома, а гости ночуют в другой части дома. Два дня спустя Alangé навещает юную чету, которая угощает его. Затем муж удаляется, и Alangé проводит ночь у молодой женщины. Посещения эти с этого времени становятся регулярными. Муж не ограничивается, однако, одною женой, а приобретает их несколько. Каждая из них также приобретает своего Alangé. Кроме Alangé, занимающего почти равноправное с мужем положение, женщина приобретает себе еще „друга". Муж относится к этому совершенно спокойно, требуя лишь в виде компенсации, определенное количество скота. После этого делового соглашения, жена направляется к своему «другу» и проводит ночь у него. „Друг" также женат. Его жена вымазывает «подруге» лоб теплой кровью специально зарезанной для этой цели овцы. «Подруга» садится верхом на лошадь, кладет на нее овцу и нож. Всякий встречный имеет право этим ножем отрезать себе кусок мяса. «Друг» дарит для мужа своей «подруги» коров, лошадей и одежду. С этого момента «друг» получает беспрепятственный доступ к „подруге". Неограниченной свободы половых отношений, однако, у галласов нет. В одно и то же время галласка не может иметь многих «друзей». В случае бегства жены, муж относится к этому, большей частью, спокойно. Он приобретает, однако, права на детей своей бывшей жены от ее нового мужа.

Из этого краткого описания брачных отношений у галласов явствует, что у *них каждый мужчина есть чей либо муж, и в то же время может быть чьим-нибудь* Alangé *или «другом», а каждая женщина кроме того, что она чья либо жена, еще и принадлежит какому либо* Alangé *и «другу»*.

---

1) «Народы мира» Перевод с англ. Пг. 1916 г. «Абиссиния» Г. Шулейн, стр. 584.
2) Ф. Ратцель «Народоведение» Т. II Стр. 179,180.
3) Цитировано по Н. И. Зиберу «Очерки первобытной экономич. культуры». С. П. 1899, стр. 389.
4) Энциклопедич. Словарь Брюкгауз-Ефрона. Д. Анучин «Галла, Галласы» стр. 927.
5) «Archiv für Anthropologie». Band XIX II und III Heft. Braunschweig 1923. «Aus dem Eheleben der Arussi—Galla in Abessinien», von Walther Zahn.

Отношения эти несомненно напоминают групповой брак у австралийцев, где tipa-malka соответствует галласскому мужу и жене, а pirrauru и pirraungaru—Alangé и «другу».

Разница заключается только в том, что у австралийцев можно одновременно иметь несколько pirrauru, хотя и здесь соблюдается старшинство.

Существующая у галласов форма брака близкаик cicisbeat'у, сущность которого заключается в том, что наряду с действительным мужем имеется еще и побочный. Однако, у галласов и в данном случае мы находим особенности: во-первых кроме побочного мужа, Alangé, имеется еще и «друг»; во-вторых, не только жена имеет побочного супруга, но и муж может также быть чьим-либо побочным супругом.

Эрнест Краулей, противник теории группового брака, правильно однако отмечает, что «чичисбеат представляет собою явление, параллельное одной стороне урабуннского обычая» [1]).

Наряду с архаическими формами брака, напоминающими групповой брак, характерны экономические мотивы, пронизывающие брачные отношения у галласов. Скотоводческий быт, земледелие, обмен заставляют, очевидно, смотреть на женщину, как на материально ценную единицу. Отсюда—покупка жены, уступка прав на нее за определенное вознаграждение и право мужа на детей своей бывшей жены от ее нового мужа.

Не считая возможным пока делать окончательные выводы относительно отнесения брачных отношений у галласов к той или иной точно очерченной форме брака, мы высказываем лишь следующие предположения:

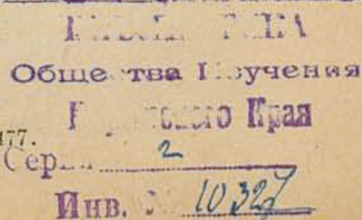
1) Брачные отношения меж полами у галласов, во всяком случае, опровергают всякое предположение о наличии у них моногамии.

2) Эти отношения дают основание предполагать существование у галласов некогда беспорядочных половых отношений.

3) Половые отношения мужа—жены—Alang'e—«друга» с одной стороны весьма близки к групповому браку у австралийских племен диери и урабунна, с другой *отчасти* напоминают чичисбеат.

4) Сравнительно высокое—культурное состояние аруссп-галласов привело к известному регулированию отношений меж полами, определяемому исключительно характером хозяйственной жизни галласов.

[1]) Э. Краулей «Мистическая Роза». Спб. 1905 г. Стр. 477.

Набрано и напечатано в 1-ой Гостипографии „Белтрестпечати“ в г. Минске в колич. 1000 экз.
Заказ № 2909.
Главлитбел № 1859.

Набрано и напечатано в
1-й гос. тип. Белтрестпечати
в г. Минске. Тираж 1000 экз.
зак. 2909. Главлитбел № 1859.

Содержание предыдущих выпусков „Трудов Б. Г. У-та."

№ 1.

№ 2—3.

